

Том 2 · # 3 · 2017

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА · 2017

Vol. 2 · # 3 · 2017

**URBAN
STUDIES
AND PRACTICES**

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW · 2017

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Учредитель:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«**ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ**»

Позиция редакции
может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов
возможна только
по согласованию
с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций. Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС 77 - 66568

Распространяется
по подписке:
Каталог агентства
«Роспечать» –
подписной индекс
80353

Адрес редакции
фактический:
101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 13,
стр. 4, оф. 416
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
тел.: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический:
117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4
Издательский дом ВШЭ
почтовый: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20
НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90*15298,
e-mail: id@hse.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ
Том 2 · # 3 · 2017

Главный редактор
НОВИКОВ А.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционная коллегия
АРЧЕР Г. (*Capital Perspective*, Российская Федерация)
ВАРШАВЕР Е.А. (РАНХиГС, Российская Федерация)
КОТОВ Е.А. (ВШУ имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ОСТРОГОРСКИЙ А.Ю. (Архитектурная школа МАРШ, Российская Федерация)
РОЧЕВА А.Л. (РАНХиГС, Российская Федерация)
СТРЕПЕТОВ А.Ю. (ВШУ имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет
БЛИНКИН М.Я. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
АСС Е.В. (МАРШ, Российская Федерация)
ЗАМЯТИН Д.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ЗАПОРОЖЕЦ О.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ИЛЬИНА И.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КИЧИГИН Н.В. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОЛОКОЛЬНИКОВ А.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОРДОНСКИЙ С.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КУРЕННОЙ В.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КОСАРЕВА Н.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
КРАШЕНИННИКОВ А.В. (МАРХИ, Российская Федерация)
НИКОЛАЕВ В.Г. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ПУЗАНОВ А.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РЕВЗИН Г.И. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
РУБЛ Б. (Международный научный центр имени Вудро Вильсона, США)
САФАРОВА М.Д. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
СИВАЕВ С.Б. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ТРУТНЕВ Э.К. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
ХЕЙНЕН Н. (Университет Джорджии, США)
ШОМИНА Е.С. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь
Петрухина А.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Менеджер редакции
Кодзокова Д.Р. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Выпускающий редактор А.В. Заиченко
Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина
Художник А.М. Павлов

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS

Graduate School of Urbanism

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

Publisher:
NATIONAL
RESEARCH
UNIVERSITY
**HIGHER SCHOOL
OF ECONOMICS**

The editorial position
does not necessarily
reflect the authors views.
The reproduction of materials
without permission of the
editorial office is prohibited.

The journal is registered
July 21, 2016 in the Federal
Service for Supervision in the
Area of Telecom, Information
Technologies and Mass
Communications. Certificate of
registration of mass media
PI No. FS 77 - 66568

Subscription Index:
"Rospechat" Agency – **80353**

Address:
National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya St., Moscow,
115054, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

URBAN STUDIES AND PRACTICES

Vol. 2 · # 3 · 2017

Editor-in-Chief

ALEXEI NOVIKOV (*HSE, Russian Federation*)

Editorial Board

ALEXANDER OSTROGORSKIY (*MARCH Architecture School, Russian Federation*)

ALEXANDER STREPETOV (*Vysokovsky Graduate School of Urbanism NRU HSE, Russian Federation*)

ANNA ROCHEVA (*RANEPa, Russian Federation*)

EGOR KOTOV (*Vysokovsky Graduate School of Urbanism NRU HSE, Russian Federation*)

EVGENY VARSHAVER (*RANEPa, Russian Federation*)

GUY ARCHER (*Capital Perspective, Russian Federation*)

Editorial Council

MICHAEL BLINKIN (*HSE, Russian Federation*)

EUGENE ASSE (*MARCH, Russian Federation*)

NIK HEYNEN (*University of Georgia, USA*)

IRINA ILINA (*HSE, Russian Federation*)

NIKOLAY KICHIGIN (*HSE, Russian Federation*)

ANDREY KOLOKOLNIKOV (*HSE, Russian Federation*)

SIMON KORDONSKY (*HSE, Russian Federation*)

NADEZHDA KOSAREVA (*HSE, Russian Federation*)

ALEXEY KRASHENINNIKOV (*Moscow Institute of Architecture, Russian Federation*)

VITALY KURENNOY (*HSE, Russian Federation*)

VLADIMIR NIKOLAEV (*HSE, Russian Federation*)

ALEXANDER PUZANOV (*HSE, Russian Federation*)

GRIGORY REVZIN (*HSE, Russian Federation*)

BLAIR RUBLE (*Woodrow Wilson International Center for Scholars, USA*)

MARIYA SAFAROVA (*HSE, Russian Federation*)

ELENA SHOMINA (*HSE, Russian Federation*)

SERGEY SIVAEV (*HSE, Russian Federation*)

EDOUARD TRUTNEV (*HSE, Russian Federation*)

DMITRY ZAMYATIN (*HSE, Russian Federation*)

OKSANA ZAPOROZHETS (*HSE, Russian Federation*)

Executive secretary

Alexandra Petrukhina (*HSE, Russian Federation*)

Manager

Diana Kodzokova (*HSE, Russian Federation*)

Executive editor Anna Zaichenko

Pre-Press Yulia Petrina

Designer Andrey Pavlov

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

7/ О. SOLOVYEVA

**Communicative Ecology of Moscow Residents:
Mapping Major Patterns Among the Young Dwellers**

16/ С.Ю. ТРУХАЧЕВ

**Коллективные сады как новый тип жилья в крупнейших городах
(на примере Ростова-на-Дону)**

28/ М.Н. КОРОЛЕВА, М.А. ЧЕРНОВА

**Тактики реализации городских проектов
в условиях современных управленческих практик и законодательства**

43/ С.Г. ПАВЛЮК, К.С. НИКОГОСЯН

**Бродвей в разрезе: профильное районирование
как методика полевого исследования**

64/ И.И. МИТИН

**Ментальные карты города:
история понятия и разнообразие подходов**

РЕЦЕНЗИИ

80/ А.В. ГОРОДНИЧЕВ

**Рецензия на коллективную монографию “Transport Systems of Russian Cities:
Ongoing Transformations”**

CONTENTS

7/ OLGA SOLOVYEVA

**Communicative Ecology of Moscow Residents:
Mapping Major Patterns Among the Young Dwellers**

16/ SERGEY TRUKHACHEV

**Collective Gardens as a New House Type in Largest Cities
(The Case of Rostov-on-Don)**

28/ MARIA KOROLEVA, MARIA CHERNOVA

**Tactics for Realization of Urban Projects within Current Legislation
and Management Practices**

43/ SEMEN PAVLYUK, KARINE NIKOGOSYAN

**Broadway in Details: Linear Zoning
as a Method of Field Work**

64/ IVAN MITIN

**Urban Mental Maps:
History of the Term and the Diversity of Approaches**

BOOK REVIEWS

80/ ANTON GORODNICHEV

Book Review “Transport Systems of Russian Cities: Ongoing Transformations”

OLGA SOLOVYEVA

COMMUNICATIVE ECOLOGY OF MOSCOW RESIDENTS:

MAPPING MAJOR PATTERNS AMONG THE YOUNG DWELLERS

Urban Studies and Practices Vol.2 #3, 2017, 7-15

<https://doi.org/10.17323/usp2320177-15>

Introduction

Competitive urban environments enhance policy makers and urban developers to raise the standards of urban management and planning to create conditions attracting existing and new residents. Still, a significant number of prioritized development trajectories are impossible without strong communicative components and civic engagement for sustainable human capital, business and cultural development. Cities and metropolitan areas can be seen as dynamic structures and processes. Dwellers witness constant changes, improvements and modifications that have become a norm of the modern urban life. Such changes are usually provided by infrastructural enhances in the broader sense, therefore, all the processes are coordinated and influenced by overall communicative urban system. It includes communication mediums, technologies, software and cultural practices that became major drivers for changing the experience of interaction between dwellers and the city itself. Understanding the communicative logic of urban spaces, communities and major communication flows, along with formation of integrated models of urban communicative processes becomes a fundamentally important task. On a par with other factors, its solution contributes to the sustainable development of society [Pichugina, 2017].

Urban communication has intense impact on social infrastructure design and social processes in general. People tend to associate themselves with places of their residence. The problem of citizen's identity and residents' role in urban planning and decision-making has been broadly discussed among Russian scholars through a number of interdisciplinary studies [Chernyavskaya, 2011; Pirogov, 2012; Dyagileva, Zhuravleva, 2012; Tykanova, 2013; Antonova, Rakevich, 2016]. The existing definition of a citi-

Olga Solovyeva, Lecturer at National Research University Higher School of Economics, Department of Integrated Communications; bld. 1, 8/2 M. Trehsvjatitel'skij pereulok, Moscow, Russian Federation. E-mail: osolovyeva@hse.ru

Abstract

This exploratory research questions communicative patterns of Moscow metropolitan area residents: practices, attitudes to the city and technological tools used for information search and communication matters. Applying communicative ecology concept on the city level, author analyses data collected by an online survey ($N = 200$) to distinguish key communication patterns within three dimensions: social, technological and discursive. Among the major communication patterns, we identified significance of the strong ties among residents, relatively low level of membership in social and civic society organizations and exceptionally low level of involvement in local community problem-solving. The study delineates several problems of communicative ecology and prospective directions on urban communication research in Moscow.

Key words: urban communication; communicative ecology

zen or an urban resident implies such characteristics as: civic engagement, transformation of the urban space through various instruments of participatory involvement. Therefore, Ivanov argues about the inconsistent usage of the definition of an "urban dweller" or "residents" for the contemporary discourse as the research results show the main factors stipulating residents to choose the city are economic stability and availability of green areas [Ivanov, 2016]. Yet, horizontal ties constituting communities along with the institutional tools for civic involvement and communication became rather weak back in early 2000's and hitherto, which is supported by low political interest and civic activity [Kashirskih, 2014]. Enhanced development of technology and rise of social standards in urban areas, shifts the attention of sociologists and policy developers towards the research of communicative patterns that drive urban interconnectedness. Scholars,

policy-makers and civic activists are engaged in developing a theoretical, practical and technological basis for transformation of cities towards the increased well-being of citizens, sustainable and continuous development. Addressing characteristics of the urban communication system, important insights in values and place of an individual in this urban landscape can be derived. The presented exploratory study delineates several issues in public management, information distribution and civic practices drawn upon the gaps in communicative system, or communicative ecology of Moscow residents. The research is focused on both, online and offline mediated interactions within the communicative ecology model. The author distinguishes major patterns on three layers of communicative processes: social, discursive and technological.

Ecological Approach to Urban Communication

Urban communication research as an academic field appeared in the second half of 20th century at the junction of urban and communication research and has been mostly driven by technological advancement determining societal change [Kvyat, 2015]. New forms of media and communication are shaping the way individuals experience the city and structure their everyday practices, affecting the overall level of well-being. Yet, the lack of normative perspective continuously characterises research within the field [Brenner, Schmid, 2013]. Communication along with consumption patterns, lifestyles, rules and rituals of dwellers vary due to historical, cultural, spatial and technological reasons and thus create an ecosystem that supports the complexity of urban culture [Krätke, 2003]. Scholars conducting research on urban communication rely on various theoretical and methodological approaches.

For the purposes of this study, we are focusing on ecological approach to communication at a city level. Such approach provides us with minimal restrictions for interpretation, which is essential for an exploratory research. Pioneers of urban scholarship Chicago school (or Ecological school) sociologists considered cities as a new form of the societal, “pattering the urban growth and social differentiation” [Park, Burgess, 1925]. Initially researchers saw evolutionary, biological stimulus in urban life sociality, which unconsciously leads toward the creation of the most effective urban space because of biotic struggle. Thus, “highlighting the role that media institu-

tions and communication practices play in how different communities within a city may or may not speak to each other” [Aiello, Tosoni, 2016]. The Chicago school considered communication to be an underlying process of community development and “primary means to understand social phenomena” by which various types of activities are integrated into the whole [Krukeberg, Tsetsura, 2008]. The early Chicago school addressed various communication and transportation factors as primary factors of ecological organization in urban areas [Park, Burgess, 1925]. Operating within sociocultural research tradition, Chicago school successors would criticize the objectivity of the research on people settlement and put the stress on role of culture and traditions [Firey, 1947]. Still, the ecological approach was influential within academic thought as Hawley (1944) proposes the concept of human ecology to describe the phenomenon of human organization. The media ecology concept, developed by McLuhan in the 1960’s, provided a resonant framework for media production and consumption analysis and despite wide criticism, is still widely used among communication scholars. Considering environmental issues in developing areas, the political ecology concept was influential in 1980’s. Subsequently, the ecological anthropology was and is still used widely to explain cultural and ethnical dynamics in communities which still provide a solid methodology with the communicative aspect. An ecological approach allows to overlook the various contexts that constitute individuals’ surroundings, societal nature of communication, which is constituted through elements varying from social contacts to urban infrastructure. Thus it has been applied to outline the issue of individual, community and information communication technology (ICT) [Meyrowitz, 1985]. The concept of communicative ecology originates in David Altheide’s “ecology of communication,” and refers to the ways how “information technology and communication formats operate in the effective environment and are intertwined with activities,” which therefore influence the social order as a means of cultural control [Altheide, 1994]. With the penetration of new technology, linkages between users changed likewise, the media consumption became more complex, allowing the diversification of personal communicative ecologies. Therefore, communicative ecologies of individuals share many characteristics in common, which drives urban communication research on the levels of communities, organizations, neigh-

bourhoods and cities. The concept is widely used as a theoretical orientation in a research on urban communities [Matsaganis, 2016]. For example, the significant amount of studies guided by Markus Foth on neighbourhood communication (with an emphasis on ICT usage) is conducted within communicative ecology framework: e.g., development of community portals in urban villages (2008) or research on social networks of inner-city apartments (2007).

As mentioned earlier, communicative ecology is a layered model of three with a focus on social, discursive and technological dimensions. The following chapter describes all three with the emphasis on the developed research methodology.

The social level refers to the people and social structures. Remarkably, it occurs both in physical and digital dimensions, as individuals maintain their social networks to match their needs via mediated communication channels [Rainie, Wellman, 2014]. In this study, we address two criteria to map the social level: social interaction patterns and level of social engagement. The criterion of social interaction patterns depicts the major day-to-day communication patterns. It refers to the type of resident's social circle, their level of communicative activity and belonging to urban communities. Throughout the research of communities' development, Jeffres [2007] introduces the concept of "communication capital" which is defined as "communication patterns that facilitate social problem solving in the community," depicting sustainable communities. Still, sustainability criteria may vary from one community to another along with diversity of communication capital components, but it always enhances the capability of effective problem-solving and social reproduction. While effective problem-solving criterion relies on transparent governance and level of civic involvement, the social reproduction is maintained on an everyday basis throughout the symbolic interaction. Here we emphasise the role of social engagement, which attributes to the involvement of residents in community issues through the participation in local formal and informal organizations. It is essential to note here, that the definition of community in Anglo-Saxon tradition may not be applicable to Russian urban life. Glazychev [1994] argues that atomization of residents was quite intensive in post-soviet cities: "In continuous attempts to [find] the approaches for survival and development of Russian citizens into communities (as it

is called in Western tradition), I was stubbornly searching for the "molecule" of urban life. The integrity <...> that may become a sign of societal. Obviously, neighbourhoods (administrative districts in urban areas) are not a pure representation of this idea — if they can be called neighbourhoods, then only with a large share of convention." Therefore, in the context of this research, we refer to the communities as groups of individuals organized on a principle of shared interests mostly, and separate it from territory-based self-organized unities. To avoid reducing social layer to social relations themselves, we offer the following conceptualization, linked to the categories that can be found in research on local identity [Samoshkina, 2008]. First of all, it is self-identification with neighbourhood/district, indicating whether locals see themselves as a part of the community. Secondly, the neighbourhood/district interaction referring to the overall communication level among the dwellers. And the third, the aspect of civic involvement, which we assume to be dependent to self-identification and the intensity of interaction with others within the neighbourhood/district level.

The discursive level comprises the themes and content of communication. For this dimension of inquiry, we explored the most active requests of the citizens and attitudes towards the urban communication system. Researchers agree that the way mediating the access to information and individuals who are not physically close, is challenging and changing constantly patterns of human interaction [Wellman et al., 2003]. Thus, the extent to which urban landscape can be understood on physical, social and ethnographic levels by the residents and how is it different from the city depictions of the tourists will define the visibility of such a city.

The technological layer is referred to the set of infrastructural communication means that provide information exchange within the community. Global digital transformation is shaping routines of residents, their work and leisure practices to maintain communication, informational capacity and connectivity in metropolitan areas [Castells, 1992]. Scholars argue that the computer-mediated communication would affect various aspects of residents' life: from interpersonal relations to community building and communication with authorities and public services providers, with an extended impact on city government and development [Jeffres et al., 2013]. To interpret this dimension of residents' communicative ecology, respondents were asked

to measure public places availability for their leisure and civic activities, as possibility to gather, conduct meetings and see other which thus sets the preconditions for formal and informal public dialogue. Digital environment was another focus at this level. As Moscow has reached 90% of Internet users in 2015 and remains the leader of digitalization among Russian metropolises [Skolkovo, 2016], the extent to which residents confirm the trend is unclear along with the highlights on the most common patterns of digital usage. Here we refer to the experiences of residents with various digital tools (e.g., applications, web-sites, online services) to communicate and coordinate their city-related activities.

Method and Data Collection

An online survey ($N = 200$, aged 18–40, convenient sampling of HSE (National Research University Higher School of Economics) students) was the major tool of data collection on that stage of research. The questionnaire was distributed via email among HSE students (Integrated Communication Department), who were further asked to complete the form and share it. More than half respondents (62.5%) aged 18–25, 27% — 26–35 years old, 8.5% — 36–40. Respondents over 40 years old were excluded from the survey sample due to underrepresentation. Gender distribution was 60% of female and 40% male respondents. The data collection was held within two months from April through May 2016 with an average response rate of 45%. Survey was conducted to depict main attitudes of residents towards the city, the perception of communicative environment and the usage of technology available at the city level. The total number of questions in the survey was 12, mostly multiple-choice questions with an opportunity to provide own reply. First block of survey questions was built to distinguish the patterns of social interactions and the level of civic engagement considering community issues. Respondents were asked to self-evaluate their patterns of interactions with others and choose the most applicable options of leisure activities planning (e.g. spending time with family and friends, meeting with people outside close social circle etc.). Next criterion was the level of engagement. First, we asked about the membership in local communities of different kind: civic engagement, interest clubs, volunteering, professional associations etc. We asked also whether residents participated in any local issues over past 6 months. Second block

had a focus on the evaluation of characteristics of Moscow and addressed the discursive level in our research. Respondents were asked to mark any of 26 characteristics, which in their opinion can describe the city. Most of characteristics were developed on the dichotomy principle and derived from Drucker and Gumpert's criteria of communicative city [Gumpert, Drucker, 2016], which included the following: diverse/homogenous; developed transport infrastructure/traffic-jam city; liberal/democratic/tolerant/corrupt; city of fast information penetration; progressive/outdated; social/city of lonely people; pleasant for living/depressing; safe/dangerous; technologically advanced; city where problems are solved quickly. The third block questioned dwellers attitudes on spaces and places availability (on a scale from 0 to 10) and practices of digital tools consumption. Respondents were asked to choose digital services they used in a past 3 months (e.g. navigation, healthcare, news and events search, places, business activity launch, guidelines for action, etc.). The results of this study are presented in 3 blocks (social, discursive and technological layers) in accordance with communicative ecology model.

Findings

Mapping Social Layer

Social interaction patterns. Given criteria was evaluated through several survey questions that asked respondents about their everyday social interactions as for their leisure activities which outlined the social network of the respondent. As results show, most of the people socialize with their friends or family members (over 60%), few respondents marked both spending their leisure alone and not feeling belonging to any of urban communities. Insignificant number of respondents marked that they consider as a member of an interest club with which members they would spend their time (4%) and only 2 people out of the sample are using digital technologies to find the company for an occasion. Within given sample respondents chart a trend to uphold stronger ties in terms of socializing opportunities. Likewise, membership and feeling on belonging to any of urban communities is low as people do not associate their membership in urban communities with such characteristic as belonging.

Level of engagement. What are urban communities like: do residents feel belonging to any

kind of social organizations formal or informal? We questioned the membership in local communities of different kind: civic engagement, interest clubs, volunteering, professional associations etc. Respondents mostly noted that they do not feel belonging to any of city communities, therefore contradictory half of them mentioned that they are members of some leisure activity club. Still, the confusion demonstrated in the replies indicate to the certain level of misunderstanding when it comes to the concept of community. The survey showed that identity of residents is less likely to be built through the practices of participation and/or community membership. Only third of the residents demonstrated their association with a leisure activity club, organization or another urban community. For the further research, we assume that definition of community may vary significantly based on age or previous experiences of people. It is therefore crucial to understand the discourse of community involvement and its relation to other spheres of the urban life.

Mapping Discursive Layer

Attitudes to the City. Main findings drawn upon the responses of residents evaluating their attitude to the city are provided below. The number of times marked by respondents is provided in brackets. General attitudes of residents split as almost equal number of responses was collected to the characteristic of pleasant for living (41) and depressing (35) city. Significantly, Moscow is recognized by most of the residents as a diverse city (147). Importance of this characteristic applies to the developed earlier criteria of urban diversity as an essential aspect of the dynamic urban environment, that links individuals with different backgrounds in public places and spaces, fulfilled with activities and opportunities. An important part of urban diversity, such as cultural diversity, was also acknowledged by respondents. Multicultural surrounding is crucial for understanding the communicative nature of city. Continuing the line of communicative sufficiency, we addressed the subjective characteristic of feeling social or excluded: respondents marked Moscow as a social (53) almost as often as the city of lonely people (42). Thus, the replies collected do not provide definite answer on the question if Moscow is linking people together or not as the number of replies in favour of this factor is tended to the opposite. Corruption (65) as a characteristic relies significantly on the citizen's attitude towards officials and hereafter is

connected to the civic activity and thus reflects in the overall trust level to the city officials. Here we can assume the linkage between the level of tolerance, democratic procedures and liberalism (26) with the criteria of low civic involvement. As in Moscow the trend for increased technologizing and digitalization is highly supported by authorities, the level of information penetration (69) shall be significantly higher when it comes to the news spread and transparency of the information access. Residents need news and updates on the projects conducted both by administration and civic society to feel themselves involved in the urban society life. Based on the results of this sample survey, Moscow filled with the multiple information sources is yet perceived as a city with a decent score of the information penetration. There may be multiple reasons for this. On the one hand, it can be information overload with the "noise" thus distressing the information from the receivers. On the other hand, it can be the consequence of the low transparency level within various types of reporting. The survey displayed low results on problem-solving variable as well. Only 12 respondents have chosen characteristic of fast problem solving applicable to Moscow. This can be the sign for official's ineffective governance. Sustainability as an essential goal for the community existence is linked tightly with the system to respond quickly to challenges appearing. Consequently, Moscow is perceived by citizens as a progressive city of a constant change (55), rather than outdated (6), which is a sign for urban space being developed in the accordance with citizen's expectations. Yet the characteristic of a dangerous place (33) was marked significantly more often compare to safe (9). Other characteristics mentioned by respondents were "full of stress" and "fast city where everything is happening and killing you, but in another place, you get bored." Stress mentioned in both replies is another significant disqualifying factor for communicative city, which influences the well-being of citizens. Disadvantages of this system appear at the level of functioning in different spheres of urban life starting with city being simply dangerous for citizens, to the slow respond to the challenges community is facing due to the lack of communication and transparency. Nevertheless, apart from the problems, survey outlined the strengths of urban space as it is diverse and promoting the development.

One of the survey questions addressed the practices of citizens' online tools usage in every-

day life. Summarizing the results, the most popular were the options considering leisure time planning, routine needs, healthcare and housing services. Response options of the civic discourse such as volunteering, local legislation, city politics and municipal financial reports were marked by less than the quarter of respondents. Lowest place in the hierarchy was taken by information sources considering local history and religion.

Mapping Technological Layer

Places and spaces availability. In one of the survey questions respondents were asked to evaluate the accessibility of the public places in Moscow on the scale from 0 (hard to find any/hard to access) to 10 (many places, easy to access in terms of availability, price, open hours). With the average score for 7.87, Moscow, in the eyes of the respondents, is a city providing enough of the opportunities for socialization and meeting others. Places to organize different activities or just to observe and feel yourself included into the common process of urban life. Noteworthy that the lowest grades (below 5) were given by representatives of North-West administrative district. Therefore, we can assume that there may be slight difficulty to provide a holistic evaluation on the public places availability: results may vary from district to district. Still, multiple factors influence the availability characteristic e.g., physical availability, entrance price, working hours. As there may be few public places for gathering in the neighbourhood, the working hours can be restricted which makes it impossible for the whole segment of residents to use such places on their needs. Availability of the simple place where people can set an interest-club or just organize the space for a discussion can potentially increase the civic involvement of community.

Digital Sufficiency and Usage

We also asked to mark the web-sources and applications used by the residents during the past three months to find information about the city they needed. Responses showed strong linkage with the findings of the previous question as the navigation tools and news web-sites were the most cited. Remarkably, web-sites of Moscow government departments were marked pretty often as 16% of respondent answered they were looking up for this information. Local communities in the social media were not popular among

the respondents, which proofs one of the findings in the previous chapter on low involvement in the community issues. The lowest score was gained by the local municipality web-sites (4% of respondents).

Conclusion and Further Research

For the inquiry, Moscow communication system was examined on the three layers: social, discursive and technological. Current research confronted severe difficulties in terms of data collection and results interpretation. Thus, research sample was rather scarce, the attempt to delineate communicative ecology of residents opens further research opportunities. We suggest applying given framework on a smaller scale communities, as the approach is useful to measure the communicative system, identify local problems.

Communication patterns of social layer identified significance of the strong ties among the residents, relatively low level of membership in social and civic society organizations and exceptionally low level of involvement in local community problem-solving. Remarkably, even though residents participate in some social activities on a constant basis, they do not feel themselves as a part of the local community. We assume for the further research that the definition of community may vary significantly based on age or previous experiences of individuals. It is therefore crucial to understand the discourse of community involvement and its relation to other spheres of urban life.

Moscow was accessed as diverse multicultural, problems of corruption, poor traffic regulation and cultural advancement were noted, however, respondents mentioned relatively low response to the emerging urban problems on the city level. Deficiency of the public interest and civil involvement on a local level is supported by the discourse on informing, civil agenda is restricted and prospects for the non-moderated discussion are limited. Likewise, survey results show that residents are not actively engaged in the civil activities on neighbourhood or city level, though the intentions for such involvement were identified, they are not supported.

Inquiry on the technological level of communication system showed a significant level of technological enhancement within the services provided by officials in the spheres of healthcare, housing services and education. Level of the technological penetration is significantly high

as many urban services become digitalized and obtain popularity among users. Although, there is a lack of options oriented towards the public dialog between citizens and officials. Linking these findings with the previous ones on comparatively slow information penetration on city problems, we conclude that further research on individual information seeking strategies is required. Changing nature of network urban communication appeared and recently the concept of networked individualism [Foth, Hearn, 2007]. Thereby, with the focus on residents' networks and digital tools used for its maintenance, deep-

er insights onto urban communication can be reached to explain communicative nature and make linkages with other social processes. Besides, it will be inquisitive to inquire how the urban space is influencing the attitudes formation towards the community involvement. As the urban space in a big city is significantly diverse and extensive, citizens have multiple opportunities to join various interest groups and organizations, get engaged in discrete activities and projects, yet they do not fully accept such opportunities.

References

- Aiello G., Tosoni S. (2016) Going About the City: Methods and Methodologies for Urban Communication Research – Introduction. *International Journal of Communication*, no 10, pp. 1252–1262.
- Altheide D.L. (1994) An ecology of communication: Toward a mapping of the effective environment. *The Sociological Quarterly*, vol. 35 (4), pp. 665–683.
- Antonova N.L., Rakevich E.V. (2016) *Citizens as the subject of city image forming*. Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology", iss. 2 (26). (In Russian.) doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166
- Brenner N., Schmid C. (2014) The "Urban Age" in Question. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, pp. 731–755. doi: 10.1111/1468-2427.12115
- Castells M. (1992) *European Cities, the Information Society and the Global Economy*. Amsterdam: Centrum.
- Chernyavskaya O. (2011) Interpretatsiya koncepta territorialnoy identichnosti (Interpretation of the territorial identity concept). *Vyatsky State University bulletin*, no 4. (In Russian.)
- Drucker S.J., Gumpert G. (2009) Freedom of expression in communicative cities. *Free Speech Yearbook*, no 65.
- Dyagileva N., Zhuravleva L. (2012) Urban identity: definition, structure, basics. *Urban sociology*, no 1.
- Glazychev V. (1994) The smallest city in Russia. *The Russian Province*, no 1.
- Gumpert G., Drucker S.J. (2016) The Communicative City Redux. *International Journal of Communication*, no 10, pp. 1366–1387.
- Firey W.I. (1947) *Land use in central Boston*. Harvard University Press.
- Foth M., Hearn G. (2007) Networked Individualism of Urban Residents: Discovering the Communicative Ecology in Inner-City Apartment Complexes. *Information, Communication & Society*, vol. 10 (5).
- Ivanov P. (2016) Urban residents and production of space (case of Russian cities). *Inter*, no 11. (In Russian.)
- Jeffres L. (2007) The Communicative City: Conceptualizing, Operationalizing, and Policy Making. *Journal of Planning Literature*, vol. 25 (2).
- Jeffres L., Neuendorf K., Jian G., Cooper K.S. (2013) Auditing communication systems to help urban policy makers. *Communicative cities in the 21st century: The urban communication reader* / M.D. Matsaganis, V.J. Gallagher, S.J. Drucker (eds), vol. 3, pp. 99–136. New York, NY: Peter Lang.
- Kashirskikh O. (2014) "Demokratiya nechinaetsya doma", ili k voprosu o politicheskoy kompetentcii rossiyan ("Democracy begins at home", or Questioning political competence of Russian citizens). *Public opinion bulletin. Data. Analysis. Discussion*, no 3–4 (118). (In Russian.)
- Krätke S. (2003) Global Media Cities in a World-wide Urban Network. *European Planning Studies*, vol. 11 (6), pp. 605–628. doi: 10.1080/0965431032000108350
- Kruckeberg D., Tsetsura K. (2008) The "Chicago School" in the global community: Concept explication for communication theories and practices. *Asian Communication Research*, no 3, pp. 9–30.
- Kvyat A. (2014) The History of Foreign Urban Communication Studies. *Mediascope*, iss. 14.
- Matsaganis M. (2016) Multi- and Mixed-Methods Approaches to Urban Communication Research: A Synthesis and the Road Ahead. *International Journal of Communication*, no 10.
- Park R.E., Burgess E. (1925) *The city*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Pirogov S. (2012) Kontseptualnye modeli gorodskogo menedzhmenta (Conceptual models of urban management). (1.17) *TSU Bulletin Philosophy. Sociology. Political science*. (In Russian.)
- Pichugina O. (2017) Urbanisticheskoye prostranstvo v kommunikativnoy optike (Cities through the communication lens). *Media. Information. Communication*. (In Russian). Available at: <http://mic.org.ru/>

- new/645-urbanisticheskoe-prostranstvo-v-kommunikativnoj-optike (accessed 01.09.2017).
- Rainie L., Wellman B. (2014) *Networked: The New Social Operating System*, The MIT Press.
- Skolkovo Institute research (2016) Tsyfrovaya Zhizn Rossjiskikh megapolisov. Model'. Dinamika. Primery (Digital transformation of Russian metropolitan areas. Models. Dynamics. Examples). (In Russian). Available at: https://iems.skolkovo.ru/downloads/documents/SKOLKOVO_IEMS/Research_Reports/SKOLKOVO_IEMS_Research_2016-11-30_ru.pdf (accessed 01.09.2017).
- Tykanova E. (2013) Dispute strategies and tactics of challenging the urban time space of interests (on the example of conflicts around urban development in St. Petersburg. *SPbSU Bulletin. Sociology*, iss. 1. (In Russian.)
- Wellman B., Quan-Haase A., Boase J., Chen W., Hampton K., Díaz I., Miyata K. (2003) The social affordances of the Internet for networked individualism.

О.Г. СОЛОВЬЕВА

КОММУНИКАТИВНАЯ ЭКОЛОГИЯ ЖИТЕЛЕЙ МОСКВЫ:

ОСНОВНЫЕ ПАТТЕРНЫ КОММУНИКАЦИИ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Соловьева Ольга Геннадьевна, преподаватель департамента интегрированных коммуникаций Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
Российская Федерация, Москва, М. Трехсвятительский пер., д. 8/2, стр. 1.

E-mail: osolovyeva@hse.ru

Применяя модель коммуникативной экологии на уровне города, исследование представляет собой данные, собранные методом онлайн-опроса ($N = 200$), и определяет ключевые паттерны коммуникации молодых жителей Москвы в трех измерениях: социальном, технологическом и дискурсивном. Основные характеристики коммуникации, обнаруженные на данном этапе исследования: важность сильных связей между жителями, относительно низкий уровень членства в общественных организациях и низкий уровень участия в решении проблем местного сообщества. В исследовании определяется ряд перспективных направлений для исследования коммуникативной экологии и городской коммуникации в Москве.

Ключевые слова: городская коммуникативистика; коммуникативная экология

С.Ю. ТРУХАЧЕВ

КОЛЛЕКТИВНЫЕ САДЫ КАК НОВЫЙ ТИП ЖИЛЬЯ В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ

(НА ПРИМЕРЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ)

Urban Studies and Practices Vol.2 #3, 2017, 16-27

<https://doi.org/10.17323/usp23201716-27>

Трухачев Сергей Юрьевич, кандидат архитектуры, Советник Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), директор ООО «Научно-проектная организация «Южный градостроительный центр»; Российская Федерация, 344000, Ростовская область, Ростов-на-Дону, пер. Газетный, 121/262а, оф. 4а.
E-mail: urgc@mail.ru

Современные территории садоводств в пределах городов являются своеобразным смещением жилой и рекреационной застройки, нуждающейся в значительных вложениях в транспортную и социальную инфраструктуру со стороны городских органов власти. Сады – значительный резерв доступного и комфортного малоэтажного жилья, недооцененный в практике отечественного градостроительства. Для преобразования садов в жилые кварталы необходимо также формирование полноценных общественных пространств.

В работе проанализированы особенности формирования и развития коллективных садов, выявлены и изучены основные тенденции современного развития территорий садоводств, проанализирована градостроительная политика местных властей в отношении коллективных садов на основе разрабатываемой градостроительной документации, произведены натурные обследования нескольких садоводств в Ростове-на-Дону. На основе проведенного анализа и натурных обследований определены особенности типологии современной застройки садоводств, алгоритмы дробления земельных участков при реконструкции садов, выявлены тенденции пространственной организации территорий садоводств.

Ключевые слова: садовые товарищества; градостроительство; территориальное планирование; общественные пространства; реконструкция жилой застройки

Сегодня решение проблемы перманентного жилищного кризиса в российских городах большинству игроков рынка и государственным регуляторам видится в освоении новых территорий под пятна «комплексной застройки» или в виде «бульдозерной» реконструкции имеющихся жилых районов периода индустриального домостро-

ения. При этом за пределами внимания остаются земли, занятые садоводствами, которые давно стали неотъемлемой частью любого российского города. Они представляют собой интересный сплав застройки, сочетающей как жилые, так и рекреационные функции. По оценке А.Г. Махровой [Махрова, 2016], в настоящий момент в России насчитывается около 40 млн потенциальных садоводов.

В современной отечественной урбанистической науке и практике городского управления нет четкого представления о том, каким образом развивать территории, занятые коллективными садами, и стоит ли вообще их развивать. Исторически сложилось так, что коллективные сады заняли обширные территории в городах, зачастую препятствуя их экстенсивному территориальному росту. При этом превращение их в полноценный резерв жилья затруднено катастрофически низким уровнем инфраструктуры.

Предметом рассмотрения настоящей статьи являются территории, занятые коллективными садами в черте крупнейших городов или непосредственно прилегающие к ним, то есть формирующие ближний пояс летнего пригородного жилья и являющиеся резервом для развития городской жилой застройки. В качестве примера выбран Ростов-на-Дону – крупнейший город юга России, в границах которого расположены обширные территории, занятые коллективными садами.

Если специфически русское понятие «дача», относящееся к пригородному жилью, массово вошло в русскую культуру с середины XIX в., пережив многочисленные социальные потрясения, то коллективные сады стали элементом советской, а позже и российской городской культуры во второй половине XX в.,

сформировав к настоящему времени собственную городскую субкультуру.

В отличие от классических российских и советских дач, образующих в основном полноценные пригородные поселки, ориентированные преимущественно на рекреацию, сады изначально представляли собой массивы земель, переданных гражданам для садоводства и огородничества, то есть для занятий сельским хозяйством. Именно в таком качестве понятие «сад» рассматривается в данной статье. При этом в ряде исследований понятия «дача» и «сад» отождествляются, либо сад понимается как один из типов дач [Между домом..., 2016, с. 306]. Отличительными чертами садов являются простая ортогональная планировка с узкими проездами, примитивное инженерное обеспечение, затрудненная транспортная доступность.

Тема исторического развития и современного состояния дач, садов и, шире, — субурбанизации в России — стала предметом внимания отечественной географической науки и зарубежных специалистов, изучающих трансформацию постсоветских городов. Ей посвящены работы А.Г. Махровой [Махрова, 2014, 2016], А. Трейвиша [Трейвиш, 2014, 2016], И. Браде [Браде, 2014], А.И. Бреславского [Бреславский, 2016]. В коллективной монографии «Между домом и... домом» [Между домом..., 2016] детально проанализирован феномен российских дач, в том числе и в контексте современных зарубежных исследований. Интересен опыт бывших республик СССР, добившихся преобразований и улучшений среды дачных поселков вокруг крупных городов [Leetmaa et al., 2012].

В большинстве указанных работ объектом исследования являются дачи и сады, расположенные за городом и используемые для рекреации (второе жилье). При этом исследования в основном опираются на московскую и петербургскую практику. В данной статье предлагается рассмотреть те сады, которые находятся в процессе трансформации в городскую застройку и сочетают как рекреационные, так и жилые функции. Такое сочетание само по себе вызывает конфликт, который находит отражение в пространственной организации территорий.

В методическом арсенале городских властей отсутствуют подходы к успешному решению проблем подобных районов. Для их выработки необходимо прежде всего изучение территории как с точки зрения социально-

экономических, так и пространственных особенностей развития. Настоящая работа посвящена пространственным аспектам проблемы и включает в себя анализ планировочной структуры садоводств как будущих городских кварталов, в том числе выявление принципиальных отличий от полноценного городского жилья, имеющих предпосылок трансформации в малоэтажную застройку городского типа.

В качестве метода исследования выбраны: натурные обследования территории, позволяющие зафиксировать способы освоения этого типа пространства для жилья; изучение имеющейся градостроительной документации как средства фиксации планов публичной власти по развитию территорий; изучение нормативной базы застройки садов, оказывающей влияние на физические параметры построек.

Ниже рассмотрены особенности появления и развития коллективных садов, оказавшие влияние на их пространственную организацию, и тенденции освоения садов в настоящее время на примере одного из садовых массивов Ростова-на-Дону.

Начало массовому садоводству советских граждан положило Постановление Совета Министров СССР от 24 февраля 1949 г. № 807 «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих». Оно определило главные принципы образования садоводств — на свободных землях, не предназначенных для застройки, а также силами предприятий и организаций. Сад закреплялся за рабочим в бессрочное пользование при условии непрерывной работы на предприятии, которое его выделило, в течение пяти лет после отвода земельного участка под сад. В течение трех лет с момента получения участка гражданин был обязан освоить его личным трудом или трудом членов семьи. В числе прочего был установлен стандартный размер садового (огородного) участка — 600 кв. м, или «шесть соток».

Все последующие установления советских властей, касающиеся развития коллективных садов, исходили из временного характера садоводства (до преодоления трудностей в продовольственном снабжении) и тезиса о том, что коллективные сады — резерв дальнейшего территориального развития города, в основном индустриальной многоэтажной жилой застройки. Кроме того, сыграло роль и то обстоятельство, что в садах идеологи совет-

ского строя видели эрзац частной собственности на землю, с которым если и можно было мириться какое-то время, то в перспективе необходимо было активно подавлять. Сообразно этому разрабатывались генеральные планы городов, обрезающие садоводческие товарищества на снос если не в этой, то точно в следующей пятилетке. Осознание «временного» характера существования коллективных садов породило и отсутствие полноценного нормирования планировки территорий садоводств. Главными недостатками стали узкие проезды и отсутствие достаточного числа территорий и объектов общего пользования. Строительство в садах также планомерно ограничивалось различными постановлениями, касающимися физических параметров построек.

Тем не менее коллективные сады были популярны у горожан. Их востребованность для дальнейшего освоения советскими гражданами была обусловлена двумя факторами. Во-первых, острейшим дефицитом продуктов питания, вызванным системными проблемами продовольственного снабжения населения. Во-вторых, демографическим фактором — следствием колоссального переселения из сельской местности в города, в результате которого значительная часть горожан, сохранившая «тягу к земле», нашла в собственном саду замену утерянной малой родине.

Наиболее интенсивное освоение территорий под устройство коллективных садов происходило в 1970–1980-е годы, что исследователи связывают с введением второго выходного дня [Между домом..., 2016, с. 292]. С середины 1980-х по мере ослабления институтов государственного контроля и надзора, а также появления экономических свобод, ограничения на застройку были смягчены, а сады вследствие системного экономического кризиса стали особенно востребованы среди большого числа горожан как форма подсобного хозяйства. Именно к этому времени и следует отнести окончательное формирование городской субкультуры садоводов-любителей. Знаковым моментом в развитии садов стала приватизация участков, начавшаяся в 1990-х годах. Приватизированные сад и городская квартира стали практически единственным активом для большинства постсоветских горожан. Застройка садов этого периода характеризуется заметной дифференциацией, ставшей следствием социальной стратификации общества, которая на тот

момент еще не нашла воплощения по территориальному признаку в виде закрытых элитных поселков, огороженных высокими заборами. В результате одноэтажные садовые домики «старого» образца довольно быстро стали соседствовать с трехэтажными особняками. Это соседство и до настоящего времени остается одной из характерных черт многих садоводств, окружающих крупные города.

В настоящее время у большинства садовых участков, расположенных в городах, появилось второе поколение собственников. Для новых владельцев коллективные сады представляют собой ценность не как источник сельхозпродукции и память о малой родине, а как специфический тип летнего городского жилища, приближенного к природе и позволяющего организовать кратковременный отдых в выходные или долговременный — в период летних отпусков и каникул. Капитальный садовый дом выступает и в качестве «резервного» жилья, дающего возможность при ухудшении материального положения переехать сюда для постоянного проживания, сдав городскую квартиру внаем, либо, как в случае многопоколенных семей, используется для проживания старшего, неработающего поколения. Помимо наследников первых садоводов, на территории коллективных садов пришли и новые собственники, изначально приобретающие жилище с целью последующего постоянного проживания. В результате садовые дома, расположенные в пределах городской черты, прочно заняли свое место в низком ценовом сегменте на городских жилищных рынках. Исключение составили упоминавшиеся «дворцы» 1990-х и их более поздние аналоги, постепенно уступающие по популярности закрытым коттеджным поселкам, представляющим собой качественно иной уровень пространственной среды.

Востребованность дешевого жилья привела к локальному строительному буму на территории тех коллективных садов, которые расположены ближе всего к городской застройке, а также наилучшим образом обеспечены инженерной и транспортной инфраструктурой.

В качестве примера такого района рассмотрим характерный массив коллективных садов, сложившийся на северо-восточной окраине Ростова-на-Дону начиная с 1970-х годов. Источником для градостроительного анализа территории послужили материалы генеральных планов города, принятых

в 2007 и 2016 гг., правила землепользования и застройки 2008 г., демонстрирующие постепенную смену отношения к садоводствам со стороны городских властей, и полевые исследования, предпринятые автором в 2013–2015 гг.

Следует отметить, что популярность среди жителей города территории садов как места постоянного проживания во многом обусловлена климатическими и историческими особенностями формирования городской застройки. В самом южном «миллионнике» нашей страны сады занимают 2,7 тыс. гектаров, что составляет около 23% селитебной или 13% всей урбанизированной территории города, а вся индивидуальная жилая застройка вместе с садами занимает чуть менее двух третей всех селитебных зон города, или 4,6 тыс. гектаров [Генеральный план города Ростова-на-Дону на 2007–2025 гг., 2016]. На рис. 1 приведена диаграмма, характеризующая соотношение различных типов жилой застройки в структуре селитебных территорий города, из которой ясно видно доминирование в структуре жилых территорий индивидуального жилья с приусадебными участками и коллективных садов.

Иметь свой дом и свой участок при нем — это традиционно для Ростова-на-Дону, генетическая память о доме «на земле» характерна для многих ростовчан, проживающих в многоэтажных домах.

На рис. 2 показан фрагмент опорного плана генерального плана Ростова-на-Дону (принят в 2007 г.), отражающий ситуацию по состоянию на 2003 г. К этому моменту здесь, к северу от основной городской застройки, сформировался крупный массив коллективных садов. От прочих садоводческих массивов он отличается не только размерами (самый крупный в городе), но и тем, что в настоящий момент находится в стадии трансформации из рекреации в жилье.

Всего в пределах исследуемого контура расположены 547 гектаров, или 20% всех городских садоводств. Принимая по аналогии с другими территориями, что 15% этой территории относится к проездам и объектам общественного назначения, получим 7750 классических садовых участков размером 600 кв. м каждый. Жителями этого крупного градостроительного образования могли стать, или уже стали 7750 семей, или около 19,4 тыс. человек. Применяя к этой же территории параметры, предусмотренные генеральным планом, мо-

Рис. 1. Баланс основных функциональных зон селитебных территорий в Ростове-на-Дону на 2014 г. по материалам действующего генерального плана города

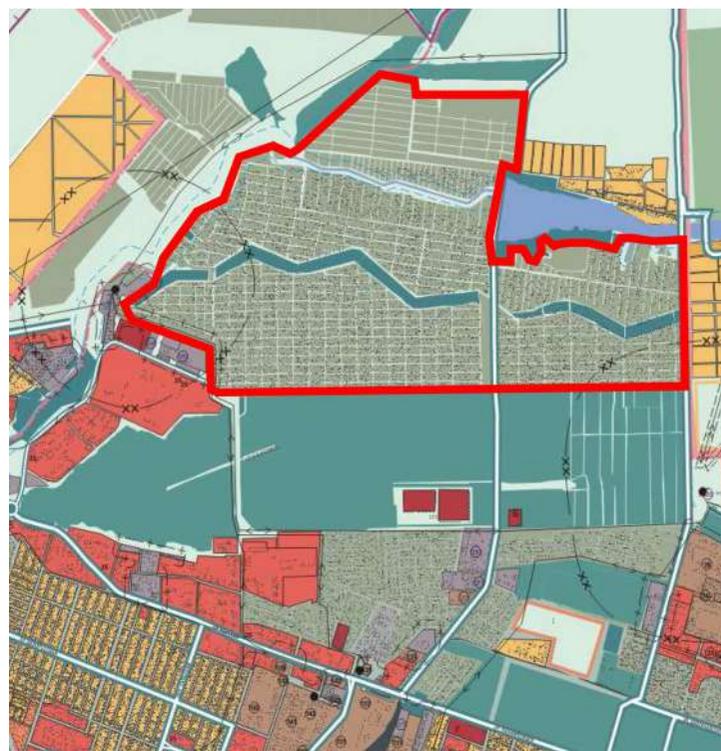

Рис. 2. Фрагмент опорного плана генерального плана Ростова-на-Дону, утв. в 2007 г. (по материалам официального сайта Администрации города Ростова-на-Дону www.rostov-gorod.info)

Примечание. Красным контуром обозначен исследуемый район.

жем получить при плотности жилого фонда 3000 кв. м / 1 га гипотетическое максимальное население около 50 тыс. человек.

Генеральным планом 2007 г. предложено перевести весь массив садов в разряд индивидуальной жилой застройки, что было продиктовано начинавшейся в это время «дачной амнистией» и касалось всех территорий коллективных садов, расположенных в городе,

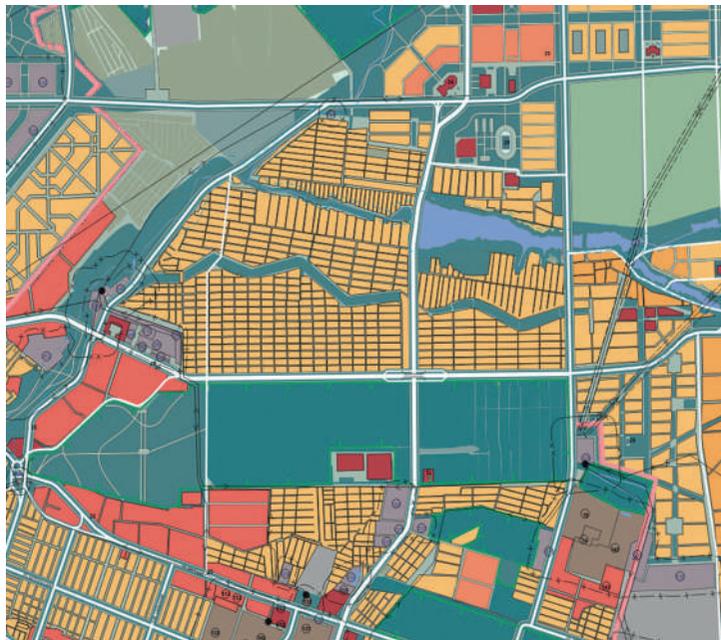

Рис. 3. Фрагмент проектного плана генерального плана 2007 г.
(по материалам официального сайта Администрации города
Ростова-на-Дону www.rostov-gorod.info)

Примечание. Желтым цветом выделена индивидуальная жилищная застройка, в том числе и исследуемая территория.

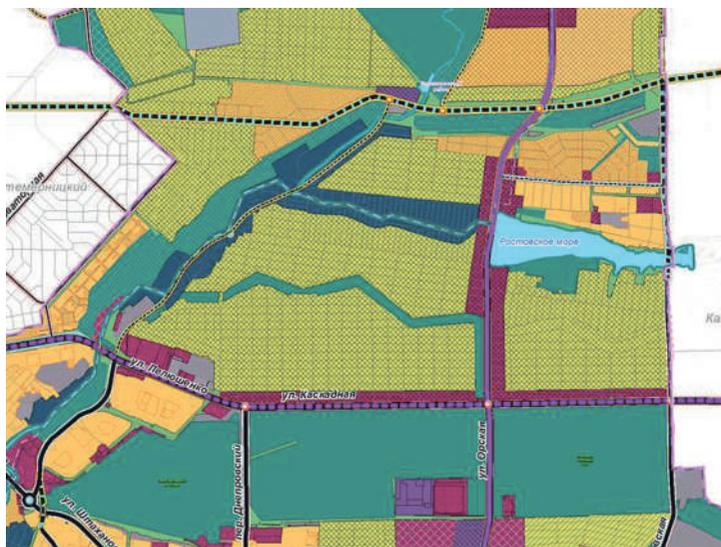

Рис. 4. Фрагмент проектного плана генерального плана Ростова-на-Дону в редакции 2016 г. (по материалам официального сайта Администрации города Ростова-на-Дону www.rostov-gorod.info)

Примечание. Светло-зеленый цвет — зона поэтапной трансформации садоводческих и дачных хозяйств в жилую застройку, темно-красный — общественно-деловые зоны, тяготеющие к основным магистралям.

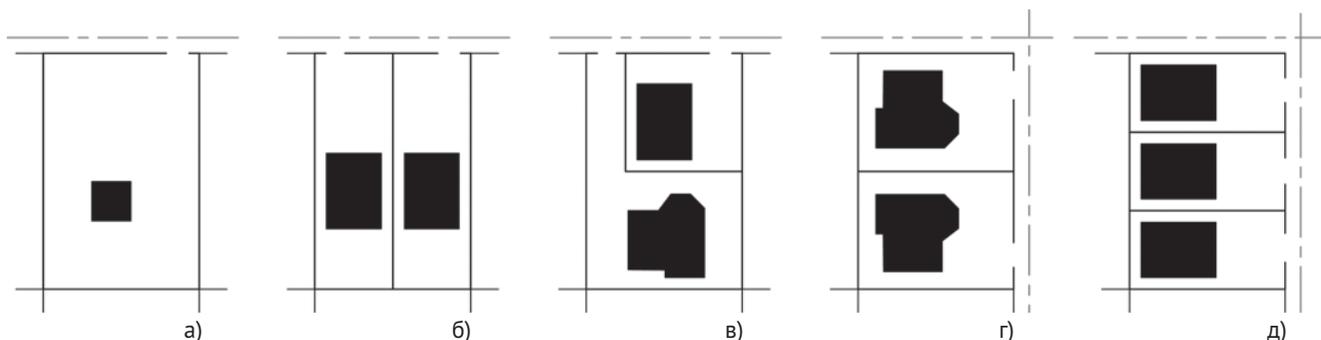
за исключением находящихся в пределах санитарно-защитных зон (рис. 3).

Однако в дальнейшем меры, предусматривающие формирование соответствующей инфраструктуры, приняты не были. Кроме того, существенным фактором, сдерживающим эволюцию коллективных садов в кварталы индивидуального жилья, стала налоговая политика, при которой ставка налога на землю для садовых участков всегда оказывалась меньше аналогичной для жилья, что делало невыгодным для собственников изменение вида разрешенного использования.

Правила землепользования и застройки города, утвержденные в 2008 г., отнесли исследуемую территорию напрямую к зоне жилой застройки 1-го типа, равнозначной с обычным индивидуальным жильем. В качестве основных видов использования в градостроительном регламенте содержалось не только жилье и сады на равных основаниях, но и весь спектр объектов обслуживания и социальной сферы, в том числе образование и здравоохранение. В градостроительный регламент было заложено положение об обязательном отступе от красной линии застройки вглубь участка минимум на 3 м, что в будущем должно было обеспечить возможность изъятия незастроенной части земельных участков садов для расширения улично-дорожной сети. Позднее эта норма была изменена, и величину отступа от красной линии теперь возможно определить по проектам планировки и межевания территорий садов.

Основные положения регламента остались неизменными до настоящего времени, что способствует постепенной «мягкой» реконструкции коллективных садов.

При подготовке следующего генерального плана, утвержденного весной 2016 г. (рис. 4), администрация города отказалась от планов перевода всех садов в жилье в ближайшей перспективе. Территория садов, испещренная островками жилья, переведена в зону «поэтапной трансформации садоводческих и дачных хозяйств в жилую застройку» [Генеральный план города Ростова-на-Дону на 2007–2025 гг., 2016]. При этом как таковые этапы трансформации генпланом установлены не были. Данный алгоритм стал общим не только для исследуемой территории, но и для всего городского округа при подготовке генплана. В действующем генеральном плане задана расчетная плотность (3 тыс. кв. м / 1 га) и коэффициент застройки (0,2).

- а) традиционный садовый участок площадью 600 кв. м с небольшим (до 25 кв. м) садовым домиком;
 б) деление рядового участка 300 + 300 кв. м;
 в) редкая схема, при которой один из участков формируется в глубине исходного участка 225 + 375 кв. м;
 г) деление углового участка на два 300 + 300 кв. м;
 д) наиболее выгодная для застройщика схема деления углового участка на три 200 + 200 + 200 кв. м

Рис. 5. Типичные схемы дробления земельных участков садов для застройки жилыми домами (показаны черным контуром)

Такое решение фактически означает фиксацию status quo, при котором часть земель, поставленных на кадастровый учет в качестве жилья, закрепляет свое положение, а часть остается в прежнем качестве. Это нарушает целостность планировки города, поскольку городское жилье всех видов предполагает наличие доступа к нему через территории общего пользования, который в случае с коллективными садами оказывается ограниченным, поскольку законодательство предполагает закрытый характер использования проездов общего пользования в составе садоводств [«О садоводческих...» № 66-ФЗ, ст. 7]. Это же порождает двойственность в обеспечении горожан необходимым минимумом услуг — органы местного самоуправления обязаны обеспечить жителей садов, как и всех горожан, услугами здравоохранения, в том числе скорой помощи и пожарной охраны, однако не могут вкладывать средства в реконструкцию дорожной инфраструктуры, находящейся в собственности садоводств.

Территория садов при наличии там постоянно проживающих людей в соответствии с действующими социальными нормативами должна быть охвачена нормируемым доступом образовательных организаций, составляющим до 500 м для школ, что также не выполняется. При этом спрос проживающих в садах людей на различные услуги рождает предложение. В результате коллективные сады относительно неплохо обеспечены элементами обслуживания, касающимися сферы деятель-

ности малого бизнеса: магазинами шаговой доступности, аптеками, мастерскими, тяготеющими, как правило, к внешним улицам, окружающим садоводства. Отсутствие услуг по дошкольному воспитанию восполняется частными лицами, действующими зачастую без соответствующих лицензий.

Рассмотрим далее особенности пространственной организации малоэтажной застройки, формирующейся сегодня в исследуемом районе Ростова-на-Дону.

Отличительной особенностью рассматриваемого садового массива является наличие почти всех видов городской инженерной инфраструктуры — водоснабжения, газа, электроэнергии. Это привело к тому, что район оказался востребован для строительства на садовых участках 1–2-этажных жилых домов, которые впоследствии использовались для постоянного проживания. Этот процесс в последние годы приобрел массовый характер, а осуществляют строительство уже не отдельные собственники, а профессиональные застройщики.

Стремясь выжать максимум из имеющейся площади и при этом остаться в пределах одного, реже — двух этажей, застройщики прибегают к делению участка на части, зачастую игнорируя имеющиеся нормативы, поскольку судебная практика тотального узаконения дачного самостроя позволяет им впоследствии легитимизировать свои постройки. Применяющиеся алгоритмы дробления земельных участков схематично показаны на рис. 5.

Схемы разработаны автором на основе натуральных наблюдений, анализа данных кадастра, материалов риелторских агентств и иных открытых источников. Анализ представленных схем позволяет сделать вывод, что наиболее выгодными для освоения становятся угловые участки, позволяющие возводить по три дома (рис. 5д). При этом габариты участков (10 × 20 м) практически не позволяют разместить индивидуальный жилой дом в соответствии с действующими техническими регламентами, которые устанавливают в данном случае минимальные разрывы от соседних построек по ряду критериев, таких как степень огнестойкости, наличие оконных проемов и т.п. Процент застройки участков для вариантов освоения, приведенных на рис. 5, колеблется от 4,0 на рис. 5а до 48,0 на рис. 5д. Процент озеленения, получаемый вычитанием из общей площади участка площади застройки, твердых покрытий и стоянки автомобиля (одного), составляет 89,5 (рис. 5а) и 23,0 (рис. 5д).

Градостроительный регламент в правилах землепользования и застройки Ростова-на-Дону разрешает подобное освоение территории, так как устанавливает лишь минимальную площадь земельного участка (200 кв. м), снимая все ограничения по коэффициенту застройки, плотности и т.п. Застройка такого участка блокированными жилыми домами, которая могла бы стать логичным выходом в данной ситуации, не получила распространения, поскольку не позволяет легко пройти процедуры судебного узаконения жилища, лишая его статуса индивидуального (то есть обособленно стоящего) жилого дома.

Стремление максимально сократить издержки со стороны застройщика, низкий уровень запросов потенциальных жильцов приводят к появлению жилища крайне невысокого эстетического уровня. Приведенные на рис. 5 примеры иллюстрируют как архитектурные решения, так и планировочную организацию участков, в пределах которых жильцам остается место только для того, чтобы поставить свой автомобиль, но не для озеленения, которое позволяло бы считать такой дом действительно городским домом «на природе».

Территория садов практически не имеет общественных центров. Фокусы тяготения на территории садов в настоящее время формируются около автобусных остановок, находящихся, как правило, на периферии са-

доводств, а также небольшого числа объектов обслуживания, в основном магазинов, расположенных в глубине садовых кварталов.

Полноценного общественного пространства здесь не существует, так как главный элемент общественного пространства города — улично-дорожная сеть — представлена узкими проездами, окруженными глухими заборами, создающими недружелюбную для человека среду. Понятия «площадь», «сквер», «парк», определяющие лицо города, здесь отсутствуют, поскольку исторически никак не могли появиться в садах.

Узкие проезды, не позволяющие сформировать нормальную улично-дорожную сеть, — одно из главных препятствий для трансформации коллективных садов в полноценную жилую застройку. Проблема узких улиц была заложена в период создания коллективных садов и обусловлена уже упомянутым выше тезисом о временном характере использования территорий, занятых садами. При низкой автомобилизации населения в СССР транспортное обслуживание садов осуществлялось преимущественно общественным транспортом, а разъехаться друг с другом редкие автомобили могли без труда. Только в середине 1980-х годов была установлена нормативная ширина проезда в садах — 6 м, которая редко где соблюдалась. Сегодня, когда уровень автомобилизации в крупных городах превысил 300 машин на 1000 жителей, узость улиц становится значительной проблемой, тем более что малоэтажная застройка при низкой плотности маршрутов общественного транспорта способствует формированию автомобильно ориентированной модели транспортного развития.

Состояние дорожной инфраструктуры и физические параметры проездов не позволяют свободно продвигаться здесь пожарным автомобилям, проезд машин скорой помощи и другой спецтехники по грунтовым дорогам в период распутицы становится практически нереальным. Помимо этого, узкие проезды на территории садоводств в наиболее заброшенных частях становятся объектами самозахвата. При этом расширение улиц представляется крайне затруднительным, если не невозможным, вследствие большого объема изъятия земель, сноса строений, отсутствия правовых и экономических механизмов эффективного осуществления такой политики. Отдельные характерные элементы улично-дорожной сети показаны на рис. 8.

Фото © Сергей Трухачев

Рис. 6. Примеры архитектурных решений новых жилых домов на территории садоводств (СНТ «Ростсельмашевец», СНТ «Виноградарь» в Ростове-на-Дону, 2013 г.)

В результате описанных выше процессов на периферии города формируется весьма своеобразная пространственная среда, сочетающая жилые и рекреационные функции. Для нее характерны как городские, так и сельские черты, что свидетельствует, на наш взгляд, о продолжающейся трансформации территории. Несомненными городскими чертами являются возрастающая плотность, рост коэффициента застройки, наличие инженерной инфраструктуры, постепенно растущая капитальность дорожных покрытий. При этом сохраняются сугубо сельские или пригородные

черты — озелененность, отсутствие крупных источников вредных выбросов, возможность заниматься такими сельскими видами деятельности, как огородничество и садоводство.

Исследуемую территорию как зону трансформации в жилую застройку характеризуют следующие черты:

- 1) активное жилищное строительство в эконом-сегменте преимущественно 1–2-этажных домов с максимально возможным дроблением земельных участков при общем невысоком эстетическом уровне жилища;

Фото © Сергей Трухачев

Рис. 7. Объекты общественного назначения и коммунально-бытового обслуживания на территории садоводств (СНТ «Ростсельмашевец» в Ростове-на-Дону, 2013 г.)

2) отсутствие традиционного городского благоустройства в виде тротуаров и освещения;

3) отсутствие общественных центров и полноценных территорий общего пользования (улиц, площадей);

4) плохое транспортное обслуживание (общественный транспорт на периферии территории, радиусы доступности остановок существенно превышены, габариты проездов не позволяют использовать их для спецтранспорта);

5) отсутствие социальной инфраструктуры, затрудненность реализации полномочий публичной власти по предоставлению социальных услуг;

6) сезонные колебания численности населения вследствие того, что значительная часть участков по-прежнему эксплуатируется в качестве садов с проживанием хозяев только в течение летнего сезона.

Сады сегодня — это доведенный до крайней степени тип мелкопарцеллированной городской территории, каждая ячейка которой со своими обитателями отгорожена от внешнего мира и соседей. Именно коммуникация с окружающими дает жителю возможность почувствовать себя горожанином, вследствие чего актуально формирование пространства

для такой коммуникации как средства ускорения трансформации коллективных садов в полноценные жилые кварталы. Формирование сети социальных объектов при низкой плотности населения возможно посредством малых форм — детских садов и школ малой вместимости, размещения детских организаций в приспособленных жилых домах, возможно также формирование некоего универсального типа зданий, сочетающего в себе формы дневного содержания детей и клуба, работающего вечером для широкого круга жителей.

Коллективные сады — это резерв для строительства доступного жилья, как правило, игнорируемый современными городскими элитами, которые предпочитают действовать в рамках парадигмы экстенсивного градостроительства, поглощая для развития городов все новые свободные от застройки земли, растягивая городские коммуникации и воздерживаясь от реконструкции существующих урбанизированных территорий. Пренебрежение этими территориями или поддерживаемая в последнее время позиция самоустранения властей от решения проблем коллективных садов при сохранении сложившегося положения может привести к формированию депрессивных городских районов, лишенных традиционных для города общественных благ, для

Фото © Сергей Трухачев

а), б) новая жилая застройка характеризуется высокими глухими заборами, которые формируют облик улиц, лишенных обычных элементов городской среды и некомфортных для человека;
в) пер. 2-й Доступный и г) пер. Комфортный в Ростове-на-Дону – самозахват проездов общего пользования препятствует последующей трансформации территорий садоводств в полноценную улично-дорожную сеть городского типа;
д) инженерные коммуникации (газ), проведенные по красной линии улицы, нарушают уличное пространство и препятствуют дальнейшему расширению улицы;
е) узкие габариты улиц не позволяют разъехаться двум автомобилям и препятствуют нормальному движению (поворотам) спецавтотранспорта.

Рис. 8. Улично-дорожная сеть коллективных садов, 2013 г.

регенерации которых будущим поколениям горожан придется приложить большие усилия и потратить значительные средства.

Более рациональным представляется уже в настоящее время заняться решением актуальных проблем развития коллективных са-

Фото © Сергей Трухачев

Рис. 9. Пример садового стрит-арта. В отсутствие эстетически привлекательной городской среды жители сами облагораживают территории. Мусорный бак на территории общего пользования в СНТ «Ростсельмашевец-2» в Ростове-на-Дону, 2013 г.

Источники

- Браде И. (2014) Между дачей и фешенебельной резиденцией. Взгляд с Запада // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 4. С. 33–38.
- Бреславский А.И. (2016) Какой может быть российская субурбанизация? // Мир России. № 1. С. 79–102.
- Генеральный план города Ростова-на-Дону на 2007–2025 годы [электронный ресурс]: Решение Ростовской-на-Дону городской Думы от 24 апреля 2007 г. № 251 (в ред. Решения от 19 апреля 2016 г. № 123) // Официальный сайт Администрации города Ростова-на-Дону. Режим доступа: <http://rostovgorod.info/administration/structure/departments/daig/important/gradostroitelstvo/generalnyy-plan/> (дата обращения: 20.05.2016).
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф.
- Махрова А.Г. (2016) Дачная мобильность горожан в России: региональный разрез // Градостроительство. № 1. С. 41–46.
- Махрова А.Г. (2014) Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 4. С. 49–59.
- О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан [электронный ресурс]: Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ (редакция от 31 января 2016 г.) // КонсультантПлюс.
- Трейвиш А.И. (2014) «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 4. С. 22–32.
- Трейвиш А.И. (2016) Сельско-городской континуум: региональное измерение // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафронов. М.: Изд. дом Кодекс. С. 51–71.
- Leetmaa K., Brade I., Anniste K., Nuga M. (2012) Socialist Summer-home Settlements in Post-socialist Suburbanisation // Urban Studies. Vol. 49. Iss. 1. P. 3–21.

SERGEY TRUKHACHEV

COLLECTIVE GARDENS AS A NEW HOUSE TYPE IN LARGEST CITIES

(THE CASE OF ROSTOV-ON-DON)

References

- Brade I. (2014) Mezhdú dachej i feshenebelnoj rezidencij. Vzglyad s Zapada [Between Dacha and UP-Market Residency. View from the West]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Line], no 4, pp. 33–38. (In Russian.)
- Breslavsky A. (2016) Kakoj mozhet byt' rossijskaya suburbanizaciya [Possible Modes of Suburbanization in Russia]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 25, no 1, pp. 79–102. (In Russian.)
- Generalnyj plan goroda Rostova-na-Donu na 2007–2025 gody [General plan of Rostov-on-Don 2007–2025]. Available at: <http://rostov-gorod.info/administration/structure/departments/daig/important/gradostroitelstvo/generalnyj-plan/> (accessed 20.05.2016).
- Nefedova T., Averkieva K., Makhrova A. (ed.) (2016) Mezhdú domom i... domom. Vozvratnaya prostanstvennaya mobilnost' naseleniya Rossii [Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia]. Moscow: Novyj hronograf [New Chronograph]. (In Russian.)
- Makhrova A. (2016) Dachnaya mobilnost' gorozhan v Rossii regionalnyj razrez [Country Mobility Townspeople in Russia: Regional Monitoring]. *Gradostroitelstvo* [Urban Planning], no 1, pp. 41–46. (In Russian.)
- Makhrova A. (2014) Rol' organizovannyh kottedzhnyh posyolkov v razvitii suburbanizacii v postsovetskoj Rossii [The Role of Organized Cottage Settlements in Suburbanization in Post-Soviet Russia]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Line], no 4, pp. 49–59. (In Russian.)
- O sadovodcheskih ogorodnicheskikh i dachnyh nekommercheskih obedineniyah grazhdan [Concerning Horticultural, Market-Gardening and Dacha Non-Commercial Associations of Citizens]: Federal'nyj zakon ot 15 aprelja 1998 g. № 66-FZ (redakcija ot 31 janvarja 2016 g.) // Konsul'tantPljus.
- Treivish A. (2016) Selsko-gorodskoj kontinuum regionolnoe izmerenie [The Rural-Urban Continuum: Regional Dimensions]. *Russkoe Geograficheskoe Obshchestvo. Voprosy geografii. Problemy regionalnogo razvitiya Rossii* [Russian Geographical Society. Problems of Geography. Problems of Russian regional development], no 141, pp. 51–71. (In Russian.)
- Treivish A. (2014) Dachevedenie kak nauka o vtorom dome na Zapade i v Rossii ["Dacha Studies" as a Science on Second Home in the West and in Russia]. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [News of the Russian Academy of Sciences. Geographical Line], no 4, pp. 22–32. (In Russian.)
- Leetmaa K., Brade I., Anniste K., Nuga M. (2012) Socialist Summer-home Settlements in Post-socialist Suburbanisation. *Urban Studies*, vol. 49, iss. 1, pp. 3–21.

Sergey Trukhachev, PhD in Architecture, Adviser of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAASN), "Scientific-project organization "Southern Urban Planning center", ltd., director; office 4a, 121/262a, Gazetny pereulok, Rostov-on-Don, 344000, Russian Federation.

E-mail: urgc@mail.ru

Abstract

Garden territories located within cities form a kind of a mix of residential and recreational development which demands meaningful public investments into transportation and social infrastructure. Gardens as available and comfortable low-rise housing are being under-estimated by urban planning practices in Russia. In order to reorganize gardens into residential clusters/districts, fully-fledged public spaces need to be formed.

In the article historical specifics of collective gardens' formation and development are being analyzed, core tendencies in gardens' spatial development are being highlighted and studied. Using the urban planning documentation that is being developed at the moment, the author analyzes the local housing policy towards collective gardens and studies several gardening communities located in Rostov-on-Don. On the basis of observations the author highlights the specificity of garden building typology, the algorithm of land segmentation during reconstruction of the gardens and reveals the tendencies in spatial organization of the garden territories.

Key words: social gardens; urban planning; spatial planning; public spaces; housing renovation

М.Н. КОРОЛЕВА, М.А. ЧЕРНОВА

ТАКТИКИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОРОДСКИХ ПРОЕКТОВ

В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРАКТИК
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Urban Studies and Practices Vol.2 #3, 2017, 28-42
<https://doi.org/10.17323/usp23201728-42>

Королева Мария Николаевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); Российская Федерация, 119571, Москва, просп. Вернадского, д. 84.

E-mail: m.koroleva.che@gmail.com

Чернова Мария Александровна, координатор социологических исследований Московского центра прикладной урбанистики (МосЦПУ).

E-mail: maria.a.chern@gmail.com

В статье представлены основные тактики реализации городских проектов низовыми акторами в условиях современных управленческих практик и правоприменения. Сформулированы основные черты городского активизма и особенности его развития в современной России. Обосновано использование понятия «городские низовые акторы». В ходе эмпирического исследования выявлены основные барьеры, возникающие при взаимодействии активистов с представителями власти, и возможности использования разного рода ресурсов для достижения успеха в изменении городской среды, отстаивания своего «права на город». Рассмотрены успешные некоммерческие низовые инициативы последних лет, в рамках которых акторам городских проектов удалось повлиять на изменения физического пространства в Москве и Томске. Данные получены методом глубинного полуструктурированного интервью с лидерами и инициаторами городских проектов. Раскрыта значимость социального капитала как ресурса активистской деятельности. Описаны возможности и опыт использования активистами других ресурсов и их комбинаций для адаптации деятельности низовых городских акторов к встречающимся на пути реализации проекта внешним барьерам. Полученные данные могут использоваться как основа для дальнейших исследований городского активизма в России, а также быть полезны тем, кто занимается изменениями физической городской среды.

Ключевые слова: городские проекты; городские низовые акторы; стратегии; тактики; ресурсы; барьеры; социальный капитал; право на город

Участие горожан в развитии города — одна из центральных тем последних десятилетий в социологии города и урбанистике, которая освещается как в ставших классическими работах зарубежных исследователей, так и в основанных на отечественном материале теоретических и эмпирических работах современных российских авторов. Горожане видят необходимость изменений в городской среде и готовы участвовать в преобразовании территории, на которой они живут и которой пользуются, делить ответственность за нее, вступать в конструктивный диалог с другими городскими акторами.

В России можно отметить появление новой волны низового гражданского активизма с конца 1990 — начала 2000-х годов. Параллельно развитию его новых форм происходил всплеск интереса к этой теме со стороны отечественных исследователей: от описания нового витка в развитии НКО [*Динамика развития...*, 2006; *«Третий сектор»...*, 2007–2008; *Перспективы...*, 2013] и первых низовых неформальных движений [*Гонтмахер, Шаталова, 2009*], через анализ

¹ Статья отражает результаты работы по НИР РАНХиГС 2017 г. «Стратегии адаптации городских проектов к изменениям законодательства и управленческих практик».

волны локальных протестных выступлений 2005–2011 гг. [Клеман, 2010; 2013] и мощной волны митингов 2011–2012 гг. [Gabowitsch, 2013; «Мы не немцы!», 2014; Ерпылева, Магун, 2014; Яницкий, 2013]², к исследованию нового созидательного активизма, в том числе локального, и его связи с протестным политическим активизмом [Российский неполитический активизм..., 2014; Седова, 2014; Желнина, 2015; Москалева, Тыканова, 2016; Žuravlev, 2017]. Примерно с 2010 г. фиксируется всплеск формирования устойчивых неформальных активистских объединений, практик и сообществ. Представители Центра гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ» отмечают, что начиная с 2010 г. в стране заметно увеличились объем, потенциал и разнообразие самоорганизации граждан. После этапа протестов 2011–2012 гг. происходит приток в активизм участников митингов, которые от политических шагов перешли к созидательным низовым общественным инициативам. На локальном уровне заметно появление новых низовых акторов, ведущих устойчивую целенаправленную деятельность, связанную с преобразованием городской среды.

В контексте исследования мы понимаем городские проекты как изменения физической городской среды, инициированные или всецело реализованные жителями, а не властью. Такие изменения редко осуществимы без взаимодействия с управленческими структурами города. При этом практики взаимодействия с представителями власти могут быть как ресурсом, так и барьером для реализации городского проекта³. Особенности таких практик, оцениваемых активистами как барьеры, провоцируют тактики и конкретные шаги адаптации низовых акторов городских проектов, которые позволяют им в современных условиях продолжать свою деятельность и достигать результатов.

Цель статьи — показать, как акторам городских проектов удается успешно менять город и развивать его в условиях выявленных ограничений.

Поскольку деятельность горожан по преобразованию среды представляется необходимой для развития городов в России — как непосредственно для проектов развития территорий города, так и с точки зрения формирования человеческого и социального капитала, сообществ активных горожан — исследование тактик адаптации городских проектов становится актуальной задачей современной урбанистики и территориального развития. Тактики в данном случае понимаются как подход к преодолению барьеров на пути реализации проекта, позволяющий добиваться успеха. Стоит отметить, что речь идет как об отдельных шагах, предпринимаемых для решения неожиданно возникающих проблем при взаимодействии с властью, так и, реже, о заранее продуманной последовательности действий.

Статья состоит из теоретической и эмпирической частей. В первой части обосновывается использование нового понятия «городские низовые акторы»; обозначены сущностные черты нового городского активизма; раскрыты основные, значимые для исследования понятия, связанные с городским активизмом (право на город и социальный капитал). Вторая часть содержит выработанную в рамках исследования типологию видов деятельности, которая относится к новому городскому низовому активизму, а также анализ тактик преодоления препятствующих активистской деятельности барьеров, используемых городскими низовыми акторами для успешной реализации проектов.

В статье используются данные эмпирического исследования, проведенного в 2017 г. в Москве и Томске методом глубинного полуструктурированного интервью с лидерами и инициаторами городских проектов.

2 Природу протестов анализировали социологи, политологи и антропологи. На сайте Russian Protest Research собрано более 70 научных публикаций, посвященных движению «За честные выборы» и протестной активности 2011–2012 гг. в целом, в том числе несколько коллективных монографий. Режим доступа: <http://protestrussia.net> (дата обращения: 17.12.2017).

Некоторые исследовательские группы и лаборатории зародились в рамках изучения протестного движения 2011–2012 гг., в том числе независимая исследовательская инициатива НИИ митингов, исследовательская группа «Коллектив исследователей политизации» (КИП, позднее трансформировалась в Лабораторию публичной социологии ЦНСИ).

3 Данные отражены в статье: Королева М., Чернова М. Городской активизм: управленческие практики власти как ресурс и барьер развития городских проектов. (Принята к публикации в журнале «Социологические исследования» в 2018 г.)

Деятельность городских низовых акторов. Основные понятия

Для определения субъекта городских проектов предложено понятие «городские низовые акторы» — городские субъекты, возникшие в результате самоорганизации горожан и осуществляющие деятельность, направленную на преобразование городской среды. Понятие «актор» было выбрано, поскольку оно описывает субъекты с точки зрения их деятельности, направленной на изменения. Для актора также характерна самоидентификация («способность говорить “я”». — А. Турен), автономная воля (автономность в принятии решений), признание со стороны другого, взаимодействие с другими акторами, наличие ресурсной базы, под которой понимается совокупность материальных и нематериальных, актуальных и потенциальных средств для достижения поставленных целей [Бахмарова, 2012]. Акторами могут быть индивидуальные и коллективные субъекты разного масштаба, в том числе «персональные, групповые, общественные и цивилизационные» [Скопин и др., 2015, с. 1]. «Низовые» означает здесь «возникшие и начавшие развиваться по инициативе горожан, не относящихся к каким-либо элитам, не являющихся представителями власти». Оно соотносится с такими англоязычными понятиями, как “grassroots” и “bottom-up”. Первое из приведенных понятий в современных социальных исследованиях и исследованиях, посвященных городу, как правило, описывает в большей степени гражданские или городские общественные движения [Plioroulou, Karathanasis, 2014; Jacobsson, 2014; Padawangi, 2013; Scheller, 2014]. Второе — связанную с непротестными преобразованиями деятельность самоорганизованных объединений граждан/горожан, инициативы снизу [Bolzoni, 2012; Casazza, Pianigiani, 2016; Cvetinovic et al., 2013; Giannola et al., 2013; El Asmar, Ebohon, Taki, 2012].

Иностранные [Maenpra, Faehnle, 2017] и российские исследователи [Российский неполитический активизм..., 2014] выделяют следующие черты нового городского активизма: преимущественная неформальность организации, стремление к вовлечению городских жителей и сообществ, приверженность DIY-культуре («делай сам»). Актором может выступать как группа или организация, так и самостоятельный активист; в рамках данного исследования первична не его структура, а сама деятельность и ее цели и результат, заметный в физической городской среде. Могут использоваться как созидательные, так и (при остром поводе) протестные практики, однако многие представители современного городского активизма в отсутствие серьезных конфликтов тяготеют скорее к практическим созидательным проявлениям, «малым делам» и конкретным преобразованиям (этика малых дел как принцип нового активизма подробно рассмотрена в работе О. Журавлева [Žuravlev, 2017]).

Проявляя интерес к созидательным преобразованиям городской среды или ее защите, сохранению и восстановлению городских объектов, которые активисты считают ценными, стремясь к участию в принятии решений об облике города или городской жизни, жители актуализируют свое «право на город» [Lefebvre, 1991; 1996; Harvey, 2008; Purcell, 2002]. Это понятие было предложено А. Лефевром и наиболее последовательно развивалось М. Перселлом и Д. Харви. М. Перселл в своей критической статье [Purcell, 2002] проанализировал подход А. Лефевра к пониманию концепции «права на город», раскрыл понятие и выделил такие его составляющие, как «право на участие» (the right to participation) и «право на присвоение» (the right to appropriation). Право на участие предполагает, что горожане играют центральную роль в принятии любого решения, лежащего в основе производства городского пространства. Право на присвоение включает в себя права на доступ в любое пространство, нахождение в нем и пользование им [Purcell, 2002, p. 102–103].

Еще одно понятие, которое важно упомянуть в связи с темой исследования, — социальный капитал, который является одним из ключевых ресурсов для реализации городских проектов низовыми акторами. Это понятие использовалось и используется социологами, антропологами, экономистами, урбанистами [Бурдьё, 2005; Джекобс, 1961; Коулман, 2004, 2011; Патнэм, 1996; Фукуяма, 2001, 2002]. Существуют разные подходы к определению содержания этого понятия.

В рамках данной работы интересны подходы к определению социального капитала Р. Патнэма и Дж. Коулмана. Р. Патнэм одним из первых связал социальный капитал с горизонтальной гражданской кооперацией и исследовал его природу на эмпирическом материале, связанном с местным самоуправлением. Он отмечал, что эффективное государство должно опираться не столько на вертикаль власти, сколько на горизонтальную кооперацию общественности.

Изначально его подход к определению социального капитала подразумевал, что последний возникает в условиях наличия стабильных сильных связей и постоянного сотрудничества индивидов, приводящих к формированию общих норм. Позднее, под влиянием критики, Р. Патнэм предложил рассматривать два типа социального капитала: (1) «сплачивающий группу» (bonding) — закрытый, основанный на сильных связях и взаимобмене, и (2) «наводящий мосты» (bridging) — связывающий участников разных групп [Блок, Головин, 2015].

В основе понимания социального капитала Дж. Коулмана — экономическая теория рационального выбора; капитал при этом рассматривается как индивидуальный ресурс. Автор давал такое определение: «Социальный капитал — это любое проявление неформальной социальной организации, которое выступает как продуктивный ресурс для одного или более акторов» [Коулман, 1994, с. 41]; цит. по: [Шейна, Паплина, 2015, с. 3]).

Таким образом, социальный капитал понимают и как личный ресурс индивида или группы, привлекаемый для решения тех или иных задач, и как общественный ресурс, связанный с формированием устойчивых социальных связей и гражданской культурой. Эту двойственность понятия анализирует Ю.С. Беккер: «Можно сделать вывод о том, что социальный капитал, с одной стороны, может рассматриваться и интерпретироваться как инструментально применимый, индивидуальный, но при этом не автономный от других индивидов ресурс <...>. С другой стороны, Р. Патнэм полагает, что социальный капитал является ценным ресурсом, имеющимся в обществе, утверждая, таким образом, что существующие в обществе сети, нормы и доверие не могут быть следствием лишь индивидуального поведения и индивидуальных свойств на микроуровне социальной <...> организации» [Беккер, 2012, с. 9]. В рамках данного исследования важны оба подхода, обозначающих двойственную природу социального капитала — низовые акторы используют собственный социальный капитал как ресурс в своей деятельности, в том числе при преодолении возникающих барьеров. Вместе с тем социальные связи в активистской среде становятся общественным ресурсом, помогают формировать гражданскую культуру.

Еще одно значимое свойство социального капитала связано с тем, что он, являясь ресурсом для общественной деятельности, становится и ее порождением. Он возникает и увеличивается посредством взаимодействия участников социальных связей и сам, в свою очередь, создает основу для коллективных действий. Немецкий социолог К. Оффе отмечает, что особенностью социального капитала как ресурса является то, что он растет при использовании, а не уменьшается [Блок, Головин, 2015, с. 105].

Последнее из описанных выше свойств социального капитала особенно важно для нас, так как оно свидетельствует о том, что низовые городские акторы в рамках своих проектов не только привлекают, но и развивают свой социальный капитал как один из ключевых ресурсов, используемых для преодоления барьеров в реализации желаемых городских изменений.

К числу таких барьеров относятся управленческие практики, в данном исследовании понимаемые как весь спектр взаимодействия управленческих структур с городскими низовыми акторами (например, особенности коммуникации, доступность информации и конкретных чиновников, распределение грантов, согласование и поддержка проектов, публичные слушания и др). Отдельно необходимо упомянуть так называемые неинституционализованные управленческие практики, которые не соответствуют декларируемым нормам и ценностям социального института и могут фиксировать его кризисное состояние и дисфункциональность: комплекс таких неинституционализованных управленческих практик могут порождать бюрократизация и коррупция [Максименко, 2013, с. 75]. Правоприменительные практики в рамках действующего законодательства также зачастую являются барьером для деятельности городских низовых акторов.

Исследование опирается на теории, предложенные в рамках социологии общественных движений, так как понятия и модели этого направления позволяют описывать внешний контекст деятельности активистов, их взаимодействие с другими акторами (в том числе управленческими структурами города), барьеры, с которыми они сталкиваются, и ресурсы, которые используют. В частности, понятия «ресурсы» и «барьеры» мы используем, основываясь на моделях мобилизации ресурсов и структуры политических возможностей, разработанных в рамках парадигмы коллективного действия [McCarthy, Zald, 1977; McAdam, 1996; Tarrow, 1989]. Подобный интегративный подход был предложен в работе «Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды» [Москалева, Тыканова, 2016]. Ресурсы могут быть внешними и внутренними. Внутренние ресурсы находятся в непо-

средственном распоряжении группы активистов или движения. К ним, как правило, относят его участников, лидеров, солидарность и организацию ([Obershall, 1973; Useem, 1980]; цит. по: [Здравомыслова, 1993, с. 82]). Внешние ресурсы и воздействующие факторы включают социально-экономические, политические и организационные возможности общества [Здравомыслова, 1993, с. 70]. В данной работе речь идет как о внешних, так и о внутренних ресурсах, которые понимаются как возможности, используемые для достижения целей городских низовых акторов и являющиеся частью их тактик адаптации к внешним барьерам.

Тактики реализации городских низовых проектов в Москве и Томске

Полевые данные эмпирической части исследования собирались с июня по сентябрь 2017 г. Исследование проводилось методом глубинного полуструктурированного интервью с лидерами и инициаторами городских проектов. Объектом исследования стала деятельность городских активистов в условиях ограничений в виде особенностей управленческих практик и правоприменения. Целью было понять, как активистам удается менять город к лучшему в предлагаемых условиях, преодолевать барьеры и использовать ресурсы для реализации своих проектов. Задачи исследования: выбор проектов на основании типа деятельности акторов; описание управленческих практик и особенностей правоприменения, которые активисты оценивают как барьер при реализации своих проектов; выявление шагов, позволяющих преодолевать эти барьеры.

Исследование репрезентует два типа российских городов. Москва была выбрана в связи с тем, что в столице и самом большом городе России⁴ действуют представители всего спектра некоммерческих низовых инициатив, разнообразно проявляющие себя в процессах изменения городской среды. Томск — город регионального значения и крупный областной центр в Сибири, численность населения в котором составляет чуть более полумиллиона человек⁵ и постоянно растет, что позволяет говорить о его привлекательности для жителей и людей, переезжающих из других городов. Его особенности — высокий уровень развития образования, науки и инноваций⁶, наличие уникальных, но находящихся под угрозой исчезновения памятников архитектуры⁷, — позволяют предположить существование в городе активных низовых акторов и потенциал для дальнейшего развития городских низовых инициатив. Исследование тактик реализации низовых некоммерческих инициатив и преодоления барьеров, с которыми они сталкиваются, в двух столь разных по статусу, численности, географическому положению и другим признакам городах, представляет научный интерес с точки зрения развития городского активизма в России.

Выбор проектов осуществлялся на основании рекомендаций экспертов, методом снежного кома в среде представителей низовых некоммерческих городских инициатив, посредством поиска информации в медиасреде.

Всего было проведено 33 глубинных интервью (18 в Томске и 15 в Москве, с одним лидером/инициатором каждой инициативной группы). Было выявлено несколько видов активистской деятельности по преобразованию физической городской среды (некоторые акторы реализовали свои проекты в нескольких направлениях — в таких случаях деятельность активистов «засчитывается» в нескольких категориях, но одно направление является ключевым и потому используется для шифра проекта). В обоих городах в спектр проектов, меняющих город, попали акторы, реализующие такие городские изменения, как: физическое преобразование общественных пространств и городской среды (в том числе тактический урбанизм и партизанские интервенции, дизайн среды, навигация) — 15 проектов; сохранение архитектурного/культур-

4 Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям, Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce (дата обращения: 21.10.2017).

5 Там же.

6 Томск является крупным университетским и научным центром и входит в топ-500 самых инновационных городов мира по данным ежегодного Глобального рейтинга инновационных городов мира Innovation Cities. Innovation Cities Index 2016–2017: Global. Режим доступа: <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-index-2016-2017-global/9774> (дата обращения: 21.10.2017).

7 Томский деревянный модерн вошел в список журнала Forbes «Шесть достопримечательностей России, которые скоро исчезнут». Режим доступа: <http://www.forbes.ru/stil-zhizni-slideshow/puteshestviya/53912-6-dostoprimechatelnosti-rossii-kotorye-skoro-izcheznut> (дата обращения: 02.11.2017).

ного/исторического наследия — 11; сохранение природной среды (экологические проекты, в том числе уборка территории) — 8; проведение тематических городских событий, направленных на физическое преобразование/поддержание/сохранение городской среды — 10; создание сервисов, способствующих решению городских проблем — 4. Также большинство инициатив так или иначе предполагает выработку новых регламентов и программ по отношению к городской среде, направленных на ее сохранение или изменение.

В результате данного эмпирического исследования были выявлены ключевые ситуации, в которых управленческие практики и законодательство оцениваются информантами как барьеры⁸. Общими для акторов городских проектов в Москве и Томске оказались следующие проблемы: действия чиновников, считающиеся как незаинтересованность в развитии города и качественном выполнении своих профессиональных задач; дефицит информации; фиктивные конкурсы и гранты; отсутствие четких зон ответственности департаментов и конкретных чиновников; отсутствие выстроенных процессов взаимодействия всех организаций, причастных к благоустройству; забюрократизированность управленческих институтов; неприспособленность тендерных механизмов; неэффективность инструментов обратной связи; зависимость эффективности работы управленческих структур города от конкретных людей.

К барьерам, упомянутым лишь московскими информантами, относятся «вредительское» благоустройство; имитация вовлечения жителей и, наконец, прямое противостояние представителей власти активным горожанам, часто осуществляемое с привлечением силовых структур. Основным законом, который препятствует эффективному сбору средств на реализацию проектов, является «закон об иностранных агентах»⁹. В первую очередь речь идет не о самом законе, а о практиках его использования и об опасениях со стороны городских акторов подвергнуться большому количеству проверок. «Закон об иностранных агентах» как один из барьеров, препятствующих сбору средств на реализацию проектов, упоминали представители городских низовых акторов, зарегистрировавших НКО, или когда-то имевшие опыт работы с такой юридической формой проекта, но вынужденные от нее отказаться, а также те, кто сознательно не регистрирует свой проект как организацию, опасаясь попадания в список иностранных агентов или проверок (всего восемь проектов). В первую очередь речь идет о некоммерческих организациях, занимающихся экологической и градозащитной деятельностью, а также обустройством среды, комфортной для людей с ограниченными возможностями. Действительно, сотрудничество с иностранными компаниями, которые ранее предлагали гранты с более комфортными, по словам информантов, условиями отчетности, теперь стало небезопасным: «Долго сомневались, думали, что еще можно сохранить, но когда начались эти проверки иностранных агентов, уже решили закрывать, потому что среди учредителей [название организации] у нас четверо были россияне, а четверо были иностранцами» (градозащита, Москва).

Для сохранения своей деятельности перечисленные организации используют определенные инструменты, позволяющие получать финансирование из разных источников и не быть причисленными к иностранным агентам. Первый и легко доступный из таких инструментов — краудфандинг: «Целевые пожертвования. Устраиваем дедайн, сбор денег до такого-то числа. Вы кидайте — столько и сделаем. Например, на книжку: расписываем бюджет проекта. Собираем столько — книжку сверстаем, столько — сделаем электронную, соберем столько — сделаем бумажную и все мэры ее получат» (городские мероприятия, Москва).

Есть способы, связанные с эффективным использованием различных юридических лиц / форм регистрации, что позволяет применять разные схемы финансирования проектов. Эта схема включает использование формы коммерческой организации (чаще всего ИП) наравне с некоммерческой и/или договоренность с «дружественными» ООО, которые разделяют ценности и идеи компании и позволяют переводить деньги через их юридические лица. Лидер экологического проекта делится опытом: «Мы НКО, которое с гордостью может заявить, что его кормит свое же дочернее предприятие, которое изначально создано как коммерческое.

⁸ Данные отражены в статье: Королева М., Чернова М. Городской активизм: управленческие практики власти как ресурс и барьер развития городских проектов. (Принята к публикации в журнале «Социологические исследования» в 2018 г.)

⁹ В 2012 г. был принят дополняющий закон об НКО — Закон об иностранных агентах («О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента»). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132900/ (дата обращения: 02.11.2017).

У нас есть юридическое лицо, которое может заниматься чем хочет и с кем хочет, и оно как раз дает деньги на проекты НКО».

О том же рассказывает представитель другого московского экологического проекта: «Для удобства в коммерческой сфере у нас есть треугольник: НКО, индивидуальный предприниматель, и у нас есть ООО. Они все работают по одной схеме, то есть без НДС, на упрощенке и 6%. Нам удобно, если что, переводить деньги. То есть если к нам приходит какая-то очень крупная компания, которая не работает с ИП, мы такие: “Ну пожалуйста, вот вам ООО”. И когда они могут только через НКО сделать, мы предлагаем им НКО». ООО может формально не иметь прямой связи с городскими проектами, попавшими в выборку. Помимо упомянутых проектов, такая схема часто используется градозащитными и градоохранительными объединениями.

Оформление ИП позволяет использовать альтернативные способы финансирования проектов. Один из эффективных вариантов — оформление спонсорства как услуги, например, рекламы на мероприятиях некоммерческого проекта. Лидер проекта, связанного с мероприятиями по преобразованию городской среды, рассказывает, что иногда удобна оплата спонсором работ, необходимых некоммерческому городскому проекту: «Некоторые спонсоры заключают договор напрямую с нашим подрядчиком (у нас команда небольшая, многие технические вещи отданы подрядчикам). Спонсор заключает договор с подрядчиком, который из этих денег все оплачивает, плюс имеет свою какую-то оплату за ту работу, которую они делают». В таком случае сами акторы городских проектов и их лидеры как юридические лица в этой схеме напрямую не участвуют.

Некоторым некоммерческим организациям удается заменить иностранное финансирование на российское — они получают отечественные гранты на реализацию своих планов. Часть фондов также получает финансирование напрямую из государственных программ и даже выигрывает президентские гранты (два фонда — экология и преобразование общественных пространств в удобные для маломобильных групп населения).

Важно отметить, что далеко не все организации, имеющие потенциальную возможность получения российского финансирования, действительно его получают¹⁰.

В качестве инструмента, помогающего сократить время на преодоление бюрократических барьеров, один из томских информантов, которому пришлось отказаться от иностранного финансирования, упоминает вступление в ОНФ (Общероссийский народный фронт). «Ну как, все равно можно от них [органов власти] что-то добиться. Мы сейчас в ОНФ вступили все. Это тоже помогает. ОНФ — это определенный знак качества, что ли...». Этот же лидер проекта говорит о другом полезном для реализации его планов варианте использования членства в ОНФ, а именно — о возможности организации общественных слушаний от лица участника Народного фронта. Вступление в организацию такого рода может быть инструментом, способствующим лоббированию интересов проекта в самых разных ситуациях.

Такие тактики позволяют некоммерческим организациям продолжать реализовывать изменение городской среды, избегая влияния закона об иностранных агентах.

Как было сказано выше, роль основных барьеров при реализации городских изменений снизу играют не столько законы, сколько распространенные управленческие практики. В рамках данного исследования не было выявлено единой схемы или последовательности шагов, которые необходимо совершить, чтобы преодолеть тот или иной барьер. Выбор тактики не зависит от направленности проекта, если речь не идет об НКО или общественной организации. Акторы городских проектов последовательно или одновременно предпринимают шаги в нескольких направлениях, рассчитывая на то, что некоторые действия окажутся более эффективными на пути к цели. Такие тактики связаны с нестабильностью и часто непредсказуемостью действий и реакций всех управленческих структур города, дисфункциональностью работы их институтов.

Одна из основных тактик, используемых акторами московских городских проектов (среди томских информантов это в меньшей степени проявляется как осознанный путь), связана с сознательным и планируемым поиском союзников среди представителей власти и развитием целенаправленного взаимодействия с ними.

¹⁰ Данные отражены в статье: Королева М., Чернова М. Городской активизм: управленческие практики власти как ресурс и барьер развития городских проектов. (Принята к публикации в журнале «Социологические исследования» в 2018 г.)

Можно выделить два направления действий по поиску заинтересованных лиц среди представителей власти. Первый связан с использованием имеющейся повестки и, как следствие, поиском людей в органах власти, которым может быть выгодно или интересна реализация проекта, предлагаемого низовыми городскими акторами. «Депутату [фамилия] на определенном этапе было выгодно. Он понимал, что этот проект поможет ему стать депутатом Государственной думы. Проект очень большой и громкий — так он встал на нашу сторону» (общественные пространства, Москва). Этот же информант рассказывает о своем опыте эффективных переговоров с представителями власти: «Мы им объяснили последствия! Вариант что-то начать здесь строить — здесь старая канализация, получите проблемы с канализацией. Здесь старые электрические сети — получите проблемы с электричеством. Здесь и без того много машин — получите проблему с машинами дополнительную. Здесь жители, которые будут вас доставать, пикетировать. Что вы получаете, если вы делаете здесь парк? Вы получаете шикарный проект, абсолютную 100%-ную поддержку жителей».

И в Москве, и в Томске информанты отмечают значимость осведомленности об общественной повестке и умении ее использовать: «У нас время от времени президент или мэр, или кто-нибудь говорит: “Надо прислушаться к общественности”. Тут же чиновники начинают лихорадочно искать, где у них общественность, к кому прислушаться. Если как-то проявлять инициативу, то рано или поздно тебя куда-нибудь позовут, начнут прислушиваться» (градозащита, Москва). Некоторые лидеры городских проектов следят за указами президента и апеллируют к ним в общении с чиновниками.

Стоит отметить, что при эксплуатации уже актуальной повестки проект может быть реализован и без интенсивного задействования активистами своего социального капитала и социальных связей.

Второй путь — актуализация собственной повестки, которая не является массовой, что без задействования своего социального капитала как основного ресурса удается редко. Способы актуализации своей повестки можно поделить на публичные и непубличные.

К первым относятся активное распространение повестки через социальные сети, привлечение СМИ, участие в митингах, выставках и других открытых мероприятиях, где с позицией/идеей/продуктом работы низового городского актора может ознакомиться широкий круг людей. Например, если речь идет о проектах благоустройства территорий. Представление своей повестки на общественных мероприятиях и позиционирование ее как массовой и значимой для горожан/местных жителей также служит аргументом в коммуникации с чиновниками и делает работу более продуктивной. Число поддерживающих подписчиков в социальных сетях в такой ситуации является значимым ресурсом, так как позволяет реализовывать большие проекты с помощью небольшого количества действующих лиц: «Если у меня есть в группе 3 тыс. человек, которые меня лайкают, я приду, предъявлю это тем, у кого я прошу денег или еще чего-то, предъявлю это СМИ, несмотря на то, что работу всю делаю одна или там вдвоем» (градозащита, Москва).

Влияние на повестку, а в некоторых случаях и осознанное управление одним низовым актором информационным полем города (такое возможно в Томске — городе значительно меньших размеров, чем Москва), используется как способ быть услышанным и чиновниками, и горожанами. «Поскольку мало кто этим занимался, я даже заслужил репутацию единственного пиарщика, который работает по-буржуйски, создает информационное поле, создает необходимых людей, вникает в ситуацию журналиста и понимает, что нужно журналисту» (градозащита, Томск).

Один из московских информантов поделился конкретной прикладной схемой, которая на протяжении нескольких лет позволяла эффективно использовать СМИ, транслируя собственную повестку. «Меня еще пригласили работать [в известный городской журнал], помимо основной работы там я писал статьи, часто про свои собственные проекты. Мы ночью делали проект, а днем я уже приходил на работу, писал статью, подготавливали это все. Тут же в течение дня об этом писали уже другие СМИ, и потом обычно в течение уже нескольких дней начинал трезвонить телефон от всяких телеканалов». Все публичные способы актуализации своей повестки связаны с задействованием собственного социального капитала (включая профессиональную известность и авторитет).

Аспекты проектов, направленные на привлечение достаточного внимания жителей к важной для активистов проблеме, реализуются более успешно, если городской актер уже обладает

ранее накопленным социальным капиталом. Девять информантов упомянули свое прошлое участие в активистских проектах как эффективный способ зарабатывания этого капитала, а также в качестве возможности в дальнейшем предъявлять уже реализованные проекты, продемонстрировав их жизнеспособность, полезность для города и его жителей.

Среди способов привлечения сторонников, помимо вышеперечисленных, некоторые лидеры проектов упоминали вовлечение людей в рамках самих процессов проведения исследования и планирования проекта: «Просто звонишь и говоришь: “Собираемся в парке”. Вешаешь объявления. Потом у нас в каждом подъезде есть старший подъезда, им звонишь. Кто-то со своими родственниками приходил, кто-то приходил с детьми, кто-то, когда сам не мог, кого-то присылал. У нас там есть пожилые люди — дети их приезжали. То есть так с каждым разговаривали, у кого что болит, у кого какие родственники, это много очень работы, но без этого невозможно» (общественные пространства, Москва). Важно отметить, что результаты предпроектных исследований являются также хорошим подспорьем для отстаивания точки зрения активистов в их разговорах с чиновниками.

В «серую зону» между публичными и непубличными способами влияния на повестку при взаимодействии с властью попадают личные знакомства с ее представителями (как старые, так и специально «заведенные»). Сформировать контакты в этом направлении помогает членство в комиссиях и комитетах, участие в рабочих группах, связанных с интересующими активиста вопросами и его профессиональными компетенциями: «Мое первое образование — ландшафтный дизайн. Они прекрасно про меня знают, потому что я вхожу в ландшафтную комиссию при мэрии, и все представители со всех этих администраций — они тоже туда входят, но от них какой-то инициативы, интереса нет» (экология, общественные пространства, Томск).

Альтернативой публичным способам влияния на повестку властей является интеграция участников проектов во властные структуры, управляющие городом. В исследовании участвовали шесть информантов, выбравших такой путь. Он позволяет им видеть ситуацию с разных сторон и оказывать поддержку действующим активистским проектам, а также обращать внимание на индивидуальные особенности городских низовых акторов, препятствующие эффективному взаимодействию с властью. Бывший томский градозащитник делится впечатлениями: «На мой, чиновничий уже, взгляд, некоторые люди находятся в полном неадеквате, мы таких не любим». Информант приводит в пример одного из активистов: «Он конечно делает хорошее дело, но у него репутация такая — скандалист. Не разобравшись, начинает орать, кричать, женщину может обматерить. То есть человек, который себя очень надежно скомпрометировал». Зная сложности работы чиновников изнутри, избравшие такую тактику относятся к их (чиновников) действиям с большим пониманием.

Помимо различных способов, связанных с развитием эффективного взаимодействия с представителями власти, есть еще несколько тактик. Одна из них — сознательно настойчиво решать проблему, шаг за шагом преодолевая все бюрократические процедуры, зная, что ожидание ответов от чиновников и встреч с ними, переадресация запросов другим инстанциям, постоянная необходимость уточнять информацию, удостоверяться в получениях чиновниками запросов и все бюрократические процедуры займут много времени. Такую тактику можно назвать методичным давлением активистов на представителей управленческих структур в рамках имеющихся процедур. Этот подход включает и необходимость постоянно контролировать реализацию проекта на всех этапах, даже после официального утверждения проекта. «Мы вздохнули с облегчением и поспешили. После утверждения проект должен был пройти согласование в 13 или 14 инстанциях, и каждая из этих городских инстанций старалась откусить свой кусочек здравого смысла. “Теплосети” возражали против какого-то разнообразия в покрытиях, Департамент природопользования требовал уменьшить площадь твердых покрытий. Нам пришлось много общаться с префектурой для решения этих проблем, в итоге префект пошел нам навстречу» (общественные пространства, Москва).

Необходимость контролировать реализацию проекта на всех этапах относится не только к взаимодействию с управленческими структурами: «Все эти 26 тыс. многолетников, все эти 2500 кустов, все эти почти 200 деревьев — это все было выбрано, все было полечено, посажено, притом что подрядчик был такой, что они сажали вверх ногами, то есть они не знали, где корни у растений» (общественные пространства, Москва). Данная цитата иллюстрирует еще одну тактику реализации городского проекта — привлечение экспертов или собственная экспертиза: «Когда вы делаете ремонт, вы можете сказать: “Нет, я не понимаю, красьте чем хотите,

делайте что хотите». Вы и получите что-то не то. А если вы хотите, чтобы у вас было все прекрасно, вы должны либо сами знать все, либо знать кого-то, кто будет вам помогать, кто будет разбираться» (общественные пространства, Москва).

Действительно, за годы функционирования проектов постоянные участники часто сами приобретают необходимые знания и навыки и становятся специалистами в своей сфере. Например, один из лидеров московского экологического проекта делится воспоминаниями об одном из активистов: «Был хороший юрист, человек, который в 2000-е защищал парк Царицыно рядом с собой, но не защитил, и он просто изучал юриспруденцию, и потом, во время нашей кампании, получил высшее образование юридическое».

И, наконец, *закрытие проекта*. Такой вариант можно рассматривать как тактику в том случае, если решение является сознательным. Пройдя несколько этапов и доведя проект по изменению физической ткани города до определенной стадии, лидеры и участники проекта оценивают пройденный путь и предстоящие трудности. Несмотря на то, что основная цель не достигнута или достигнута лишь частично, проекты могут приводить к заметным позитивным результатам: приобретенная известность участников, привлечение медийного внимания к повестке проекта, создание продуктов, помогающих решать проблемы, с которыми участники столкнулись и др. Так, например, после закрытия проекта, связанного с защитой большого подмосковного лесопарка, который не удалось отстоять целиком (главная цель достигнута лишь частично), участники команды создали портал activatica.ru, информирующий активистов по всей России о проектах, к которым они могут присоединиться.

Заключение

В статье были описаны и проиллюстрированы разные способы, которые используют городские низовые акторы, чтобы преодолевать барьеры и успешно реализовывать проекты, связанные с изменением физической городской среды этих двух городов. В зависимости от барьера и ситуации иногда достаточно нескольких шагов в рамках одной тактики, иногда последовательных действий в нескольких обозначенных направлениях. Это связано в равной степени как с объемом и сложностью задач, особенностями и «твердостью» барьера, так и с компетенциями и опытом самих активистов. Как правило, при попытках реализовать значимый в масштабах конкретной территории проект (город, район), низовые городские акторы сталкиваются не с единственным барьером, а с большим их количеством и неожиданно проявляющимся разнообразием. Можно предположить, что актору городского проекта, вне зависимости от города проживания, на разных этапах его реализации в разной степени придется задействовать все имеющиеся ресурсы, в том числе для актуализации повестки, которая не является приоритетной для представителей власти.

В разговоре о ресурсах, находящихся в распоряжении активистов, в первую очередь речь идет о различных проявлениях социального капитала, который может привлечь актор. Так, выше упоминались: краудфандинг (общественное финансирование); аффилированные юридические лица, помогающие осуществлять активистскую деятельность; союзники и лоббисты в управленческих структурах; привлекаемые эксперты; аудитория сторонников и лидеры мнений, готовые оказать медиаподдержку и помощь в актуализации значимой для активиста повестки. Социальный капитал как ресурс формируется на основе собственного авторитета актора и доверия к нему, а также в результате накопления им социальных связей, в том числе и в рамках общественной деятельности.

И, наконец, в реализации любого городского проекта необходимо быть настойчивым и последовательным, что с большой вероятностью в конечном счете позволит добиться эффекта даже в условиях дисфункции институтов городского управления.

Развитие неформальных форм самоорганизации, рост количества низовых акторов, ведущих активную преобразовательную деятельность в городе, позволяет реализовывать право горожан на город и инициировать диалог о городском пространстве между различными городскими субъектами. Усложнение и упрочение социальных связей между акторами, которое происходит в рамках осуществления городских проектов, становится своеобразной инвестицией в социальный капитал и способствует формированию новой гражданской культуры.

Продолжением данной работы может стать более подробное исследование, в рамках которого объект будет сужен до конкретного типа городских низовых акторов. Такие данные

позволят раскрыть влияние формы низового актора, направления его деятельности на выбор шагов реализации проекта, а также особенности барьеров, встречающихся на этом пути.

Источники

- Бахмарова В.Н. (2012) Социальный актор в концепции управления М. Крозье // Теория и практика общественного развития. № 1. Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/1/s%D0%BEci%D0%BEI%D0%BEgiy%D0%B0/bahmarova.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
- Беккер Ю.С. (2012) Интерпретация понятия «социальный капитал» в современной экономической теории и социологии // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление.
- Блок М., Головин Н.А. (2015) Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Социология.
- Бурдьё П. (2005) Формы капитала // Экономическая социология. № 3. С. 60–74.
- Гонтмахер Е.Ш., Шаталова Е.Ю. (2008) Общественные объединения нового типа: создание банка данных, анализ и перспективы дальнейшего развития: науч. докл. Режим доступа: http://spero.socpol.ru/docs/N9_2008_09.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
- Джекобс Дж. (2011) Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство.
- Динамика развития и текущее состояние сектора НКО в России. Аналитический обзор по результатам анализа государственной статистики, баз данных НКО и опросов общественного мнения (2006) // ЦИРКОН. Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/9fd/061111.pdf> (дата обращения: 03.11.2017).
- Ерпылева С.В., Магун А.В. (ред.) (2014) Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов. М.: Новое литературное обозрение.
- Желнина А.А. (2015) Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVIII. № 2 (78). С. 45–59.
- Здравомыслова Е.А. (1993) Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука.
- Клеман К. (ред.) (2013) Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М.: Новое литературное обозрение.
- Клеман К. (ред.) (2010) От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата.
- Коулман Дж. (2004) Экономическая социология с точки зрения теории рационального выбора // Экономическая социология. Т. 5. № 3. С. 35–44.
- Коулман Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.
- Максименко М.А. (2013) Российские управленческие практики с позиции ценностно-рационального подхода. Фрагмент 1 // Теория и практика общественного развития. № 9. С. 83–89.
- Москалева С.М., Тыканова Е.В. (2016) Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XIX. № 4 (87). С. 103–120.
- «Мы не немцы!»: Антропология протеста в России в 2011–2012 годов (2014) / А. Архипова, М. Алексеевский (сост.). Тарту: Научное издательство ЭЛМ.
- Паклина С.Н., Шеина М.В. (2015) Социальный капитал: подходы к определению и измерению // Российский экономический интернет-журнал. № 3. С. 1–22.
- Патнэм Р. (1996) Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem.
- Перспективы НКО в качестве поставщиков общественной пользы. Сводный аналитический отчет (2013) // ЦИРКОН. Режим доступа: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d5d/Perspektivy_NKO_v_kachestve_postavshhikov_obshhestvennoj_polzy.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
- Российский неполитический активизм: наброски к портрету героя. Отчет о результатах исследования активизма в России (2014). Пермь: Центр гражданского анализа и независимых исследований «ГРАНИ». Режим доступа: http://grany-center.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktivizm.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
- Седова Н.Н. (2014) Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. № 2. С. 48–71.
- Скопин А.Ю., Климов А.И., Зайцев Д.Г. (2015) Акторный подход в современных социальных науках: экономике, социологии и политологии // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). № 7 (51).
- «Третий сектор» России: оценка влияния. Аналитический отчет по результатам опроса представителей НКО, власти и бизнеса (2007–2008) // ЦИРКОН. Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/8bb/080329.pdf> (дата обращения: 03.11.2017).

- Фукуяма Ф. (2002) Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М.: Московская школа политических исследований.
- Яницкий О.Н. (2013) Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф.
- Bolzoni M. Bottom-up initiatives and urban regeneration. An exploration of the case of San Salvario's neighbourhood, Turin. Режим доступа: http://www.academia.edu/2183296/Bottom-up_initiatives_and_urban_regeneration._An_exploration_of_the_case_of_San_Salvarios_neighbourhood_Turin (дата обращения: 17.12.2017).
- Casazza C., Pianigiani S. (2016) Bottom-up and top down approaches for urban agriculture // *Civil Engineering and Urban Planning: An International Journal (CiVEJ)*. Vol. 3. No. 2. P. 49–61. doi:10.5121/civej.2016.3204
- Castells M. (1983) *The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements*. Berkeley: University of California Press.
- Cvetinovic M., Kucina I., Bolay J.-C. (2013) Bottom-up Urban Development in Action // 49th ISOCARP Congress 2013. Режим доступа: http://www.isocarp.net/Data/case_studies/2408.pdf (дата обращения: 21.10.2017).
- El Asmar J.-P., Ebohon J.O., Taki A. (2012) Bottom-up approach to sustainable urban development in Lebanon: The case of Zouk Mosbeh // *Sustainable Cities and Society*. Vol. 2. P. 37–44.
- Fukuyama F. (2001) Social capital, civil society and development // *Third World Quarterly*. Vol. 22. No. 1. P. 7–20.
- Gabowitsch M. (2013) *Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur*. Berlin: Suhrkamp Verlag.
- Giannola E., Abruscato S., Cane F., Riotta F.P. Civic Crowdfunding: A Bottom-up Practice for a Consensual Urban Development. Режим доступа: http://www.academia.edu/28293248/CIVIC_CROWDFUNDING_A_BOTTOM-UP_PRACTICE_FOR_A_CONSENSUAL_URBAN_DEVELOPMENT (дата обращения: 17.12.2017).
- Harvey D. (2008) The Right to the City // *New Left Review*. 53 (Sept.-Okt.). P. 23–40.
- Iliopoulou E., Karathanasis P. (2014) Towards a Radical Politics: Grassroots Urban Activism in the Walled City of Nicosia // *Cyprus Review*. Vol. 26. No. 1. P. 169–192.
- Jacobsson K. (2014) *Grassroots in the City: Urban Grassroots Movements in Central and Eastern Europe and Post-Soviet Space: Paper for presentation at the CBEES annual conference, December 4–5*. Режим доступа: [http://www.sh.se/p3/ext/res.nsf/vRes/cbees_engelsk_1412582982411_kerstin_jacobsson_pdf/\\$File/kerstin_jacobsson.pdf](http://www.sh.se/p3/ext/res.nsf/vRes/cbees_engelsk_1412582982411_kerstin_jacobsson_pdf/$File/kerstin_jacobsson.pdf) (дата обращения: 21.10.2017).
- Lefebvre H. (1996) *Writings on cities*. Blackwell, Cambridge, MA.
- Lefebvre H. (1991) *The production of space*. Blackwell, Oxford.
- Maenpaa P., Faehnle M. (2017) Civic activism as a resource for cities // *Kvartti. Helsinki quarterly*. Режим доступа: <http://www.kvartti.fi/en/articles/civic-activism-resource-cities> (дата обращения: 21.10.2017).
- McAdam D. (1996) Conceptual origins, current problems, future directions in *Comparative Perspectives on Social Movements in Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings* / D. McAdam, J.D. McCarthy, M.N. Zald (eds). Cambridge University Press.
- McCarthy J., Zald M. (1977) Resource mobilization and social movements: a partial theory // *American Journal of Sociology*. Vol. 82. P. 1212–1241.
- Padawangi R. (2013) The Cosmopolitan Grassroots City as Megaphone: Reconstructing Public Spaces through Urban Activism in Jakarta // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 37. 3 May. P. 849–863.
- Purcell M. (2002) Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant // *GeoJournal*. Vol. 58. P. 99–108.
- Scheller D. *Grassroots Movements in the Entrepreneurial City: Re-Claiming Urban Space and the Rise of Political Subjectivities*. Режим доступа: http://www.academia.edu/16068134/Grassroots_Movements_in_the_Entrepreneurial_City_Re-Claiming_Urban_Space_and_the_Rise_of_Political_Subjectivities (дата обращения: 17.12.2017).
- Tarrow S. (1989) *Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest / Sidney Tarrow*. [Ithaca, N.Y.] : Center for International Studies, Cornell University. Series: Western Societies Program occasional paper. No. 21.
- Žuravlev O. (2017) Vad blev kvar av Bolornajatorget? En ny start för den lokala aktivismen i Ryssland / *Arkiv. Tidskrift för samhällsanalys*. No. 7. P. 129–164.

MARIA KOROLEVA, MARIA CHERNOVA

TACTICS FOR REALIZATION OF URBAN PROJECTS

WITHIN CURRENT LEGISLATION AND MANAGEMENT PRACTICES¹

Maria Koroleva, PhD in Sociology; Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration; of. 2105, 84 korp. 3, Prospect Vernadskogo, 119571 Moscow, Russian Federation.

E-mail: m.koroleva.che@gmail.com

Maria Chernova, Sociological Studies Coordinator; Moscow Centre of Applied Urbanism, Moscow, Russian Federation.

E-mail: maria.a.chern@gmail.com

Abstract

The article presents key tactics for realization of urban projects by bottom-up actors within current management law-enforcement practices. Major features of urban activism and specifics of its development in modern Russia are described. Usage of new term “bottom-up urban actors” is justified. Major barriers are deduced within empirical study – those that are typical in collaboration between activists and authorities. Available resources are highlighted – those useful for successful urban realm improvement, defending one’s “right to the city.” Recent successful non-for-profit bottom-up activities are analyzed – those where urban activists managed to achieve urban realm improvement in Tomsk and Moscow. Data was collected through in-depth semi-structured interviews with leaders and initiators of urban projects. Importance of social capital as resource for activism is highlighted. Experience and opportunities for application of other resources by activists for overcoming barriers is described. Research results can be used as a basis for further studies of urban activism in Russia, and useful for those who studies urban realm improvement.

Key words: urban projects; urban bottom-up actors; tactics; resources; barriers; social capital; the right to the city

References

- Bakhmarova V.N. (2012) Sotsial'niy aktor v kontseptsii upravleniya M. Crozier [Social actor in M. Crozier's conception of management]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], no 1. Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/1/s%D0%BEci%D0%BE1%D0%BEgiy%D0%B0/bahmarova.pdf (accessed 21.10.2017). (In Russian.)
- Bekker Y.S. (2012) Interpretatsiya ponyatiya “sotsialniy kapital” v sovremennoy ekonomicheskoy teorii i sotsiologii [Interpretation of Concept “Social capital” in Modern Economic and Sociological Cognition]. *Izvestiya*

Dalnevostochnogo Federalnogo Universiteta [Bulletin of the Far East Federal University]. Economics and Management, pp. 3–11. (In Russian.)

- Block M., Golovin N.A. (2015) Sotsialniy kapital: k obshcheniyu ponyatiya [Social Capital: Towards Generalisation of the Concept]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo Universiteta* [Bulletin of the Saint Petersburg State University], Series 12. Sociology, pp. 99–111. (In Russian.)

Bolzoni M. (2012) *Bottom-up initiatives and urban regeneration. An exploration of the case of San Salvario's neighbourhood, Turin*. Available at: http://www.academia.edu/2183296/Bottom-up_initiatives_and_urban_regeneration._An_exploration_of_the_case_of_San_Salvario's_neighbourhood_Turin (accessed 17.12.2017).

Bourdieu P. (2005) Formy kapitala [The Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], no 3, pp. 60–74. (In Russian.)

Casazza C., Pianigiani S. (2016) Bottom-up and top down approaches for urban agriculture. *Civil Engineering and Urban Planning: An International Journal (CiVEJ)*, vol. 3, no 2 (June), pp. 49–61. doi: 10.5121/civej.2016.3204

Castells M. (1983) *The City and the Grassroots: A Cross-Cultural Theory of Urban Social Movements*. Berkeley: University of California Press.

Clement K. (ed.) (2013) *Gorodskiy dvizheniya Rossii v 2009–2012 godakh: na puti k politicheskomu*. [Urban grassroots movements in Russia in 2009–2012: on the way to the political]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye. (In Russian.)

Clement K. (ed.) (2010) *Ot obyvateley k aktivistam. Zarozhdayuschiyesya sotsial'nye dvizheniya v sovremennoy Rossii*. [From ordinary people to activists: arising social movements in contemporary Russia]. Moscow: Tri kvadrata. (In Russian.)

Coleman J.S. (2004) Ekonomicheskaya sotsiologiya s tochkoy zreniya teorii ratsional'nogo vybora [A Rational Choice Perspective in Economic Sociology]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology the online journal], vol. 5, no 3, pp. 35–44. (In Russian.)

¹ The article reflects the results of research by Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Urban projects adaptive strategies to changes in legislation and management practices.

- Coleman J.S. (2001) Kapital sotsial'niy i chelovecheskiy [Social and Human Capital]. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], no 3, pp. 122–139. (In Russian.)
- Cvetinovic M., Kucina I., Bolay J.-C. Bottom-up Urban Development in Action. *49th ISOCARP Congress 2013*. Available at: http://www.isocarp.net/Data/case_studies/2408.pdf (accessed 21.10.2017).
- Dinamika razvitiya i tekusheye sostoyaniye sektora NKO v Rossii. Analiticheskiy obzor* (2006) [Dynamics of Development and Current State of NGO Sector in Russia. Analytic Overview]. Moscow: ZIRCON research group. Available at: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/9fd/061111.pdf> (accessed 03.11.2017). (In Russian.)
- El Asmar J.-P., Ebohon J.O., Taki A. (2012) Bottom-up approach to sustainable urban development in Lebanon: The case of Zouk Mosbeh. *Sustainable Cities and Society*, vol. 2, pp. 37–44.
- Erypylova S.V., Magun A.V. (eds) (2014) *Politika apolitichnykh: grazhdanskiye dvizheniya v Rossii 2011–2013 godov* [Politics of apolitical: Civil movements in Russia 2011–2013]. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye. (In Russian.)
- Fukuyama F. (2002) *Sotsialniy kapital. Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Social capital. Culture Matters: How Values Encourage Social Progress]. Moscow: Moskovskaia shkola politicheskikh issledovaniy. (In Russian.)
- Fukuyama F. (2001) Social capital, civil society and development. *Third World Quarterly*, vol. 22, no 1, pp. 7–20.
- Gabowitsch M. (2013) *Putin kaputt!? Russlands neue Protestkultur*. Berlin: Suhrkamp Verlag.
- Giannola E., Abruscato S., Cane F., Riotta F.P. *Civic Crowdfunding: A Bottom-up Practice for a Consensual Urban Development*. Available at: http://www.academia.edu/28293248/CIVIC_CROWDFUNDING_A_BOTTOM-UP_PRACTICE_FOR_A_CONSENSUAL_URBAN_DEVELOPMENT (accessed 17.12.2017).
- Gontmakher E., Shatalova E. (2008) *Obschestvennyye ob'edineniya novogo tipa: sozdaniye banka dannykh, analiz i perspektivy dal'neyshego razvitiya* (nauchnyy doklad) [Public Unions of a New Type: making of the data base, analysis and perspectives (Scientific report)]. Available at: http://spero.socpol.ru/docs/N9_2008_09.pdf (accessed 21.10.2017). (In Russian.)
- Harvey D. (2008) The Right to the City. *New Left Review*, iss. 53, pp. 23–40.
- Iliopoulou E., Karathanasis P. (2014) Towards a Radical Politics: Grassroots Urban Activism in the Walled City of Nicosia. *Cyprus Review*, vol. 26, no 1, pp. 169–192.
- Jacobs J. (2011) *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov*. [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoye Izdatelstvo. (In Russian.)
- Jacobsson K. (2014) *Grassroots in the City: Urban Grassroots Movements in Central and Eastern Europe and Post-Soviet Space*: Paper for presentation at the CBEES annual conference, December 4–5. Available at: [http://www.sh.se/p3/ext/res.nsf/vRes/cbees_engelsk_1412582982411_kerstin_jacobsson_pdf/\\$-File/kerstin_jacobsson.pdf](http://www.sh.se/p3/ext/res.nsf/vRes/cbees_engelsk_1412582982411_kerstin_jacobsson_pdf/$-File/kerstin_jacobsson.pdf) (accessed 21.10.2017).
- Lefebvre H. (1996) *Writings on cities*. Blackwell, Cambridge, MA.
- Lefebvre H. (1991) *The production of space*. Blackwell, Oxford.
- Maenpaa P., Faehnle M. (2017) Civic activism as a resource for cities. *Kvartti. Helsinki quarterly*. Available at: <http://www.kvartti.fi/en/articles/civic-activism-resource-cities> (accessed 21.10.2017).
- Maksimenko M.A. (2013) Rossiyskiye upravlencheskiye praktiki s pozitsii tsennostno-ratsionalnogo podkhoda. Fragment 1. [Russian management practices in the context of the value-rational approach. Fragment 1]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], no 9, pp. 83–89. (In Russian.)
- McAdam D. (1996) *Conceptual origins, current problems, future directions in Comparative Perspectives on Social Movements in Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCarthy J., Zald M. (1977) Resource mobilization and social movements: a partial theory. *American Journal of Sociology*, vol. 82, pp. 1212–1241.
- Moskalyova S.M., Tykanova E.V. (2016) Sotsialniye usloviya deyatelnosti grazhdanskikh i ekspertnykh grupp po uluchsheniyu kachestva gorodskoy sredy [Social Conditions of the Performance of Civic and Expert Groups Aimed at the Improvement of the Quality of Urban Environment]. *Zhurnal sociologii i socialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. XIX, no 4 (87), pp. 103–120. (In Russian.)
- “My ne nemy!” *Antropologiya protesta v Rossii* (2014) [We Are Not Mute: Anthropology of Protest in Russia] / A. Arkhipova, M. Alekseyevskiy (eds). Tartu: Nauchnoye Izdatelstvo ELM. (In Russian.)
- Padawangi R. (2013) The Cosmopolitan Grassroots City as Megaphone: Reconstructing Public Spaces through Urban Activism in Jakarta. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 37 (3 May), pp. 849–863.
- Paklina S.N., Sheina M.V. (2015) Sotsialniy kapital: podkhody k opredeleniyu i izmereniyu [Social Capital: Approaches to Defining and Measuring]. *Rossiyskiy Ekonomicheskii Internet-Zhurnal* [Russian Economic Internet Journal], no 3, pp. 1–22. (In Russian.)
- Perspektivy NKO v kachestve postavschikov obshchestvennoy pol'zy: svodniy analiticheskiy otchet (2013) [Perspectives of NGOs as providers of social benefits: analytic report]. Moscow: ZIRCON research group.

- Available at: http://www.zircon.ru/upload/iblock/d5d/Perspektivy_NKO_v_kachestve_postavshhikov_obshhestvennoj_polzy.pdf (accessed 21.10.2017). (In Russian.)
- Purcell M. (2002) Excavating Lefebvre: The right to the city and its urban politics of the inhabitant. *GeoJournal*, vol. 58, pp. 99–108.
- Putnam R.D. (1996) *Chetoby demokratiya srabotala. Grazhdanskiye traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy]. Moscow: Ad Marginem, 1996. (In Russian.)
- Rossiyskiy nepoliticheskiy aktivizm: nabroski k portretu geroya. Otchet o rezul'tatakh issledovaniya aktivizma v Rossii* (2014) [The Russian Non-political Activism. Report based on the results of the study]. Perm: GRANI Centre. Available at: http://grany-center.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktivizm.pdf (accessed 21.10.2017). (In Russian.)
- Sedova N.N. (2014) Grazhdanskiy aktivizm v sovremennoy Rossii: formaty, factory, sotsial'naya baza. [Civic Activism in modern Russia: forms, factors, and social base]. *Sociologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], no 2, pp. 48–71. (In Russian.)
- Scheller D. *Grassroots Movements in the Entrepreneurial City: Re-Claiming Urban Space and the Rise of Political Subjectivities*. Available at: http://www.academia.edu/16068134/Grassroots_Movements_in_the_Entrepreneurial_City_Re-Claiming_Urban_Space_and_the_Rise_of_Political_Subjectivities (accessed 17.12.2017).
- Skopin A.Yu., Klimov A.I., Zaycev D.G. (2015) Aktorniy podkhod v sovremennykh sotsial'nykh naukakh: ekonomike, sotsiologii i politologii [An Actors-centered approach in modern social sciences]. *Modern Research of Social Problems*, no 7 (51). (In Russian.)
- Tarrow S. (1989) *Struggle, politics and reform: collective action, social movements and cycles of protest* / Sidney Tarrow. [Ithaca, N.Y.]: Center for International Studies, Cornell University. Series: Western Societies Program occasional paper, no 21.
- “Tretiy Sektor” v Rossii: otsenka vliyatel'nosti. *Svodniy analiticheskiy otchet* (2007–2008) [“Third Sector” in Russia: Estimation of Influence. Analytic report]. Moscow: ZIRCON research group. Available at: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/8bb/080329.pdf> (accessed 03.11.2017). (In Russian.)
- Yanitskiy O.N. (2013) *Sotsialniye dvizheniya: teoriya, praktika, perspektivy* [Social movements: theory, practice, perspective]. Moscow: Noviy Khronograph. (In Russian.)
- Zdravomyslova E.A. (2013) *Paradigmy zapadnoy sotsiologii obshchestvennykh dvizheniy* [Paradigms of Western sociology of the public movements]. Saint Petersburg: Nauka. (In Russian.)
- Zhel'nina A. (2015) Kreativnost' v gorode: reinterpretatsiya publichnogo prostranstva [Reinterpreting the Public Space: Creativity in the City]. *Zhurnal sotsiologii i socialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], vol. XVIII, no 2 (78), pp. 45–59. (In Russian.)
- Žuravlev O. (2017) Vad blev kvar av Bolornajatorget? En ny start för den lokala aktivismen i Ryssland. *Arkiv. Tidskrift för samhällsanalys*, no 7, pp. 129–164.

С.Г. ПАВЛЮК, К.С. НИКОГОСЯН БРОДВЕЙ В РАЗРЕЗЕ:

ПРОФИЛЬНОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ КАК МЕТОДИКА ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Urban Studies and Practices Vol.2 #3, 2017, 43-63

<https://doi.org/10.17323/usp23201743-63>

Павлюк Семен Геннадьевич, кандидат географических наук, научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, д. 1.

E-mail: phoenix11@list.ru

Никогосян Каринэ Сергеевна, научный сотрудник Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ; Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4, оф. 417; аспирант географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: knikogosjan@hse.ru, knikogosjan@gmail.com

Бродвей — самая известная улица Нью-Йорка — проходит через весь остров Манхэттен и многие его вернакулярные районы. Полевое исследование функциональной, социально-экономической, архитектурной и ментальной дифференциации улицы от Боулинг-Грин на юге Манхэттена до 142-й стрит в Испанском Гарлеме позволило отработать методику профильного районирования территории, а также выявить 16 уникальных районов на выбранном отрезке. Районы получились функциональными по сути, однако их выделение базируется на границах внутригородских вернакулярных районов. Получается, что Бродвей как важная общественно-торговая магистраль формирует окрестный городской ландшафт, но роль и степень выраженности вернакулярных районов, по которым проходит улица, остается значительной, а зачастую — решающей.

Ключевые слова: полевые исследования; Бродвей; профильное районирование улицы; районы Манхэттена; вернакулярные районы; ГИС

Изучение внутригородской пространственной дифференциации и социальной сегрегации становится все более актуальным не только в среде социологов и градостроителей, но и среди географов. На кафедре социально-экономической географии зарубежных стран (СЭГЗС) географического факультета МГУ с 2008 г. разрабатывается и апробируется методика дифференциации городского пространства (ДГП) — полевого изучения неоднородности городской среды [Павлюк, 2015; Пузанов, 2017], направленная на анализ городского пространства от физико-географической неоднородности до ментально-смыслового наполнения территории.

Подобные исследования делят город на отдельные функциональные, архитектурные, социально-экономические и вернакулярные районы. В нашем исследовании сохранена

структура этой методики, но в качестве объекта взят не площадной, а линейный объект городского пространства — улица. Как во время полевых физико-географических исследований по древесным кернам² дают основные характеристики ствола дерева или по почвенному профилю³ характеризуют свойства почвы и основные процессы почвообразования, так и улица при исследовании городской ткани выступит «срезом» пространственных характеристик территории и отразит изменение всех ее свойств по траектории пролегания. Поэтому и районирование, предложенное здесь, не классическое (площадное), а профильное.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (грант № 17-03-00848).

² Образец древесины цилиндрической формы диаметром 5–7 мм, взятый перпендикулярно к центру ствола дерева.

³ Представление почвы в вертикальном разрезе от поверхности в глубину до материкового основания.

Идея: улица как инструмент полевого исследования

Профильное районирование, на первый взгляд, кажется более упрощенным вариантом классического районирования. Задача схожая: разделить территорию на однородные внутри и различные между собой ареалы. Но исчезает одно из измерений. Территория как бы перестает быть пространством, теряется объем, а значит, подход профильного районирования может восприниматься как менее репрезентативный.

Однако возможность увидеть роль отдельной улицы — преимущество профильного районирования. Улицы «растворяются» при обобщении процессов, проходящих на определенной территории, при классическом подходе к районированию и уходят из поля зрения исследователя. За лесом исчезают деревья, то есть городские улицы, каждая из которых обладает собственным именем, историей, образом, культурным и ментальным контекстом, пропадают на фоне района.

Улицы — едва ли не самый узнаваемый элемент городского пространства, его ментальной карты. Вернакулярные районы города (то есть районы, выделяемые самими жителями территории [Павлюк, 2009; Пузанов, 2012; Социально-экономическая география..., 2013]) не имеют той же степени узнавания, четкости ментального образа и соотношения с картой, что и основные улицы. Зачастую именно улицы, а не районы — основа внутригородской идентичности, ответ на вопрос, где человек проживает («Ты где живешь?» — «В районе улицы Куусинена»). Улицы становятся «модным адресом», причем этот статус сохраняется на всем ее протяжении, даже по мере удаления от городского центра. В Москве достаточно весомо звучит ответ на вопрос о месте проживания: — «Живу на Ленинском проспекте». При этом часто не уточняется, в какой его части — ближе к центру или к городской окраине — проживает респондент.

Городские улицы характеризуются множеством параметров: шириной, длиной и извилистостью, стилем архитектуры, инфраструктурой и функциональной наполненностью. С формальной точки зрения различают проспекты, бульвары, проезды, переулки, тупики. Но главное — это церемониальное, общественно-политическое и символическое наполнение улицы, на что обращает внимание в своей книге «Великие улицы» амери-

канский урбанист Аллан Джейкобс [Джейкобс, 2014].

Отдельный феномен — главная улица, которая часто становится осью развития города, его парадным фасадом, лицом. Здесь возводятся лучшие и наиболее значимые архитектурные сооружения города, это самый престижный адрес проживания, место тяготения лучших магазинов и самых влиятельных фирм и организаций. Это самое популярное место для встреч и времяпровождения, центр притяжения туристов и гостей города. Она сочетает экономическую, рекреационную, административную, торговую и социальную функции. Такое разнообразие — основа формирования городского центра [Гончаров, Никогосян, 2017].

Центральная⁴ улица выступает своего рода лакмусовой бумажкой городского развития, порой просто ставя знак равенства между самой улицей и городом в целом⁵, а потому это уже не просто важный городской объект, но и инструмент изучения города.

Часто главная улица проходит через весь город. В этом случае она служит прекрасным инструментом изучения градиента «центр — периферия» и выявления границ исторического и экономического центра, а также полупериферийных и периферийных частей города. Аналогичное исследование проводилось, например, на студенческой практике кафедры СЭГЗС в 2008 г. на примере улицы Большая Садовая в Ростове-на-Дону. Изучалось изменение архитектурного стиля и возраста зданий, соотношения магазинов и организаций повседневных, периодических и эпизодических услуг, внешнего вида местных жителей и особенностей социального климата территории. Рисунок получившегося профиля напоминает гору: вершина-центр и склоны-периферии, что соответствует конусу спроса с «вершиной» в историческом центре, где всегда существует высокий спрос на разнообразные товары и услуги.

Еще интереснее, когда территориальный рост города коррелирует с направлением центральной улицы. Ее начало — точка отсчета истории города, а дальше, словно годовые кольца на стволе дерева, проявляются следы прошедших времен и отражения прилегающих к улице районов. Один из лучших

4 Здесь и далее используется в качестве синонима к «главной» улице.

5 Как в произведении Синклера Льюиса «Главная улица».

примеров такого рода — улица Бродвей в нью-йоркском Манхэттене. Главная улица города, которая вслед за развитием Нью-Йорка уходила от южной оконечности острова Манхэттен на север, переживая все этапы развития, возможно, самого значимого города современной истории. Более того, во многих странах мира Бродвей — имя нарицательное, олицетворение главной улицы города. А потому логичным стал выбор именно этой улицы в качестве объекта нашего исследования.

Другое важное достоинство профильного районирования — простота сбора полевого материала. Даже с помощью успешно применяемой полевой методики фото-GPS [Гончаров, Сапанов, Яшунский, 2015] при исследовании целых городских районов сложно учесть и нанести на карту все необходимые объекты инфраструктуры, поэтому приходится ограничивать набор выбранных индикаторов, тогда как на линейном маршруте составить исчерпывающий портрет территории гораздо проще.

Таким образом, в работе преследовались две цели: теоретическая и методологическая. Теоретической целью стало проведение профильного районирования улицы, в нашем случае Бродвея, в рамках которой мы отслеживали проявление различных факторов в городском пространстве. Методологическая цель заключалась в оценке возможности одновременного использования главной улицы города в качестве инструмента во время сбора данных и объекта исследования, что позволит сделать качественные выводы о текущей структуре прилегающего городского пространства.

Истоки: история и образ Бродвея

Еще в доколумбовые времена на месте нынешнего Бродвея проходила индейская тропа, известная под алгонкинским именем Виккасгек (алгонкин. *Wickquasgeck*, «страна березовой коры»). Тропа шла по узкой лощине, наискось протянувшейся через гранитный остров. Так Нью-Йорк получил свой знаменитый косой шрам, расщеливший регулярную планировку стритов и авеню⁶.

6 Стрит и авеню (англ. *Street, Avenue*) — используемые устоявшиеся англоязычные обозначения улиц разного ранга. Далее по тексту номерные улицы указываются в определенном виде: стриты с указанием номера улицы в числовом виде, а авеню — прописью с заглавной буквы (например, 14-я стрит и Восьмая авеню).

После прихода голландских колонистов роль тропы возросла: она соединяла два первых европейских поселения — Новый Амстердам на юге и Гарлем, названный в честь голландского города Харлем, на севере Манхэттена. Свое нынешнее название Бродвей получил в 1667 г. после передачи Нового Амстердама англичанам, когда первоначальное название улицы «Господская улица» (нидерл. *Heere Straat*), данное первым губернатором Новых Нидерландов Петером Минейтом (нидерл. *Peter Minuit*), трансформировалось в вольном переводе колонизаторов.

По плану территориального развития города 1811 г. улица Бродвей была прочерчена вплоть до Гарлемских высот⁷. Бродвей стал единственной улицей, нарушившей регулярную планировку Нью-Йорка. Улица пересекала не только стриты, но и значительную часть меридионально вытянутых авеню (от Четвертой до Одиннадцатой). Первое такое пересечение создало Юнион-Сквер, название которой так и переводится: «площадь Объединения». На тот момент, в начале XIX в., Четвертой авеню еще не существовало. Это было объединение Бродвея с Бауэри-Роуд — другой старейшей транспортной магистралью Манхэттена, которая возникла в XVII в. как дорога из Нового Амстердама на ферму губернатора Питера Стайвизанта (нидерл. *Pieter Stuyvesant*).

В начале XIX в. Бродвей делился на три части. Непосредственно Бродвеем называли улицу южнее Уолл-Стрит, то есть в границах Нового Амстердама. Отрезок от Уолл-Стрит до Гранд-Серкл, сегодня его называют Коламбус-Серкл, был известен как Блумингдейл-Роуд или Вестерн-Бульвар. А севернее Гранд-Серкл — как Бульвар. По сути, это были изначальные разделения современных Даунтауна, Мидтауна и Аптауна Манхэттена. Причем граница последних двух районов и сегодня проходит по 59-й стрит через Коламбус-Серкл. Лишь в самом конце XIX в. улица на всем своем протяжении стала называться Бродвеем.

Бродвей — самая длинная улица Нью-Йорка: 21 км она тянется через боро⁸ Манхэт-

7 В конце статьи (с. 60) указан подход авторов к переводу названий географических и внутригородских топонимов, вернакулярных районов и иных объектов, а также дан перечень оригинальных названий.

8 Боро (англ. *Borough*) — название административно-территориальных единиц второго порядка в США, схоже с понятием «округ» — меньше, чем штат, но больше, чем город. Исключение составляет

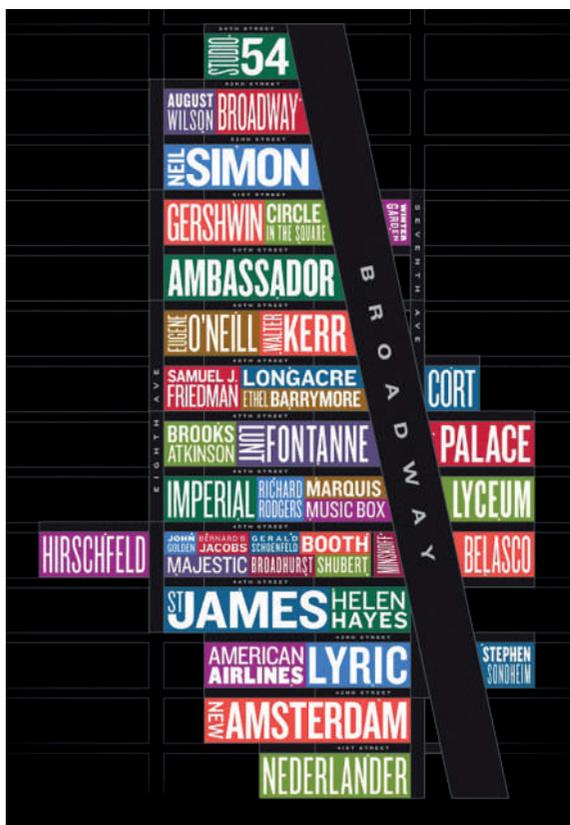

Рис. 1. Схематичный план Театрального квартала

Источник: <http://www.spotlightonbroadway.com/>.

тен, затем более 3 км идет по боро Бронкс и, наконец, почти 30 км — по северным пригородам нью-йоркской агломерации. Обывателей уверяют, что улица тянется дальше на север через небольшие городки, вплоть до столицы штата — Олбани. Но на самом деле заканчивается Бродвей на северном выезде из городка Слипс-Холлоу, той самой Сонной Лощины, что обессмертил в своем рассказе Вашингтон Ирвинг. Здесь под мостом без каких-либо табличек и памятных знаков Бродвей сменяется на Шоссе № 9, идущее в сторону Олбани. Но, конечно, для подавляющего большинства Бродвей — лишь улица, проходящая по территории Манхэттена. А для многих туристов он и вовсе сжимается до Театрального квартала вокруг Таймс-Сквер, который сформировался между 39-й и 54-й стрит и между Шестой и Восьмой авеню в 1880-е годы.

Собственно, эти два образа — Бродвей как главная улица и Бродвей как театральный

город Нью-Йорк, в составе которого находится пять боро: Манхэттен, Бруклин, Бронкс, Куинс и Статен-Айленд.

квартал — стали основными и даже конкурирующими между собой брендами, в обоих случаях превратившись в нарицательные имена.

Бродвей — частое название для улицы в городах США: в одном Нью-Йорке их четыре, а всего по стране, согласно данным Бюро переписи на 1993 г., 2511 улиц носят такое название. Большинство из этих улиц — главные. За пределами США символичность «Бродвея» в качестве главной улицы свойственна только городам постсоветского пространства. Его образ приукрашен и несет в себе только позитивные черты оригинального Бродвея — это самая широкая и красивая улица города, место гуляния и досуга. Здесь множество магазинов, кафе, развлекательных заведений. В народе прозваны «Бродвеями» такие улицы, как Большая Покровская в Нижнем Новгороде или проспект Штефана чел Маре в Кишеневе, улица Крещатик в Киеве или Комсомольский проспект в Перми, Курортный бульвар в Кисловодске или улица Сайилгох в Ташкенте. Свои Бродвеи есть в Казани, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Ульяновске, Троицке, Мурманске и Ярославле. Есть они и в отдельных районах Москвы [Павлюк, 2017].

Другой общий нарицательный стереотип Бродвея — театральный. Бродвей — центр американской театральной культуры. Он выступает как отправной точкой для карьеры многих молодых актеров, так и венцом их профессионального успеха. Бродвей — это обобщенное название 40 крупных коммерческих театров, расположенных вдоль Бродвея от 40-й до 54-й стрит Театрального квартала (рис. 1). Лишь бродвейские шоу могут быть номинированы на престижную театральную премию «Тони». Многие считают, что театральные постановки на Бродвее — самые лучшие в мире. Сейчас это и главная улица американских мюзиклов, и музыкальная мекка Нью-Йорка.

Методика: исследовательские предпосылки и индикаторы полевого исследования

Итак, Бродвей — главная улица Манхэттена, проходящая через весь остров и львиную долю городских вернакулярных районов. Если обратиться к карте «нейборхудов»⁹ Ман-

⁹ Нейборхуд (англ. Neighborhood, досл. «соседство») — неформальные внутригородские микрорайоны с географически локализованным

хэттена (рис. 2), своего рода сложившемуся ментальному районированию данной территории, видно, что Бродвей может выступать как в роли каркаса некоторых вернакулярных районов (Финансовый квартал, Верхний Вест-Сайд, Номад, Таймс-Сквер), так и в роли их границы (Трайбека/Сохо — Чайнатаун; Гринвич-Виллидж — Нохо/Ист-Виллидж).

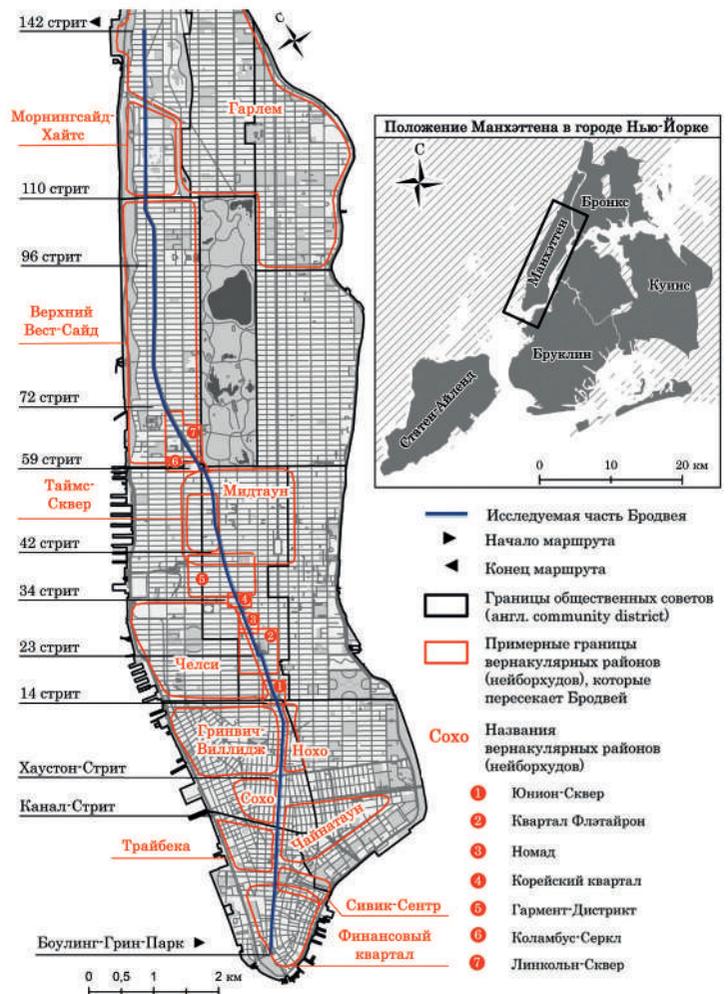
В качестве центра района Бродвей отражает самое яркое и лучшее на данной территории. А в качестве границы — либо выступает пустынной периферийной зоной, либо, наоборот, отличается наибольшей концентрацией явлений, характерных для соседствующих районов. Изучение роли главной улицы как центра и границы ментальных районов — одна из задач проведенного полевого исследования.

Другая немаловажная задача — изучение способности главной улицы города к формированию собственного ментального района. Подчеркивает ли Бродвей черты вернакулярных районов, через которые он проходит? Или, наоборот, ослабляет их выраженность, подменяя собственными «бродвейскими» характеристиками?

Опираясь на конечную цель — провести профильное районирование улицы, мы выбрали протяженный участок на Бродвее — от Боулинг-Грин на крайнем юге острова Манхэттен до 142-й стрит (почти 15 км). В качестве эмпирического объекта выступает уличное пешеходное пространство по обеим сторонам от проезжей части (рис. 3). Используемые методы: визуальное полевое обследование, фото-GPS, картографирование, геоинформационный анализ.

Специфика сбора полевого материала продиктована особенностью объекта исследования: улица как протяженный линейный объект, пересекающий другие улицы-линии. Таким образом, продольный каркас («профиль») улицы состоит из квартальных отрезков и перекрестков, который и станет основой

сообществом, разделяющим общую территориальную идентичность. В данной статье считается одним из видов вернакулярных районов. Примеры «проявления» на официальных сайтах: <https://www1.nyc.gov/assets/planning/download/pdf/data-maps/city-neighborhoods/neighbor.pdf>, https://opgny.com/online_forms/New%20York%20City%20Neighborhoods.pdf, <https://topmanhattanproperties.com/manhattan-neighborhood-map/>, <https://www.nycinsiderguide.com/manhattan-neighborhood-map>.

Данные картографической основы:
 © Участники проекта OpenStreetMap, ODbL
 Использовано программное обеспечение ArcGIS, copyright © Esri

Рис. 2. Исследуемая часть Бродвея и внутригородские вернакулярные районы

для сбора данных и дальнейшего профильного районирования.

Исследование проводилось дважды: на летних практиках кафедры СЭГЭС географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2013 г. (19–20 июня) и 2017 г. (7–8 июля)¹⁰. В статье картографический материал составлен по данным, собранным авторами в 2017 г.

Основным методом сбора первичного материала выступает метод фото-GPS: во время обследования записывается GPS-трек пути передвижения исследователей, а визуальные

¹⁰ В сборе и анализе данных также принимали участие студенты 2-го курса кафедры СЭГЭС: Дарья Сидорова и Александра Потураева (2013 г.), Игорь Киселев и Дарья Шубина (2017 г.).

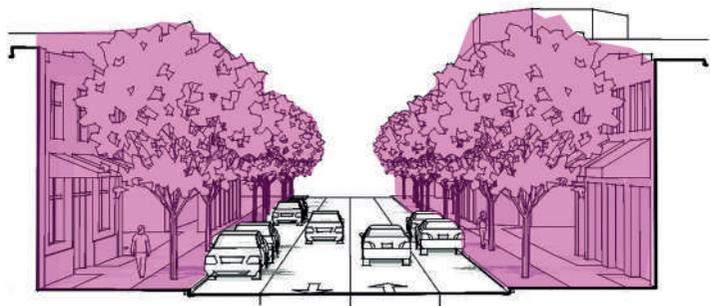
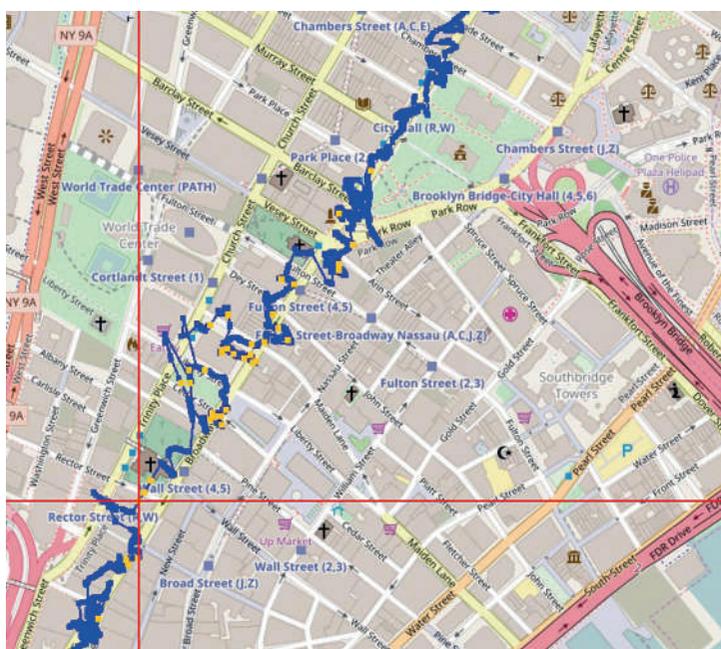

Рис. 3. Пример выделения уличного пешеходного пространства (розовый цвет). Проезжая часть учитывается косвенно – при оценке ширины улицы или наличия определенных элементов инфраструктуры (велоинфраструктура или благоустройство), а также при оценке уровня социально-экономического состояния (внешний вид и ценовой класс припаркованных авто)

Источник: <http://migrand-charrette.com/wp-content/uploads/2013/04/street-section.jpg>.

Данные картографической основы:
© Участники проекта OpenStreetMap, ODbL

Рис. 4. Пространственная привязка фотографий через программу GpsPrune (на основе данных, собранных авторами в 2017 г.)

факторы фиксируются с помощью фотоаппарата. В камеральных условиях фотографиям прописываются соответствующие координаты, взятые из трека маршрута (рис. 4), а в настольных геоинформационных системах (ГИС) они преобразовываются в про-

странственные данные. Выбранный метод наиболее удобен как при сборе полевых данных, так и при дальнейшей камеральной работе [Гончаров, Сапанов, Яшунский, 2015]. Непредвиденной трудностью стала ручная корректировка местоположения точек: как правило, системы позиционирования смартфонов и коммуникаторов весьма точны в городских условиях, но на Манхэттене в силу плотной высотной застройки сигнал проходит с запозданием, поэтому рисунок трека «скачет» по соседним кварталам (см. рис. 4).

Отбор индикаторов опирается на триаду ключевых аспектов неоднородности городского пространства, выявленных во время разработки методики ДГП [Павлюк, 2015]: физический, социально-экономический и ментальный. В табл. 1 продемонстрированы отобранные индикаторы, объединенные в эти тематические блоки.

Всего на полевом этапе за два рабочих дня сделано 695 фотографий. На камеральном этапе фотографии были классифицированы по соответствующим категориям и отображенным на снимках характеристикам. Основными методами обработки собранных полевых данных служат картографический и геоинформационный методы (через программные продукты ArcGIS и Quantum GIS), с помощью которых составлены картосхемы с фиксацией объектов или рассчитанной частотой размещения объектов временной уличной торговли вдоль улицы в 5-минутной пешей доступности (500 м)¹¹. На их основе выявлены своего рода зоны внутригородской территориальной концентрации [Максаковский, 2008].

Обсуждение результатов исследования

Выявление районов и их характеристик в процессе проведения профильного районирования требует детального рассмотрения таких районов в качестве самостоятельных единиц. Поэтому дополнительная задача — описание свойств и функций границ такого вида районов и механизмов формирования

¹¹ Применялся инструмент «плотность ядер» (англ. *kernel density*). С его помощью было рассчитано количество объектов на единицу площади (в данном случае с радиусом в 500 м). В зависимости от общего количества рассматриваемых объектов и их распределения вдоль улицы выбирался соответствующий диапазон с градиентной цветовой заливкой.

Таблица 1. Классификация индикаторов, используемых на полевом этапе исследования

Основные аспекты неоднородности городского пространства				
Индикаторы	Физический	Социально-экономический	Ментальный	
	Архитектурное окружение (высотность и внешний вид зданий, плотность застройки, функциональное наполнение)	Социальная структура пешеходного потока (людность, этническое разнообразие, преобладающий возраст и социальное положение)	Городская топонимия (заведения, в названии которых отражен топоним административного или вернакулярного района. Упоминания названий района на уличных картах, стелах навигации и указателях улиц на перекрестках)	
	Инфраструктура улицы (элементы благоустройства и их качественная оценка: состояние тротуаров и пешеходных зон, система навигации, озеленение, велоинфраструктура (в том числе заполняемость велопарковок как арендным, так и частным велосипедным транспортом), малые архитектурные формы)	Уличная торговля: – сетевые кафе быстрого питания, ориентированные на средний класс и массового потребителя («Старбакс», «Макдоналдс», «Претаманжер» (Pret a Manger)); – временная мелкорозничная торговля (ярмарки, городские киоски, книжные развалы, уличные фургоны, тележки и палатки с едой и напитками, а также с сувенирной продукцией, одеждой и украшениями)		
	Специфические объекты , которые характеризуют окружающий район (так называемый эффект трилобита [Смирнягин, 2005] или «плавающий признак» [Смирнягин, 1989, 2012]. Например, проявления университетского квартала (число студентов на улицах, объявления о студенческих скидках в магазинах, топонимика и символика вуза) или этнического квартала (вывески магазинов, уличные и рекламные объявления, районные газеты на других языках)			

их локальных центров. Отдельное внимание уделяется рассмотрению проекции символического образа Бродвея на выявленные районы. А настоящая находка — несколько джентрифицируемых районов, переживающих в настоящее время настоящую «пространственную» реинкарнацию. Рассмотрим подробнее каждый из сюжетов профильного районирования Бродвея.

Функциональное наполнение районов

На исследуемом участке Бродвея выявлено 16 районов (рис. 5), которые сочетают в себе комбинацию определенных функций территории с преобладанием одной или двух профилирующих. Зафиксированные функции можно объединить в три большие группы: жилые, общественно-деловые и культурно-просветительские (см. рис. 5).

Практически половина исследуемого Бродвея оказалась жилой. Такие районы характерны для Аптауна — от окрестностей Коламбус-Серкл, всего Верхнего Вест-Сайда и Манхэттен-Вэлли, до Испанского Гарлема. Здесь проживают люди с разным уровнем дохода, поэтому жилые кварталы, в свою

очередь, были категоризированы по уровню дохода местных жителей¹²: жилые среднего класса и жилые высшего среднего класса. Здесь преобладают заведения, ориентированные на повседневные бытовые услуги, но также распространены сетевые заведения среднего класса (рис. 6) и разные виды уличной торговли (рис. 7). К примеру, для этой территории характерна уличная продажа свежих овощей и фруктов (от 77-й стрит), а крупные гастромакеты на первых этажах и вовсе встречаются только в Верхнем Вест-Сайде (рис. 8). В этих районах точки продажи непродовольственных товаров распространены от 77-й до 85-й стрит, где превалирует бытовой ассортимент, а с 87-й стрит витрины заведений с оказанием услуг химчистки (см. рис. 8) выходят прямо на Бродвей. Даже визуально улица выглядит как бульвар или сквер: деревья высажены не только по обеим сторонам улицы, но и на разграничительной полосе,

¹² Доход как один из факторов, характеризующих социальную структуру пешеходного потока на полевом этапе исследования, определялся по внешнему виду жителей, выходящих из жилых домов, а также по виду и состоянию самих зданий (архитектурное окружение).

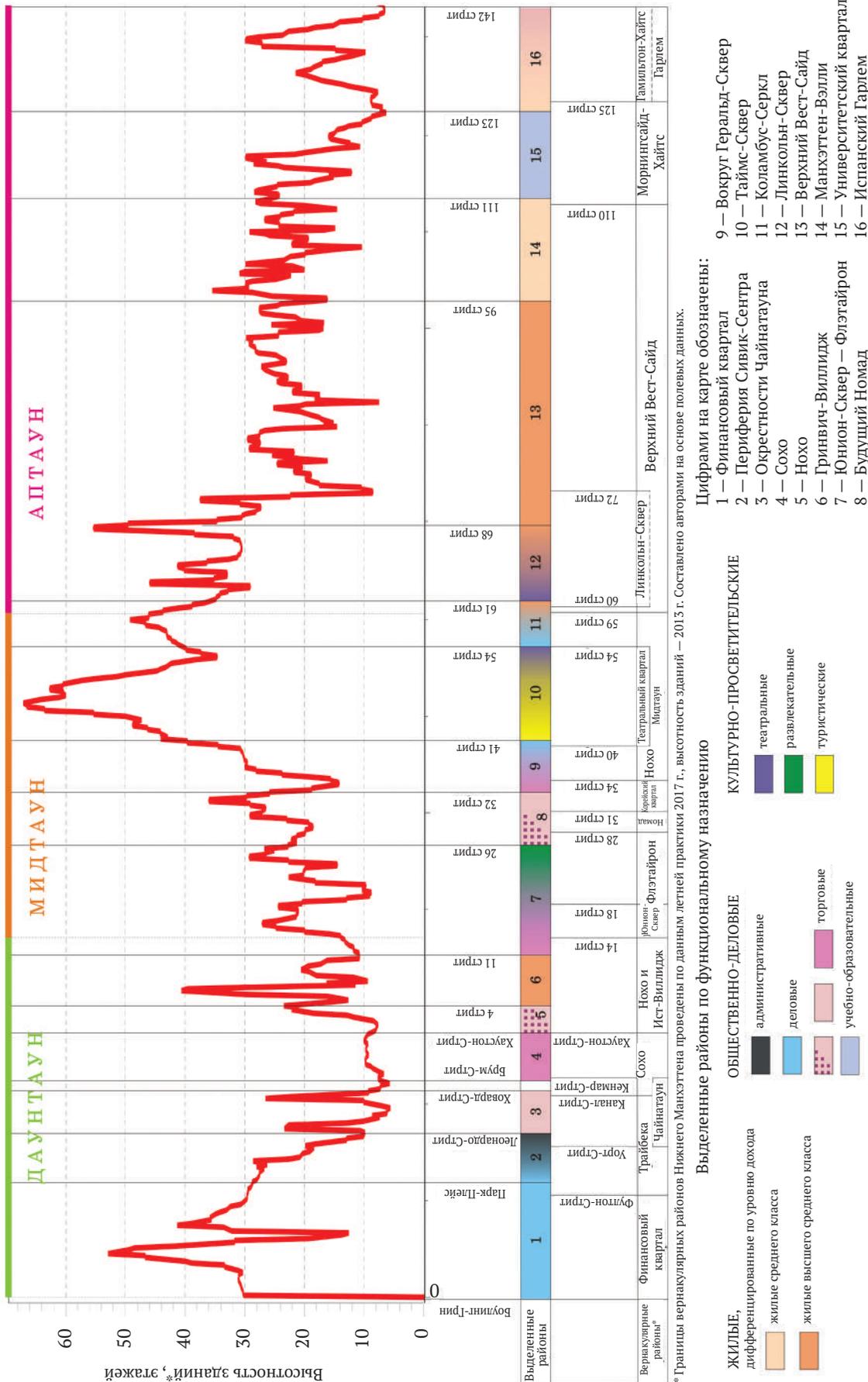

Рис. 5. Профильное районирование Бродвея (на основе данных, собранных авторами в 2017 г.)

Источник: профиль составлен по результатам нашего полевого исследования.

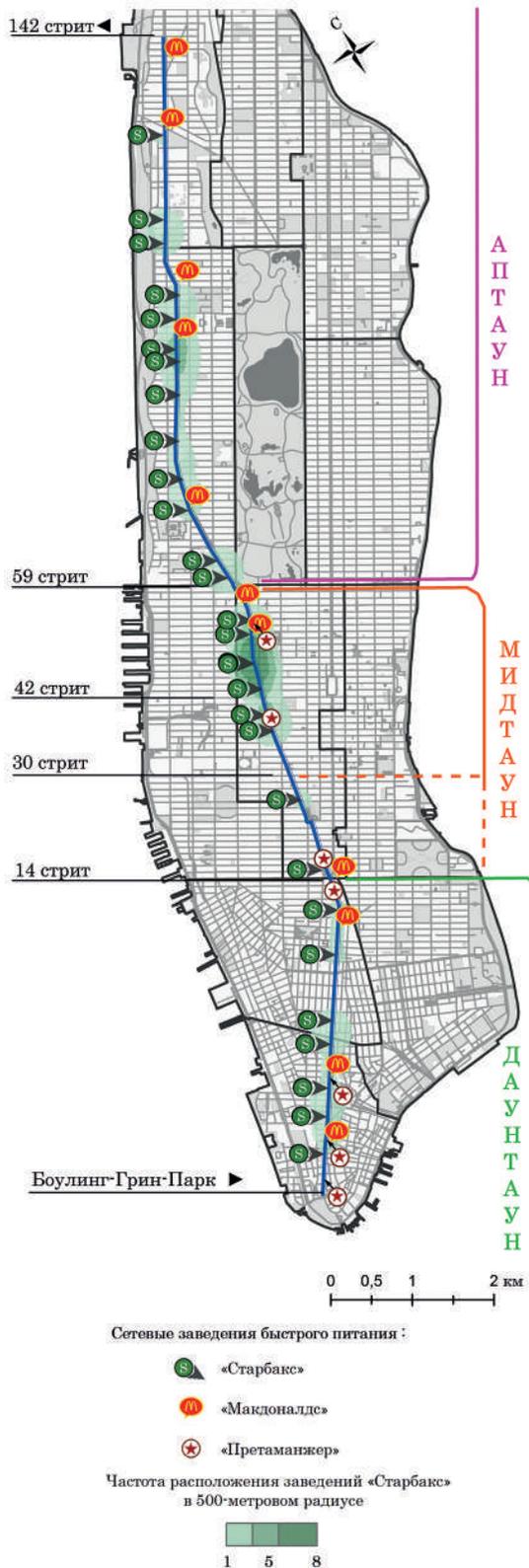
а на перекрестках стоят скамейки или малые архитектурные формы.

В южной части Манхэттена также есть схожий жилой «район-реликт»: в переходной зоне между Даунтауном и Мидтауном — respectable Гринвич-Виллидж (см. рис. 5). На Бродвее южнее Центрального парка это единственное место серьезного скопления многоэтажных жилых домов. К нему корпусами своих общежитий примыкает студенческий квартал Нью-Йоркского университета, что только подтверждает жилую функцию этого района. Во всех выявленных жилых районах отмечено использование личного велотранспорта — об этом свидетельствует большое количество припаркованных велосипедов (рис. 11).

Следующая крупная группа районов, общественно-деловая, характерна для оставшейся части Бродвея. В нее входят районы с административными, деловыми, торговыми или учебно-образовательными функциями. Некоторые районы сочетают в себе комбинацию данных функций, другие имеют монопрофильное направление.

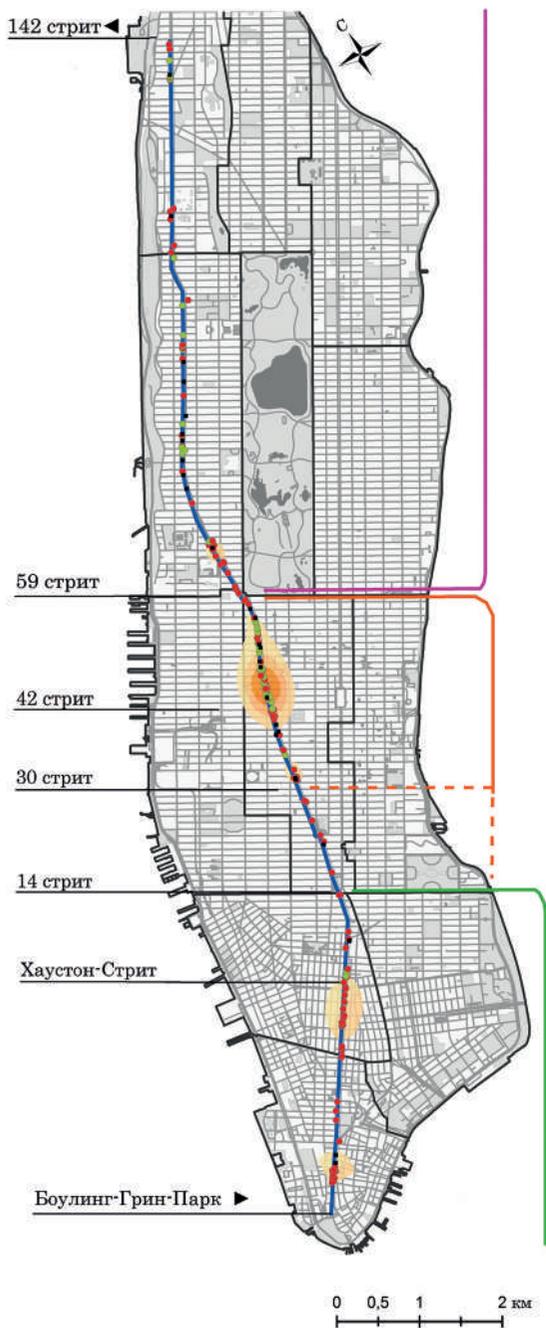
К примеру, в отличие от жилого Аптауна, в Даунтауне преобладают диаметрально противоположные функции — административные и деловые (см. рис. 5). Границы Финансового квартала практически совпадают с границами вернакулярного района, а вплоть до Леонард-Стрит выходит на Бродвей периферия Сивик-Сентра¹³. Большинство фасадов, стиснувших кажущуюся очень узкой улицу, принадлежат банкам. С общественно-торговой точки зрения их первые этажи неактивны: почти все кафе в них ориентированы на еду на вынос (см. рис. 6, 9). Иногда через стекло фасадов заметны кафе и даже рестораны внутри зданий, однако у них нет вывесок или отдельных входов с улиц. Они предназначены для местных работников, а не для прохожих. Туристов же на улице много. Но в этой части Бродвея выполняет еще и транзитную функцию. Толпы туристов текут по нему, не останавливаясь и обгоняя друг друга: от парома на Статен-Айленд или станций метро к Уолл-Стрит и памятнику Атакующего быка, через

13 Нет общепринятого перевода названия данного района, в различных источниках встречаются варианты «Муниципальный центр» или «Административный центр». В статье к названиям с неоднозначным русским переводом применялись правила транслитерации (см. *Примечание авторов* на с. 60).

Данные картографической основы:
 © Участники проекта OpenStreetMap, ODbL
 Использовано программное обеспечение ArcGIS, copyright © Esri

Рис. 6. Размещение сетевых заведений («Старбакс», «Макдоналдс», «Претаманжер»), июль 2017 г.

Объекты уличной торговли, зафиксированные на полевом этапе исследования

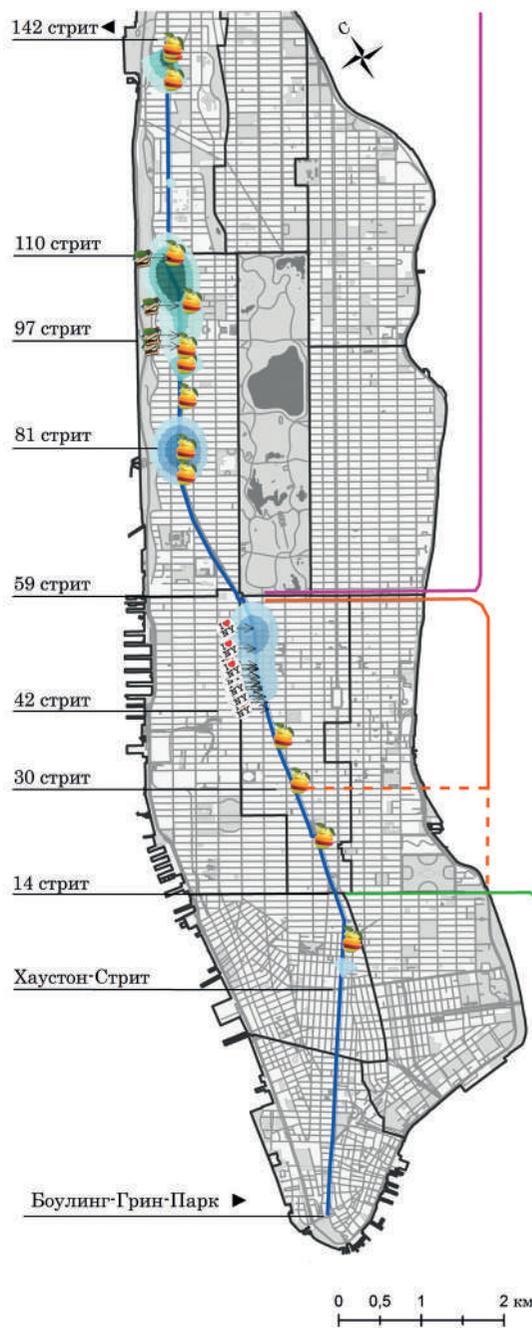
- Продовольственные
- Непродовольственные
- Городские киоски

Частота расположения объектов уличной торговли в 500-метровом радиусе

19	35	60
----	----	----

Данные картографической основы:
 © Участники проекта OpenStreetMap, ODbL
 Использовано программное обеспечение ArcGIS, copyright © Esri

Рис. 7. Распространение различных видов уличной торговли на Бродвее, 7–8 июля 2017 г.

Палатки с ягодами, фруктами и овощами

Точки уличной продажи сувенирной продукции

Книжные развалы

Частота расположения в 500-метровом радиусе:

2	5	7
---	---	---

оказание услуг химчистки (вход непосредственно с Бродвея)

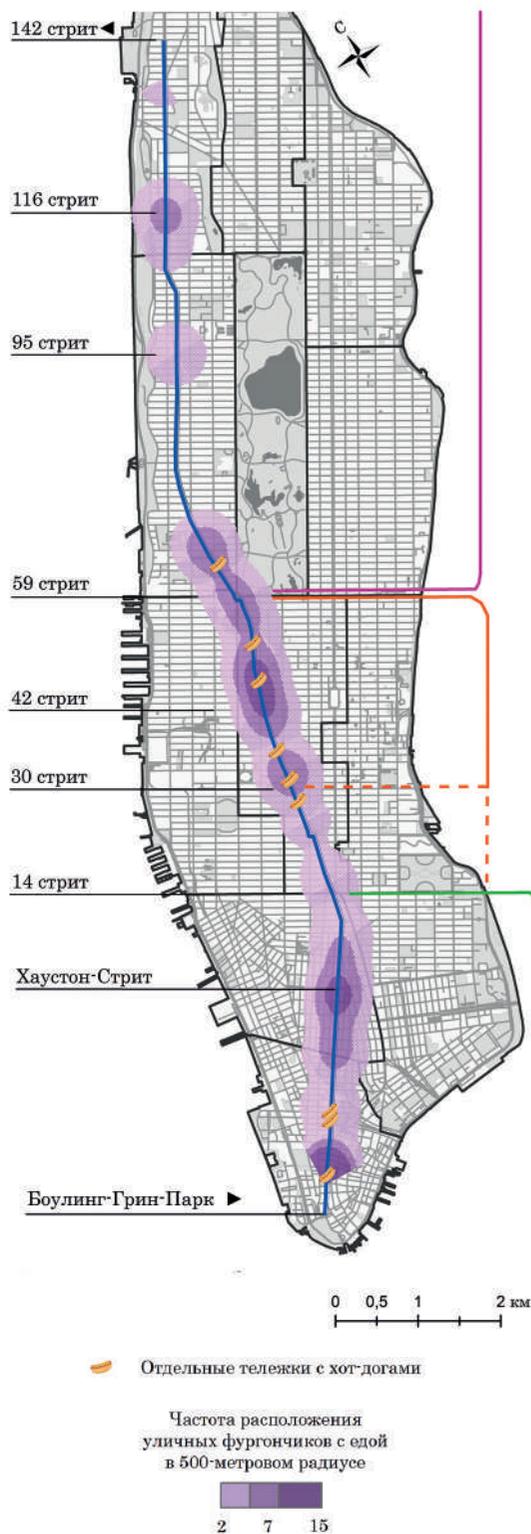
Данные картографической основы:
 © Участники проекта OpenStreetMap, ODbL
 Использовано программное обеспечение ArcGIS, copyright © Esri

Рис. 8. Распространение определенных категорий уличной торговли на Бродвее, характерных для Мидтауна и Аптауна, 7–8 июля 2017 г.

Каньон героев к небоскребу Фридом-Тауэр и Граунд-Зиро¹⁴. Магазины встречаются лишь эпизодически. Фултон-Сентер с масштабным фудкортом внутри при одноименной станции метро выступает скорее исключением, как для района, так и для Бродвея в целом. Однако это яркий пример того, как объекты торговли и общепита концентрируются в непосредственной близости от станций метро.

Примыкающая с севера периферия Сивик-Сентра достаточно сильно отличается от делового Бродвея-каньона. Здания несколько теряют этажность и распадаются на отдельные высотки. По-прежнему встречаются банки, но преобладают административные здания федерального и муниципального уровня, часто занимающие целые кварталы: отделение Агентства по охране окружающей среды и Федеральное бюро расследований между Рид-Стрит и Дуэйн-Стрит, здание Службы гражданства и иммиграции США между Дуэйн-Стрит и Федерал-Плаза и т.д. Граница района нечеткая и условно проходит по Парк-Плейс.

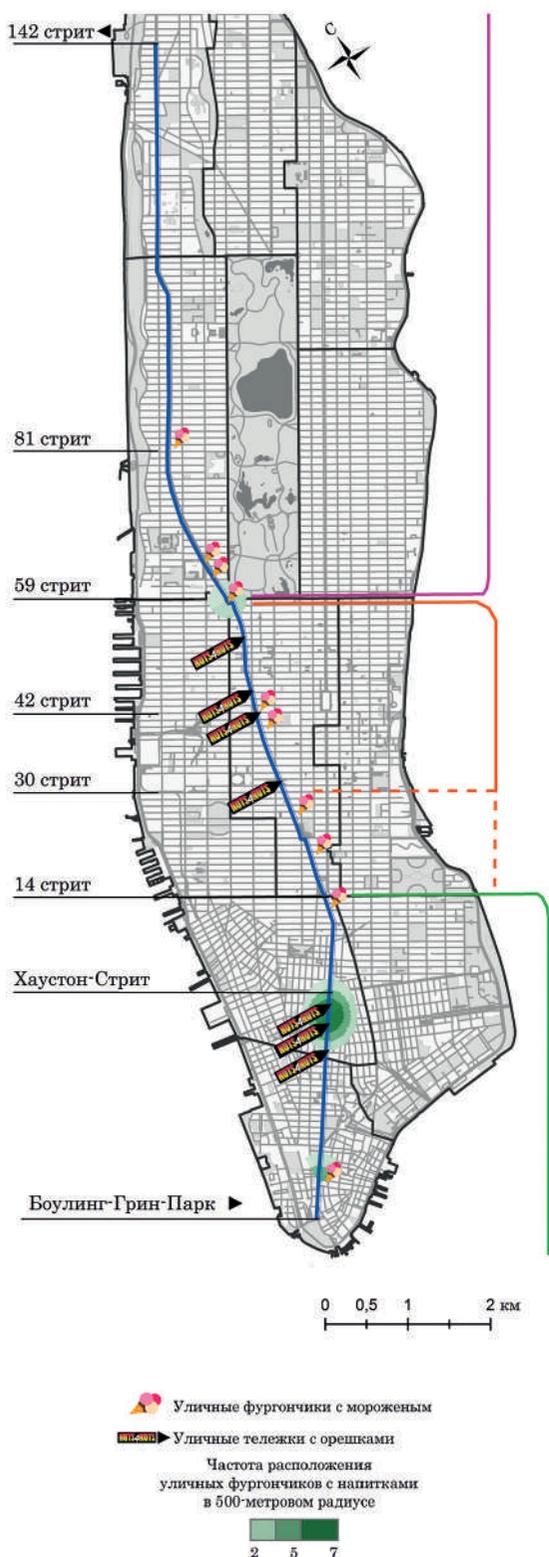
Другой доминирующей функцией в этой группе районов выступает учебно-образовательная деятельность. Она превалирует со 111-й до 123-й стрит (см. рис. 5), где расположен кампус Колумбийского университета, одного из вузов Лиги плюща¹⁵. Выявленный Университетский квартал — это не только территория самого университета, но и окружающая его инфраструктура: молодежные кафе, книжные лавки, магазины органических продуктов, продовольственный супермаркет «Мортон Уильямс»¹⁶. В названиях коммерческих заведений активно используется эпитет «университетский» и топоним

Данные картографической основы:
 © Участники проекта OpenStreetMap, ODbL
 Использовано программное обеспечение ArcGIS, copyright © Esri

Рис. 9. Распространение определенных категорий уличной торговли на Бродвее, встречающихся повсеместно, 7–8 июля 2017 г.

- 14 Ground Zero (англ.) — Мемориал погибшим 11 сентября 2001 г.
- 15 Лига плюща (англ. *Ivy League*) — это ассоциация восьми старейших частных университетов и колледжей на северо-востоке США, которая считается эталоном престижности высшего образования в стране. В нее входят Гарвард (англ. *Harvard*), Принстон (англ. *Princeton*), Йель (англ. *Yale*), Браун (англ. *Brown*), Колумбия (англ. *Columbia*), Корнелл (англ. *Cornell*), Дартмут (англ. *Dartmouth*) и Пенсильвания (англ. *Pennsylvania*).
- 16 Morton Williams (англ.) — розничная сеть продуктовых магазинов, расположенных преимущественно в Нью-Йорке. Каждый магазин предназначен для отражения потребностей отдельного нейборхуда. По ценовому сегменту магазин ориентирован на средний и высший средний класс покупателей (<http://www.morton-williams.com>).

Данные картографической основы:
 © Участники проекта OpenStreetMap, ODbL
 Использовано программное обеспечение ArcGIS, copyright © Esri

Рис. 10. Распространение определенных категорий уличной торговли на Бродвее, характерных для Даунтауна и Мидтауна, 7–8 июля 2017 г.

«Колумбия» (рис. 12). Например, паб «Бернхайм & Шварц» (англ. *Bernheim & Schwartz*) рекламирует себя как место, «где Колумбия впервые попробовала пиво».

А торговая функция — визитная карточка не только Мидтауна, но и Бродвея в целом. На исследуемом участке она распространена повсеместно (см. рис. 5, 7–10). Более подробно об этом будет сказано ниже (см. раздел «Образы Бродвея»). Торговля на Бродвее существует во всевозможных форматах: от развалов книг на тротуарах и фургончиков с едой до элитных многоэтажных магазинов. Здесь можно приобрести все что угодно.

Районы с сугубо культурно-просветительскими функциями найдены не были. Исключение — Таймс-Сквер, где в гротескной форме сочетаются все функции, но со специализацией на театральной (см. рис. 1) и туристической индустриях. На территории Мидтауна выделены смешанные районы: в сочетании с жилыми, как, например, окрестности Коламбус-Серкл, или в сочетании с общественно-деловыми функциями: Юнион-Сквер — Флэтайрон, окрестности Геральд-Сквер и др. (см. рис. 5). Здесь находятся заведения, предоставляющие разнообразные функции:

- туристические (где главенствующий фактор — потребитель-турист);
- развлекательные (важна сама услуга);
- театральные (так называемый *эффект трилобита*, который нельзя скрыть в одной из общих категорий, так как он несет символическое значение как для районов, так и для Бродвея в целом).

Выявленные районы — функциональные, однако немалую роль в их выделении и обосновании сыграли границы внутригородских ментальных районов. Получается некоторое противоречие: Бродвей как важная общественно-торговая магистраль выступает в роли создателя окрестного городского ландшафта, но роль и степень выраженности этих районов, по которым проходит улица, остается значительной, а зачастую — решающей. Он мимикрирует под разные вернакулярные районы, через которые проходит. Это хорошо заметно, если двигаться по улице в меридиональном направлении, не сходя с нее. Если же, напротив, пересекать в широтном направлении любой из вернакулярных районов, миновать Бродвей невозможно. Несмотря на разные смыслы и акценты, Бродвей остается Бродвеем. Он ярко выделяется из ткани любого внутригородского района.

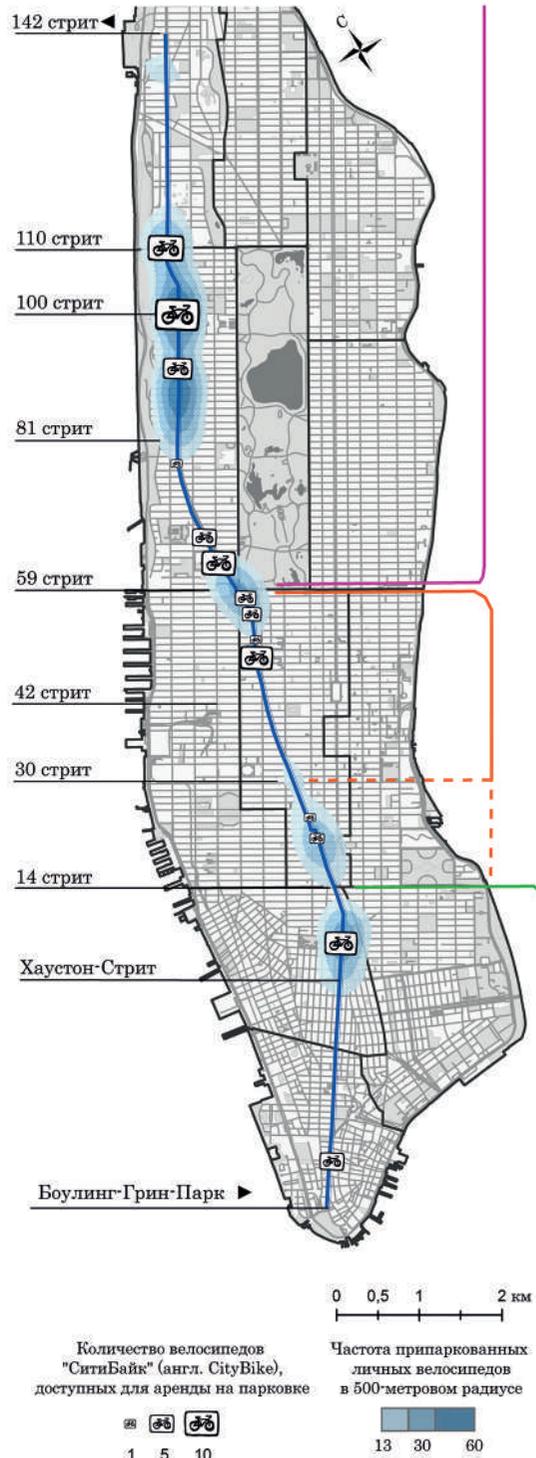
Границы районов

Районы Бродвея обычно плавно переходят один в другой (граница делового Финансового квартала и административного Сивик-Сентра). Иногда переходная зона занимает несколько кварталов, в таких случаях выделение четкой границы условно. Граница развлекательно-делового Мидтауна и жилого Аптауна проходит через офисно-жилой Коламбус-Серкл, где Таймс-Сквер сменяется жилыми многоэтажками вперемешку с небоскребами банков. Именно с границ этого района можно провести начало Аптауна: с 54-й стрит начинается четкая ориентация Бродвея не на юг к Таймс-Сквер, а на север. На протяжении пяти кварталов усиленно рекламируются велопрогулки по Центральному парку. Впрочем, смысловой центр района не парк, а Коламбус-Серкл.

Исключение — резкая смена типа городского ландшафта и функциональной роли территории. В качестве примера могут выступить Университетский квартал Колумбийского университета, который отличается от окружающих районов функциональным назначением, архитектурой и социальным составом, и жилой квартал Гринвич-Виллидж, который вклинивается своими жилыми многоэтажками в общественно-деловую ткань Даунтауна, или Испанский Гарлем, где кардинально меняется не только этнический состав, но и характер застройки и городской ландшафт в целом. Именно в этом районе линия подземного метро на несколько кварталов проходит снаружи (со 122-й по 135-ю стрит), автомобильная заправочная станция «Шелл» располагается прямо на Бродвее (131-я стрит), а некоторые отрезки улицы и вовсе безлюдны.

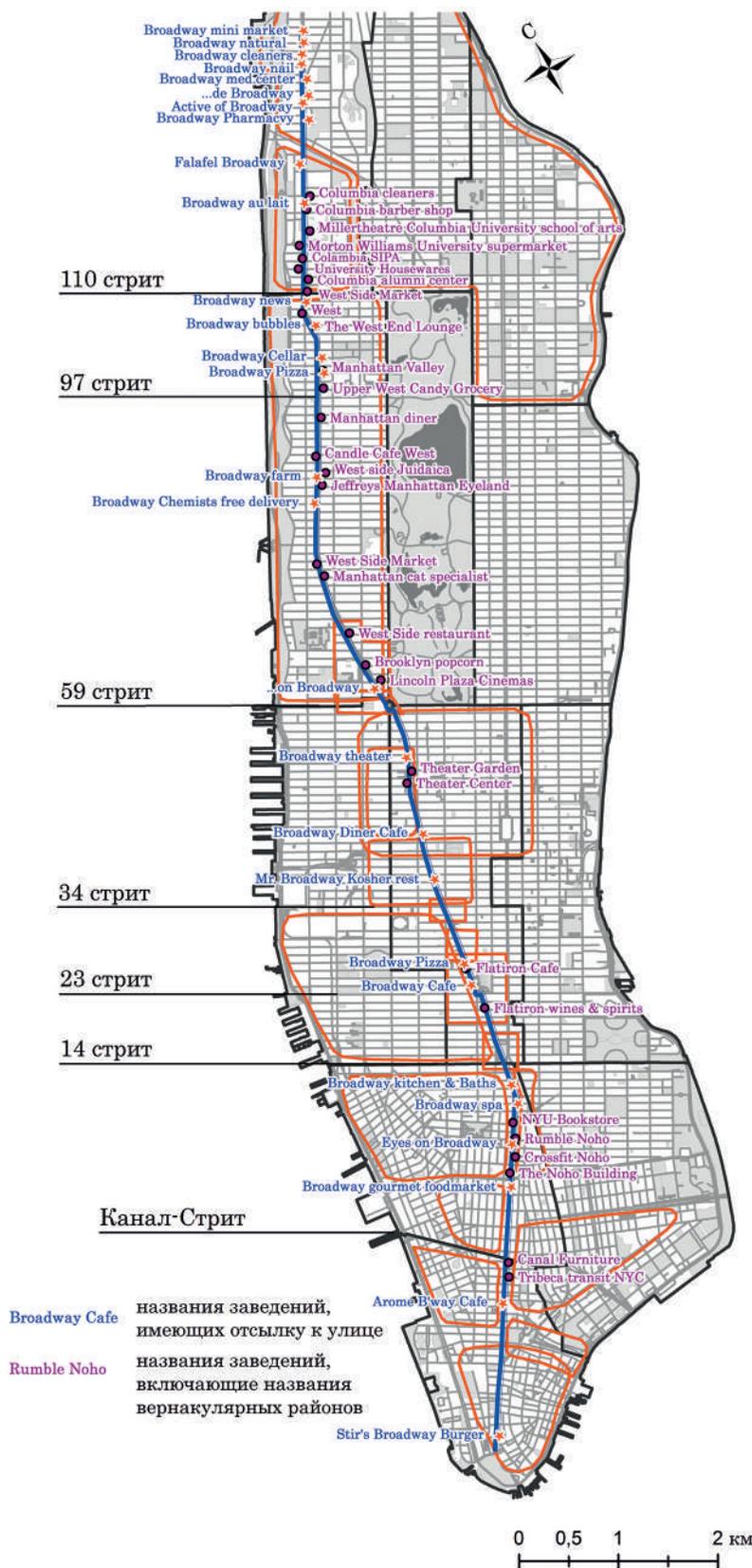
Центры районов

Бродвей, прорезая одни городские вернакулярные районы или просто соприкасаясь с другими, по-разному ведет себя в зависимости от рисунка улично-дорожной сети и символичности тех объектов, которые оказываются в зоне его влияния. Как правило, при пересечении крупной улицы или площади формируются ядра районов. Особое место занимает одновременное пересечение с авеню, за счет которого образуется сложный рисунок в морфологии квартала.

Данные картографической основы: © Участники проекта OpenStreetMap, ODbL
 Использовано программное обеспечение ArcGIS, copyright © Esri

Рис. 11. Заполняемость арендных велопарковок «СитиБайк» (англ. CityBike) и распространение хаотичной парковки личного велотранспорта, 7–8 июля 2017 г.

Данные картографической основы:
 © Участники проекта OpenStreetMap, ODbL
 Использовано программное обеспечение ArcGIS, copyright © Esri

Рис. 12. Следы внутригородской топонимики в названиях заведений на Бродвее, июль 2017 г.

К примеру, выявленный торгово-развлекательный район Юнион-Сквер — Флэтайрон расположен на каркасе уличных артерий и знаковых мест: с юга пересечение Бродвея с 14-й стрит, Юнион-Сквер и Четвертой авеню (или Бауэри), а с севера — с Пятой авеню и Мэдисон-Сквер. Протяженный район (15 кварталов), состоящий из трех ярких подрайонов — двух скверов и исторического района Лэдис-Майл, сопоставим с участком вдоль Пятой Авеню от 34-й до 59-й стрит. На всем протяжении район отмечен магазинами, которые обслуживают нужды не только местных жителей, но и горожан из других районов города. В границах района расположены два крупных кинотеатра, а также ряд небольших художественных галерей, магазинов дизайна и мебельных бутиков, магазинов косметики и центров йоги. Повсюду на территории района расположены кафе и кофейни, отличающиеся высоким качеством сервиса и продукции, рестораны французской и итальянской кухни, магазин шоколада. На Юнион-Сквер работает популярный в городе «Зеленый рынок»¹⁷ фермерских продуктов. Обе площади окаймлены магазинами, ориентированными на средний класс.

Другой выявленный район — окрестности Геральд-Сквер, напротив, почти полностью совпадает с вернакулярным районом Гармент-Дистрикт, но ядро также сформировалось при пересечении Бродвея с крупными улицами: 34-й стрит и Шестой авеню. Он имеет мало отношения к историческому Швейному кварталу и концентрирующимся в нем сегодня предприятиям и ателье индустрии моды. Сейчас это типичный высотный Мидтаун — небоскребы банков и офисных зданий сверху и торговые центры и кафе на уровне первых этажей. Смысловый центр района — Геральд-Сквер с универмагом Мэйсис — кафедральным собором нью-йоркского шопинга. Вокруг него свитой расположились массивные блоки магазинов «Виктория's Сикрет», «Гэп», «Урбан Аутфиттерс». Именно здесь располагается одна из реконструированных в рамках проекта «Зеленый свет для Мидтауна»¹⁸ частей Бродвея, где половина

проезжей части была перекрыта и преобразована в общественные пространства (уличные ярмарки и др.). На этом участке потоки пешеходов перерастают в толпу, через которую приходится проталкиваться. В общем разноцветии вывесок почти теряется выкрик корейского квартала, лишь на 32-й стрит находится несколько ресторанов, на вывесках которых присутствуют чамо¹⁹.

Из-за схожей морфологии практически аналогичные ситуации можно выделить в генезисе других районов, например, Таймс-Сквер (пересечение 42-й стрит и Седьмой авеню), окрестности Коламбус-Серкл (59-я стрит и Восьмая авеню) или Линкольн-Сквер (65-я стрит, Коламбус-Авеню).

Локальный центр района может возникнуть и при пересечении с одной крупной улицей. К примеру, Канал-Стрит выступает центром Чайнатауна как вернакулярного и этнического района, так и его проекции на Бродвее, которая сильно смещена на юг. Тротуар здесь заставлен лотками, с которых продается контрафактная продукция, а также распространена уличная продажа еды (см. рис. 7, 9), что приводит к столпотворению пешеходов. В одном квартале на восток от Леонард-Стрит громоздятся здания судов Сивик-Сентра, а квартал на запад приводит в престижный жилой район Трайбека. Но на самом Бродвее словно начинается Канал-Стрит, хотя до этой улицы еще четыре квартала. Вокруг объявления о тотальных распродажах и ликвидациих. Продаются дешевую одежду, обувь, чемоданы. Появляются магазины сувенирной продукции и сувенирных маек, также привлекающих покупателей низкими ценами, в названиях магазинов фигурирует Канал-Стрит (рис. 12). Высотность зданий не превышает пяти этажей, хотя среди них еще возвышаются отдельные высотки, которые, правда, уже нельзя назвать небоскребами. Начиная с Уайт-Стрит в вывесках появляются китайские иероглифы.

В редких случаях пересечение с крупной улицей или площадью выступало границей, что ярко иллюстрирует окружение Хаустон-Стрит. То ли в силу ширины улицы²⁰ (здесь один из немногих перекрестков, где не всегда можно успеть перейти дорогу на зеленый сигнал светофора для пешеходов), то ли из-за специфичности примыкающих районов —

¹⁷ Union Square Greenmarket (англ.) — круглогодичный фермерский рынок на Юнион-Сквер.

¹⁸ The Green Light for Midtown (англ.) — инициатива с целью сокращения пробок и увеличения пешеходного пространства в Мидтауне. См.: <http://www1.nyc.gov/nyc-resources/service/1785/green-light-for-midtown-program>.

¹⁹ Основные блоки, из которых построена корейская письменность (так называемые корейские буквы).

²⁰ Самая широкая улица Нью-Йорка.

Хаустон-Стрит не создает центра притяжения. По мнению авторов исследования, граница районов по Хаустон-Стрит исчезнет или как минимум сгладится, когда в Нохо завершится процесс превращения в престижный торговый район.

Образы Бродвея

На исследованном участке улицы можно выделить несколько образов, ипостасей Бродвея.

а) *Главная улица.* Образ характерен для Даунтауна, где в Финансовом квартале происходит воплощение Бродвея как главной улицы Нью-Йорка — делового центра мира. К Бродвею тяготеют знаковые здания и смысловое наполнение районов. Здесь больше всего туристов. Здесь устраивают массовые мероприятия (тогда как в Мидтауне парады проходят по Пятой Авеню, которая скорее подходит на роль центральной улицы этой части Манхэттена). Также в качестве главной улицы Бродвей выступает в районе Таймс-Сквер.

б) *Торговая витрина города.* От Леонард-Стрит до 68-й стрит Бродвей, за редким исключением, — вариация торговых кварталов (см. рис. 5, 6–10, 12). Элитные и ширпотребные, формирующиеся и старинные, но всегда с повышенной концентрацией магазинов и торговых площадей по сравнению с соседними улицами и остальной территорией вернакулярных районов. Не будет преувеличением сказать, что торговая составляющая доминирует в образе современного Бродвея.

в) *Развлекательный центр.* Прежде всего, это Таймс-Сквер и окрестный театральный квартал, но также Линкольн-Сквер и в определенной степени Юнион- и Мэдисон-Сквер. В этих районах зафиксировано не только максимальное количество туристов, но и в принципе пешеходов на улице.

г) *Общественный центр уличной жизни.* Во многих районах современного Бродвея именно уличная жизнь, а не окружающие здания, — ключевая составляющая образа. Как, например, круглосуточные толпы туристов на Таймс-Сквер или фермерские рынки, столики и стулья на тротуаре и мини-парки на Юнион-, Геральд- и Мэдисон-Сквер. В некоторых местах в Мидтауне крайняя полоса проезжей части переоборудована в пешеходную зону. Бродвей как улица постепенно возвращает себе статус главного променада Манхэттена.

Джентрификация районов

Однажды сформировавшись, вернакулярные районы сохраняют довольно устойчивые границы. Может смениться внутреннее содержание, но оболочка останется неизменной. Такой «феномен раковины» [Пузанов, 2013] характерен для районов Нохо и Номад. В недавнем прошлом этим историческим кварталам были присущи высокая маргинальность и депрессивность. Сейчас, на своих бродвейских отрезках, они ярко иллюстрируют тенденцию к обновлению, стремительно возрождаются в виде элитного жилья и многозвездочных отелей. В прессе «раскручиваются» новые модные жилые и деловые районы, названия которых, как правило, состоят из первых слогов сложного названия. Флагманом выступил район Трайбека (англ. *Tri-Be-Ca*), который расшифровывается как «треугольник ниже Канал-Стрит» (аббр. *Triangle Beyond the Canal*), где бывшие промышленные кварталы были преобразованы в жилые, и сейчас считается одним из самых престижных и дорогих районов города. Вслед за ним возник район Нолита (англ. *No-li-Ita*) — «к северу от Маленькой Италии» (аббр. *North of Little Italy*). Потом появился Нохо (англ. *No-Ho*) — «к северу от Хаустон-Стрит» (англ. *North of Houston street*), а теперь пришел Номад (англ. *No-Mad*) — «к северу от Мэдисон-Сквер» (аббр. *North of Madison*).

Популярность Нохо растет с каждым годом. По сравнению с богатым и знаменитым районом Сохо аренда здесь не так высока, поэтому городские риелторы взялись раскручивать бренд соседнего района. Первый же квартал к северу от Хаустон-Стрит пестрит топонимами «Нохо»: Нохо-Билдинг, продуктовый магазин «Нохо», алкогольный магазин «Нохо» (см. рис. 12). Этот квартал также отличается доминированием магазинов брендовой одежды и обуви, таких как «Адидас» или «Урбан Аутфиттерс», — он мог бы войти в квартал Сохо, тем более что фирменные чугунные фасады характерны и для района Нохо тоже. В настоящий момент можно рассматривать этот квартал в качестве переходного «района-лакуны», но это скоро изменится. Буквально через несколько лет часть района, выходящая к Бродвею, будет мало отличаться от Сохо. Здесь также будет не протолкнуться от магазинов известных во всем мире брендов одежды и обуви. Но пока отличительная черта окрестной территории — пустые лоты.

В каждом из кварталов как минимум две-три витрины пустые, с объявлениями о сдаче внаем. Снова возникают сетевые кафе и рестораны быстрого питания (см. рис. 6), некоторые даже с уличными столиками. В настоящее время это район без лица (хоть и с историко-вернакулярной составляющей).

Трансформация района Номад происходит на глазах²¹. Еще в 2013 г. во время первого полевого исследования Бродвея окружающая территория поражала авторов своей маргинальностью и степенью люмпенизации. Расположенные между оживленными торговыми Мэдисон- и Геральд-Сквер кварталы словно переносили изумленного пешехода в Нью-Йорк конца 1970-х. Подозрительного вида публика на улицах, магазины дешевой бижутерии, поддельных духов и «ролексов», пакистанские лавки, торгующие чемоданами и ремнями, ломбарды и скупка золота. Спустя четыре года в этом маргинальном остане «Бандитского Нью-Йорка» произошли серьезные преобразования. Исчезла примерно половина «люмпен-магазинов», целые кварталы теперь занимает оголенная стройка. Рядом закрытые корпуса фабрик ждут начала сноса. Исторический район Номад существовал век назад, теперь он стремительно возрождается в виде элитного жилья и многозвездочных отелей. Между 26-й и 29-й стрит по западной стороне магазины еще предлагают сомнительную бижутерию и поддельные часы, а по восточной уже работают дорогие рестораны и бутики одежды. Через несколько лет Номад, как и Нохо, войдет в число престижных адресов Манхэттена, а пока можно наблюдать в реальном времени динамику городской ткани Нью-Йорка.

Резюме

Бродвей как главная улица города оказывается единым в двух лицах. Несмотря на разные смыслы и акценты, Бродвей остается собой. С одной стороны, он формирует вокруг себя своеобразный интразональный ландшафт, собственный внутригородской район,

который ложится поверх сложившихся вернакулярных районов города. С другой стороны, проходящая через весь город улица становится отличным примером профильного районирования — выявления дифференциации неоднородности городского пространства, в том числе тех самых вернакулярных районов.

В рамках данного исследования была разработана и опробована методика профильного районирования. Использование главной улицы в качестве инструмента для оперативного полевого сбора материала о городе принесло свои плоды. Были получены актуальные данные, дистанционный сбор которых был бы практически невозможен (уличная торговля, социальный состав потока и др.).

На основе полевого материала была изучена неоднородность городского пространства отдельно взятой улицы, отобранной по ее исключительному статусу в городе («главная улица»). Проведенное профильное районирование улицы, которое само по себе уникально, позволило сделать ряд заключений:

- Выявленные районы Бродвея — районы функциональные, однако их выделение и обоснование базируется на границах внутригородских вернакулярных районов.
- Границы между районами Бродвея «мягкие», районы плавно переходят из одного в другой. Иногда переходная зона занимает несколько кварталов, тогда выделение четкой границы условно. Исключение — резкая смена типа городского ландшафта и функциональной роли территории.
- Пересечения Бродвея с крупными улицами и площадями обычно образуют ядра районов и гораздо реже становятся их границами.
- Бродвей на различных участках предстает перед пешеходом в нескольких образах: в качестве главной улицы, торговой витрины города, развлекательного центра притяжения и общественного пространства уличной жизни.
- Процесс изменений различных районов бесконечен: районы не исчезают и не возникают из ниоткуда. Содержание районов может кардинально меняться, но границы останутся неизменными.

Бродвей, несмотря на то, что проходит через многие районы и «собирает» различные аспекты и смыслы, все равно остается собой. Мимикрируя под разные вернакулярные

²¹ Хотя исследование вернакулярных районов Манхэттена проводится ежегодно в рамках летних практик кафедры СЭГЭС с 2013 г., проявление «Номад» в топонимии (название заведений, на туристических картах и сайтах) и в ответах на опросы населения было зафиксировано только в 2017 г.

районы, через которые он проходит, Бродвей остается одной из главных улиц Нью-Йорка и одним из символов города, ярко выделяясь из ткани любого внутригородского района.

Разумеется, данный метод не дает однозначных и исчерпывающих результатов, однако позволяет сделать обобщенные комплексные выводы о значительной части городского пространства. Выявление неоднородных частей на главной артерии города подтверждает наличие сформировавшихся внутригородских вернакулярных районов, присутствие в которых символически важного объекта — в данном случае главной ули-

цы города — генерируют новые ментальные (под)образования. Методика исследования не совсем универсальна и требует индивидуального подхода к подбору фиксируемых факторов в зависимости от контекста, в котором находится центральная улица (исторический, географический, культурный и др.). Тем не менее это перспективное начало для налаживания универсального метода сбора актуальных данных в разрезе улицы, так и для разработки комплексного подхода к анализу городских территорий с помощью улично-сетевого подхода.

Примечание авторов. Текст статьи содержит разные внутригородские и географические топонимы или названия зданий. Многие из них не имеют устоявшихся русифицированных аналогов. В данной статье используется комбинационный способ перевода названий — сочетание максимально точной передачи смысла названия или максимально точной передачи произношения на оригинальном языке (транслитерация). Далее приведены оригинальные названия вернакулярных районов (нейборхудов), внутригородских топонимов и других объектов, используемых в статье.

Вернакулярные районы и внутригородские топонимы Манхэттена

Даунтаун (англ. Downtown)

Бауэри-Роуд — *англ. Bowery*
Боулинг-Грин — *англ. Bowling Green Park*
Вашингтон-Сквер — *англ. Washington Square Park*
Гринвич-Виллидж — *англ. Greenwich Village*
Дуэйн-Стрит — *англ. Duane Street*
Ист-Виллидж — *англ. East Village*
Каньон героев — *англ. Canyon of Heroes*
Леонард-Стрит — *англ. Leonard Street*
Нохо — *англ. NoHo, аббр. North of Houston Street*
Парк-Плейс — *англ. Park Place*
Рид-Стрит — *англ. Reade Street*
Сивик-Сентр — *англ. Civic Center*
Сохо — *англ. SoHo, аббр. South of Houston Street*
Федерал-Плаза — *англ. Federal Plaza*
Финансовый квартал — *англ. Financial District*
Уолл-Стрит — *англ. Wall Street*
Хаустон-Стрит — *англ. Houston Street*
Чайнатаун — *англ. China Town*
Юнион-Сквер — *англ. Union Square Park*

Мидтаун (англ. Midtown)

Гармент-Дистрикт — *англ. Garment District*
Геральд-Сквер — *англ. Herald Square*
Лэдис-Майл — *англ. Ladie's Mile*
Мэдисон-Сквер — *англ. Madison Square Park*
Номад — *англ. NoMad, аббр. North of Madison Square Park*
Таймс-Сквер — *англ. Times Square*
Театральный квартал — *англ. Theatre District*
Трайбека — *англ. TriBeCa, аббр. om Triangle Below Canal Street*

Уайт-Стрит — *англ. White Street*

Флэтайрон — *англ. Flatiron District*

Аптаун (англ. Uptown)

Блумингдейл-Роуд — *англ. Bloomingdale Road*
Вестерн-Бульвар — *англ. Western Boulevard*
Верхний Вест-Сайд — *англ. Upper West Side*
Гарлем — *англ. Harlem om Харлем — нидерл. Haarlem*
Гарлемские высоты — *англ. Harlem Heights*
Гранд-Серкл — *англ. Grand Circle*
Коламбус-Серкл — *англ. Columbus Circle*
Манхэттен-Вэлли — *англ. Manhattan Valley*
Центральный парк — *англ. Central Park*

Географические объекты и внутригородские топонимы

Бронкс — *англ. Bronx*
Бруклин — *англ. Brooklyn*
Куинс — *англ. Queens*
Манхэттен — *англ. Manhattan*
Слипи-Холлоу — *англ. Sleepy Hollow*
Статен-Айленд — *англ. Staten Island*
Олбани — *англ. Albany*

проспект Штефана чел Маре — *молд. Bulevardul Ștefan cel Mare și Sfânt*

улица Крещатик — *укр. вулиця Хрещатик*

улица Сайилгох — *узб. Sayilgoh ko'chasi*

Прочие объекты

Фридом-Тауэр — *англ. Freedom Tower*. Другие названия: «Всемирный торговый центр 1», «Центр международной торговли 1» или «Башня Свободы»
Фултон-Сентер — *англ. Fulton Center*

Источники

- Гончаров Р.В., Никогосян К.С. (2017) Выявление центров активности в городе: сопоставление объективных и когнитивных данных: материалы XVII Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. Кн. 1. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ. С. 334–342.
- Гончаров Р.В., Сапанов П.М., Яшунский А.Д. (2015) Метод «фото-GPS» для сбора полевых данных при исследовании городского пространства // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Смоленск: Ойкумена. С. 217–229.
- Джейкобс А. (2014) Великие улицы. М.: Искусство-XXI век.
- Максаковский В.П. (2008) Географическая картина мира. Кн. 1. Общая характеристика мира. М.: Дрофа.
- Павлюк С.Г. (2017) Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества // Городские исследования и практики. 2017. № 2.
- Павлюк С.Г. (2015) Методика дифференциации городского пространства (на примерах городов России, Западной Европы и США) // Региональные исследования. № 2. С. 26–36.
- Павлюк С.Г. (2009) Ключевые вопросы изучения вернакулярных районов // Вопросы социально-экономической географии зарубежных стран. Вып. 18. М.; Смоленск: Ойкумена. С. 46–56.
- Пузанов К.А. (2017) Летние студенческие практики: опыт городских исследований // Городские исследования и практики. № 2.
- Пузанов К.А. (2013) Внутригородская самоорганизация общества на примере США, России и стран Европейского союза: автореф. дисс. канд. ... геогр. наук. М.: МГУ.
- Смирнягин Л.В. (2012) Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности // Проблемы географической реальности. М.: Эслан. С. 191–201.
- Смирнягин Л.В. (2005) Узловые вопросы районирования // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 1.
- Смирнягин Л.В. (1989) Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989.
- Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник (2013) / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена.

SEMEN PAVLYUK, KARINE NIKOGOSYAN

BROADWAY IN DETAILS:

LINEAR ZONING AS A METHOD OF FIELD WORK

Semen Pavlyuk, PhD in Geography, Research Fellow, Department of Social-Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Karine Nikogosyan, Research Fellow, Vysokovsky Graduate School of Urbanism NRU HSE; PhD student Lomonosov Moscow State University; off. 417, 13 bldg. 4, Myasnitckaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation.

Abstract

Broadway is the most famous street of New York City. It follows the island of Manhattan along its whole length and through many of its vernacular regions. Field research of functional, social-economic, architectural and mental differentiation of the street from Bowling Green to 142 Street in Spanish Harlem shaped the methods of linear zoning and revealed 16 unique regions in the researched segment. These regions turned out to be functional, but their borders and composition are based on the vernacular regions of Manhattan. It appears that Broadway, as a major trade and social thruway, forms the surrounding urban landscape. But the role of vernacular regions, through which street passes, remains important and sometimes even crucial.

Key words: field research; Broadway; linear zoning; Manhattan neighborhoods; vernacular regions; GIS

References

- Goncharov R.V., Nikogosyan K.S. (2017) Vyyavlenie tsentrov aktivnosti v gorode: sopostavlenie objektivnyh i kognitivnyh dannyh [Urban cores identification: computational vs cognitive approach]. *XVII Aprelskaya mezhdunarodnaya naychnaya konferentsiya po proplemem razvitiay ekonomiki i obshchestva: v 4 kn.* [XVII April international academic conference on economic and social development] / E.G. Yasin (ed.), vol. 1. M.: HSE Publishing House, pp. 334–342. (In Russian.)
- Goncharov R.V. Sapanov P.M., Yashunsky A.D. (2015) Metod “photo-GPS” dlya sbora polevyh dannyh pri issledovanii gorodskogo prostranstva [The “photo-GPS” method for collecting field data in the research of urban space]. *Voprosy ekonomicheskoy i politicheskoy geographii zarubezhnykh stran* [Issues of economic and political geography of foreign country]. Smolensk: Oykumena, pp. 217–229. (In Russian.)
- Jacobs A. (2014) *Velikie Ulicy* [Great Streets]. M.: Iskusstvo-XXI vek.
- Maksakovskiy V.P. (2008) Geographicheskaya kartina mira [Geographical scene of the world], vol. 1. *Obshchaya harakteristika mira* [General characteristics of the world]. Moscow: Drofa. (In Russian.)
- Pavlyuk S.G. (2017) Gorodskaya localnaya toponimia kak indikator prostranstvennoy samoorganizatsii obshestva [Urban local toponymy as an indicator of the spatial self-organization of society]. *Urban Studies and Practices*, no 2. (In Russian.)
- Pavlyuk S.G. (2015) Metodika differentsiatsii gorodskogo prostranstva (na primerah gorodov Rossii, Zapadnoy Evropy i SSHA) [Methodology of differentiation of urban space (a case study of cities of Russia, Western Europe and USA)]. *Regionalny issledovaniya* [Regional studies], iss. 2, pp. 26–36. (In Russian.)
- Pavlyuk S.G. (2009) Kluchevye vorposy izucheniya vernakularnykh rayonov [Key issues in the study of vernacular regions]. *Voprosy socialno-ekonomicheskoy geografi zarubezhnih stran* [Issues of economic and political geography of foreign country], vol. 18. Moscow; Smolensk: Oykumena, pp. 46–56. (In Russian.)
- Puzanov K.A. (2017) Letnie studencheskie praktiki: opyt gorodskih issledovaniy [Summer student practices: experience of urban studies]. *Urban Studies and Practices*, no 2. (In Russian.)

- Puzanov K.A. (2013) *Vnutrigorodskaya samoorganizaciya obshchestva na primere SSHA, Rossii i stran Evropejskogo Soyuzha* [Intra-urban self-organization of society on the example of the USA, Russia and the countries of the European Union]: avtoref. diss. kand.... geogr. nauk [Abstract of PhD-work]. Moscow: Moscow State University. (In Russian.)
- Smirnyagin L.V. (2012) Bezgranichnoe rayonirovanie i plavayushchie priznaki kak sredstvo poznaniya geograficheskoy realnosti [Non-boundary zoning and floating features as a way of understanding geographic reality]. *Problemy geograficheskoy realnosti* [Problems of geographical reality]. Moscow: Eslan, pp. 191–201. (In Russian.)
- Smirnyagin L.V. (2005) Uzlovye voprosy rayonirovaniya [Nodal issues of region studies]. *Izvestia Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series Geography], iss. 1. (In Russian.)
- Smirnyagin L.V. (1989) *Rayoni SSHA: portret sovremennou Ameriki* [Regions of the USA: a portrait of modern America]. Moscow: Mysl. (In Russian.)
- Social'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy (2013) [Human Geography: Concepts and Terms]: Encyclopedic Dictionary / A.P. Gorkin (ed.) Smolensk: Oykumena [Oecumene]. (In Russian.)

И.И. МИТИН

МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ ГОРОДА:**ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ И РАЗНООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ¹**

Urban Studies and Practices Vol.2 #3, 2017, 64-79

<https://doi.org/10.17323/usp23201764-79>

Митин Иван Игоревич, кандидат географических наук, доцент Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ; Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4.

E-mail: gumgeo@gmail.com

Статья посвящена истории возникновения и становления ментальных карт городов. Предложен сравнительно-исторический анализ ментальных карт, позволивший выявить два полярных подхода к ним: 1) пространственная информация в сознании людей, отражающая образ города и/или способы ориентации в нем, и 2) визуальное геоизображение, отражающее индивидуальные и/или групповые представления о городе. В первом случае дополнительно рассмотрены далекие от пространственных данных интеллект-карты и разработанные в гуманитарной географии образно-географические карты. Во втором случае указано на разделение «нарисованных карт», создаваемых информантами по заданию исследователя, и приближенных к традиционным географическим картам геоизображений, тематически отражающих представления о пространстве. В качестве перспективных типов ментальных карт указаны сочетающие в себе черты обоих больших классов. Среди них — карты К. Линча, обобщающие ряд индивидуальных представлений о городах, полученных по результатам разнообразных методик исследований, а также разработанные в гуманитарной географии образно-топографические и мифогеографические карты, позволяющие локализовать на условной карте города его ключевые образы и мифы.

Ключевые слова: ментальные карты; восприятие пространства; репрезентация пространства; культурная география; гуманитарная география; образ города; история урбанистики

Введение

Ментальные карты в самом общем виде могут быть определены как «психологическая или внутренняя репрезентация места или мест» [Jacobson, 2006, p. 299] или «когнитивная репрезентация информации об окружающем мире, которую человек приобретает из различных (прямых или косвенных) источников» [Klippel, 2010].

Речь, таким образом, идет о том или ином *способе фиксации наших представлений* (образов) *о географическом пространстве города*. При этом одним и тем же термином могут обозначаться «и образ окружающей среды в уме индивида, и карта как объект иконического отображения на плоскости познавательных или эмоциональных представлений людей об окружающем мире» [Серпинас, 2007, с. 8].

В настоящей статье мы поставили целью рассмотреть *историю* ментального картографирования города и самого термина «ментальные карты», чтобы попытаться разобраться в накопившемся *многообразии трактовок* этого понятия. Четкое выявление полярных подходов и возможностей компромиссов между ними, исторических корней и факторов развития каждого из них мы используем для того, чтобы оценить перспективность развивающихся направлений и определить среди них наиболее подходящие для *комплексных городских исследований*, основывающихся, прежде всего, на разработках *культурной и гуманитарной географии* [Митин, 2012].

¹ Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект № 21/2017-И «Создание атласа ментальных карт регионов России»).

Возникновение термина

Традиционно принято считать [Klippel, 2010; Серапинас, 2007], что термин «ментальная карта» был введен Эдвардом Толменом в 1948 г., хотя это верно лишь отчасти.

В самом деле, в статье Э. Толмена [Tolman, 1948; Толмен, 1980] речь идет о *когнитивных картах* (*cognitive maps*) как о способах ориентации крыс в сконструированных в ходе экспериментов пространствах и о возможных приложениях полученных результатов для изучения поведения человека. Термин «когнитивная карта» часто называют «зонтичным» по отношению к другим схожим, включая и ментальные карты [Jacobson, 2006, p. 300] — хотя в целом нам представляется, что ментальному картографированию все еще не хватает однозначно определенного понятийно-концептуального аппарата, особенно в русскоязычном академическом дискурсе.

Кроме того, как справедливо замечает М.В. Грибок, «встречаются и более ранние упоминания этого термина в научной литературе» [Грибок, 2009, с. 23]. Упомянутая далее статья Чарльза Тробриджа [Trowbridge, 1913] посвящена способам ориентации людей в (незнакомых) пространствах, «чувству места» и «чувству направления», и в ней вводится термин “*imaginary map*”, то есть «воображаемая карта» или, как более точно предлагает К.П. Глазков, «воображаемая карта» [Глазков, 2015, с. 108].

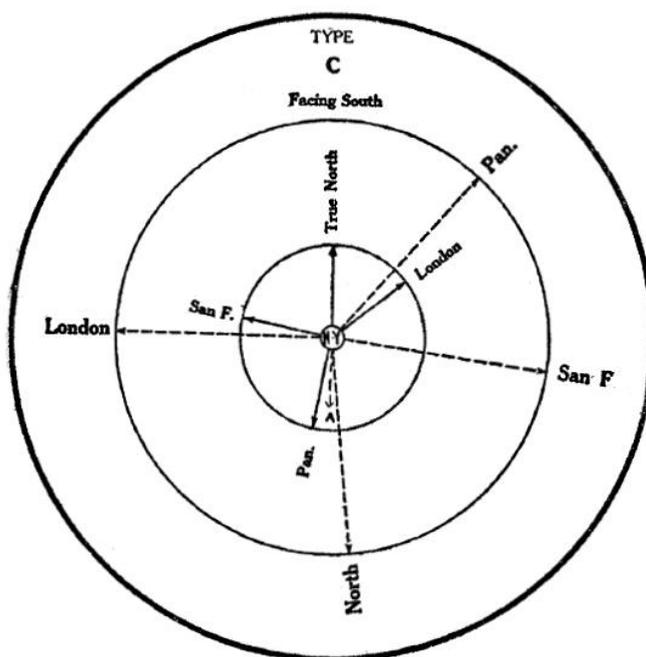

Рис. 1. Пример ментальной карты Ч. Тробриджа

Источник: [Trowbridge, 1913, p. 893].

Важным катализатором интереса к теме стала классическая книга Кевина Линча «Образ города» [Линч, 1982], вышедшая в 1960 г. и впервые поставившая вопрос о закономерностях восприятия городской среды и соотношении представлений и реальности наблюдаемых объектов. К специфике подхода К. Линча мы еще вернемся ниже.

Между тем *расцвет* исследований в области ментального картографирования приходится на 1960-е годы и связан с *бихевиористской революцией* в географии. Географы пытались объяснить те или иные пространственные явления, опираясь на изучение процесса принятия человеком тех или иных решений и — шире — исследования человеческого поведения в пространстве, ориентации на местности. В центре внимания бихевиористской географии оказалось «восприятие пространства как связующее звено между деятельностью человека и окружающей его средой. Ментальные карты рассматривались как инструмент или как ключ, «раскрывающий» связи между пониманием человеком своей окружающей среды и его пространственного выбора и, соответственно, поведения» [Jacobson, 2006, p. 299].

Такие разные карты

Уже по итогам первого десятилетия форсированного развития ментального картографирования [Image..., 1973; Gould, White, 1974; Saarinen, 1973], как справедливо замечает И-Фу Туан [Tuan, 1975, p. 205–206, footnote], способы конкретного выражения пространственных образов, соотносимых с термином «ментальная карта», серьезно различались.

При этом географы — в отличие от психологов — даже полярным пониманиям ментальных карт находили максимально приближенные к *картографическим* способы визуализации. Так, Туан выделяет как два разнонаправленных понимания ментальных карт следующие: «1) картографические репрезентации того, как люди различаются в оценке мест, и 2) рисованные людьми карты с очертаниями городских улиц или континентов» [Ibid., p. 206, footnote].

Стремясь «примирить» два указанных полярных подхода, И-Фу Туан постулирует важный тезис о том, что ментальные карты в любом случае остаются одной из разновидностей (географического) образа [Ibid., p. 209]. При этом для осуществления *прямой* связи от выстраивания представлений об окружающем пространстве в голове до принятия решений и поведения в этом пространстве, по Туану, собственно ментальные карты *и не требуются*. «Ментальные карты — это не репрезентации, которые люди используют в голове, отправляясь по своим делам; их не используют, когда вы потерялись» [Ibid., p. 210]. Этот тезис, впрочем, частично оспаривается более поздними исследованиями [Golledge et al., 2000]. Туан же далее поясняет *специальные* функции ментальных карт пятью примерами, три из которых представляют собой фактически инструменты нашего сознания, служащие для моделирования ситуаций и поведения, ориентации третьего лица на местности и, наконец, простого запоминания событий или ситуаций.

Два других применения ментальных карт представляют особый интерес. Речь идет о конструировании собственных воображаемых миров [Tuan, 1975, p. 211–212] и о способе хранения и структурирования информации, имеющей географическую (пространственную) «привязку», в том числе с примерами из художественной литературы [Ibid., p. 210–211].

В последнем случае ментальная карта города — как и традиционная (см. [Graham, 1982]) — выступает одним из способов отображения реальности наблюдаемых объектов и/или характеристик этих объектов. Этот тезис развивает Роджер Даунс, показывая, что всякая карта может выступать как *аналог* реального мира, его отображение, и как *заменитель* реального мира, его модель и *метафора* [Downs, 1981, p. 289–290].

Отметим, что Даунс в данном случае, помимо всего прочего, «выводит за скобки» дихотомию *эссенциалистского* и *конструкционистского* подходов к ментальным картам (см. [Веселкова, 2010, с. 15–16]). В первом случае речь идет о том, что С. Милграм в одной из классических работ [Милграм, 2000] «подчеркивал, что изучает не географическую реальность, а ее отражение в умах горожан» [Веселкова, 2010, с. 15]. Во втором — что «образ не столько выявляется, сколько конструируется, <...> выступает не бледным искаженным оттиском реальности, а самой реальностью» [Там же, с. 16]. Преодоление дихотомии связано с «длинным» *культурным поворотом* в англо-американской географии (см. [Lees, 2002; Митин, 2011]). На ранних его этапах было введено понятие места как «сгустка» наделенного социальными символическими значениями пространства, то есть в центре внимания оказалась реальность, конструируемая «в голове». На поздних же этапах — уже «на подступах» к критической парадигме — речь шла уже не просто о конструировании воспринимаемых и воображаемых пространств, а о соединении реального и воображаемого пространств и проживании как конструировании [Soja, 1996].

Это позволило нам в настоящей статье сконцентрироваться не только на оппозиции ментального и визуального, но и обратить дополнительное внимание на дискуссию о том, считать ли ментальные карты, по крайней мере, *подобными традиционным картам* [Kitchin, 1994]. Эта дискуссия «вырастает» из вопроса о статусе традиционных карт, которые к концу 1970-х годов рассматриваются как «символические репрезентации реального мира» [Graham, 1982, p. 257] и споров о «картоподобности» ориентационных схем в сознании [Graham, 1982; Downs, 1981; Kitchin, 1994]. Логичным следствием этой широкой дискуссии становится вопрос о правомерности употребления самого термина «карта» (“map”) применительно к тому, что уже стало общепринятым называть «ментальными картами» [Jacobson, 2006]. Так, Роберт Китчин называет несколько десятков терминов, заменяющих «не слишком картографические» по своему содержанию ментальные карты [Kitchin, 1994, p. 5].

Исходя из этого, далее мы ограничиваем себя теми подходами к ментальному картографированию, которые получают именно такое терминологическое обозначение, то есть не рассматриваем целый ряд публикаций, связанных с ориентационными схемами «в голове». В то же время мы обогащаем обозначенную дихотомию карт, существующих исключительно в сознании и получающих визуализацию «на бумаге», еще одним фактором, связанным с наличием или отсутствием у них *картографической основы и строгой территориальной привязки*.

Карты «в голове»?

Фундаментальный обзор представлений о ментальных картах, сводящихся к «внутреннему отражению или реконструкции пространства в сознании» [Image..., 1973, p. 248], представлен в статье Роберта Китчина [Kitchin, 1994].

Впоследствии в развитие традиции ментальных карт как структурированных систем компактного «хранения» наших знаний о том или ином объекте — теперь уже не обязательно географическом — возник еще один термин, который, по всей видимости, входит в «зонтичное» понятие ментальных/когнитивных карт. Речь идет об интеллект-картах (*mindmaps*), активно популяризирующихся Тони Бьюзенем и получивших развитие уже за пределами географии и психологии среды (см., например, [Бьюзен, Бьюзен, 2003]).

Они представляют собой фактически диаграммы из понятий, связей и ассоциаций, то есть абсолютно лишены подобности традиционным картам. Это один из *экстремальных* видов ментальных карт, содержательный охват которых максимален, однако «картографичность» — минимальна. В то же время целый «букет» ментальных карт (именно под таким названием!) в педагогике и менеджменте основывается на интеллект-картах (см., например, [Беляева, 2016; Озерова, 2015; Мамичева, 2016; Сапегин и др., 2017; Андрюхина, 2016]).

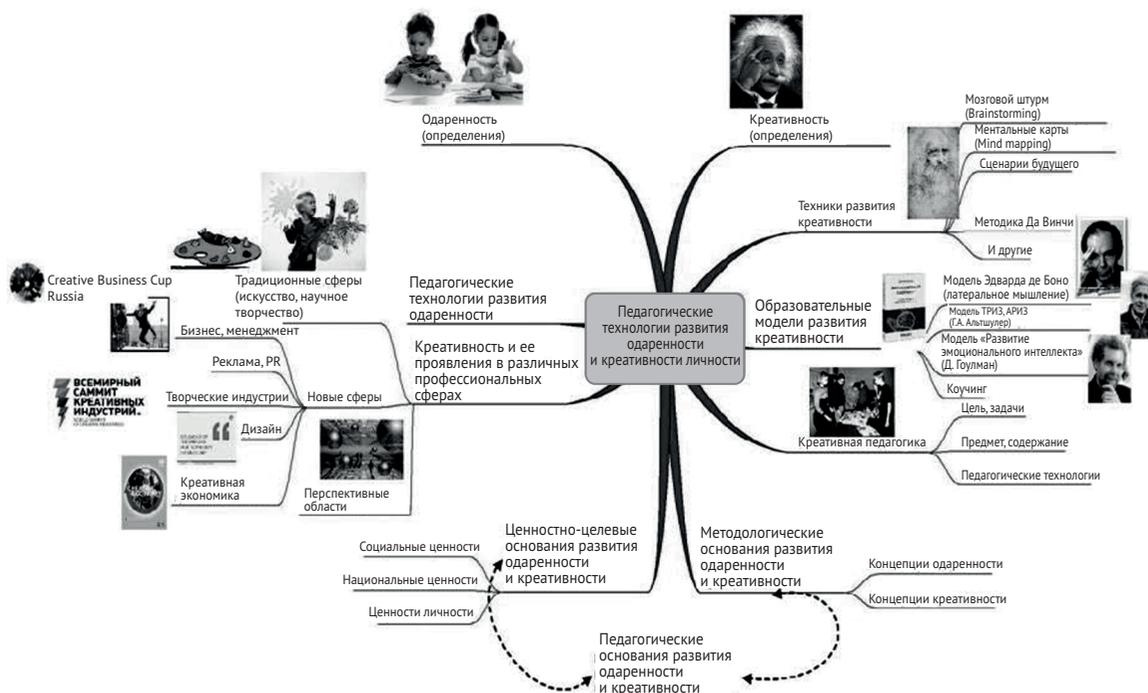

Рис. 2. Пример ментальной «интеллект-карты» в педагогике

Источник: [Андрюхина, 2016, с. 85].

Целесообразность использования термина «карта» для подобных продуктов кажется нам сомнительной. В то же время далекий от традиционной картографии «диаграммный» подход к ментальным картам вполне позволяет структурировать и *пространственно локализованную* информацию. Именно так устроены разработанные в рамках российской гуманитарной географии *образно-географические карты*.

Они предложены Д.Н. Замятиным в качестве нового, отличающегося и от традиционного, и от ментального картографирования способа изображения представлений о городе — прежде всего, его географических образов [Замятин, 2006; 2007, с. 122–125]. По Д.Н. Замятину, образно-географическая карта — это «графическая модель географических образов» [Замятин, 2007, с. 322], в которой «частично сохраняется географическая ориентация традиционных (современных) карт и используются в качестве способов изображения и репрезентации способы изображения из математической (топологической) теории графов и так называемой диаграммы Венна» [Замятин, 2006, с. 125].

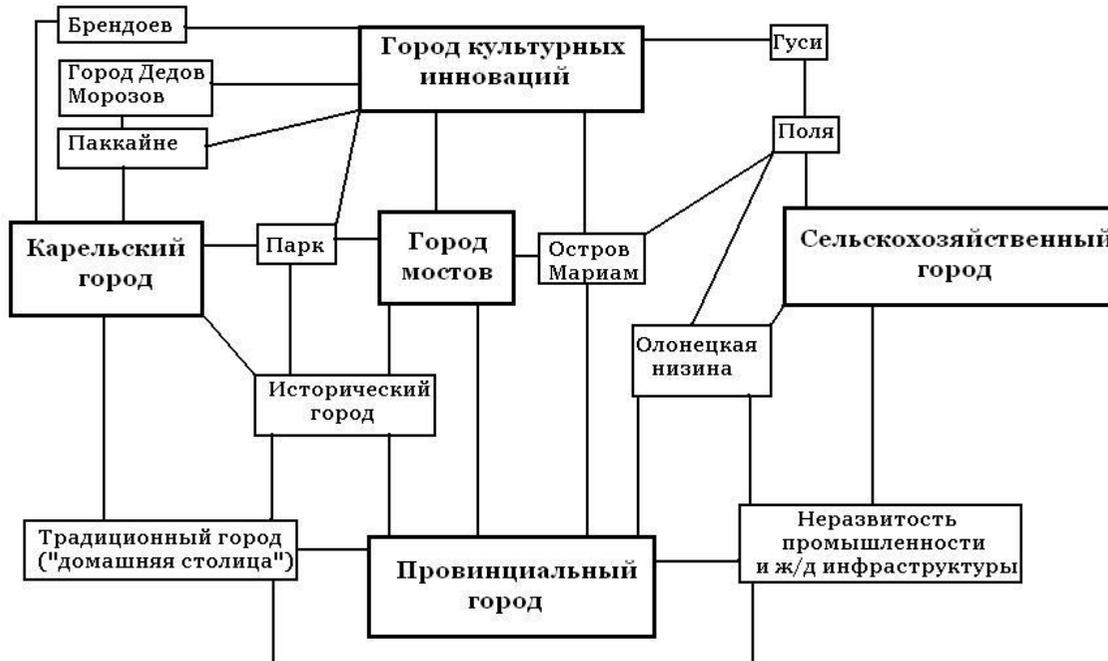

Рис. 3. Пример образно-географической карты Олонца

Источник: [Митин, 2007, с. 138].

Образно-географические карты, таким образом, отличаются от рассматриваемых ниже видов ментальных карт в географии отражением «преимущественно содержательных аспектов представлений» [Замятина, 2008, с. 252] и служат, прежде всего, для «краткого, но емкого представления места» [Митин, 2005, с. 268]. Они могут рассматриваться как «графический способ презентации результатов полевого культурно-географического исследования, наглядно представляющий главные и второстепенные» признаки рассматриваемой территории и связи между ними [Митин, 2007, с. 115].

«Нарисованные» карты

Обозначив, таким образом, подход к ментальным картам как абстрактному средству ориентации и репрезентации представлений о пространстве в сознании индивидов, перейдем ко второй трактовке термина, связанной с изображением представлений на бумаге. Как мы показали выше, подобное понимание ментальных карт предполагалось с самого начала и предлагалось одновременно с первым [Туан, 1975]. Так, уже в классической книге Роджера Даунса и Дэвида Сти [Downs, Stea, 1977] предложено, в числе прочих, и такое понимание ментальных карт: «... созданное человеком изображение части окружающего пространства», которая «отражает мир так, как его себе представляет человек, и может не быть верной» (цит. по: [Шенк, 2001, с. 4]).

Ставшие классическими работы К. Линча [Линч, 1982], Дж. Голда [Голд, 1990], С. Милграма [Милграм, 2000] основываются на *рисованных картах, создаваемых информантами по заданию исследователя*. Ряд современных авторов [Веселкова, 2010; Глазков, 2013] считают именно эту

трактовку ментальных карт основной, предполагающейся «по умолчанию» в отличие от первой трактовки, хотя распространены и противоположные мнения [Graham, 1982].

Дуглас Покок «выводит» этот тип ментальных карт из первого, исходя из тезиса о том, что *имеющиеся в сознании людей ментальные карты могут быть получены прямо или косвенно*. Под косвенным здесь понимаются обобщенные ментальные карты типа схем «в голове», изображенных исследователями тем или иным способом (см. выше), а под прямым — нарисованные самим информантом карты [Роскок, 1976, р. 493–495].

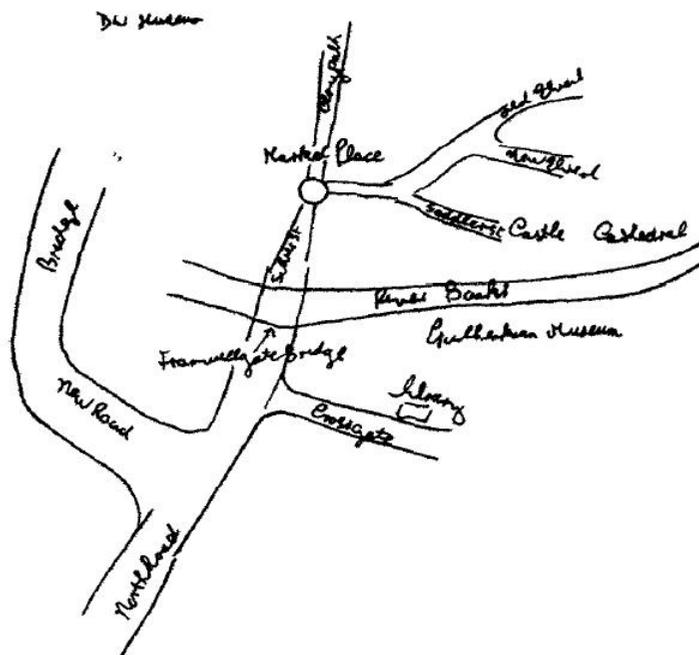

Рис. 4. Пример рисованной ментальной карты Дарема (Великобритания)

Источник: [Роскок, 1976, р. 398].

В научном дискурсе подобные “*sketch maps*” [Graham, 1982] подвергаются всестороннему анализу в зависимости, прежде всего, от категорий и особенностей информантов. Так, Ф.Н. Шемякин различал два стиля подобных карт в зависимости от возраста и опыта детей [Шемякин, 1959]. Дональдом Эппльярдом была предложена типология рисованных карт [Appleyard, 1970], впоследствии модифицированная Дугласом Пококом [Роскок, 1976], Деброй Мюррей и Кристофером Спенсером [Murray, Spencer, 1979]. В ее основе — последовательный или пространственный способы отображения действительности, а также внимание к «узлам», «ветвям» и «сетям», которые создают авторы ментальных карт.

Несмотря на все многообразие способов создания рисованных карт, ведущая роль в исследовательской работе с ними непременно принадлежит интерпретации полученных изображений (см. [Глазков, 2013, с. 42–44; Веселкова, 2010, с. 21–22; Вандышев, Веселкова, Прямикова, 2013]). Это связано с еще одной важной дихотомией в понимании значения ментальных карт: переходом от *индивидуальных* видений пространства к *коллективным*. Ценность «нарисованных» карт действительно состоит не столько в выявлении особенностей пространственного восприятия конкретного индивида (хотя это и послужило основой типологии Д. Эппльярда), сколько в попытке обобщения коллективных представлений о конкретной территории. «Карта как источник, который конструируется по инициативе исследователя, становится *контрапунктом*, где «встречаются» образ города и жизненные смыслы человека. На когнитивной карте проступают неявные взаимосвязи, и за счет этого расширяется наше понимание социальных процессов в городе», — замечает Татьяна Тимофеева в заключении статьи, посвященной интерпретации серии ментальных карт города Кяхта [Тимофеева, 2013, с. 63], в основном отталкивающейся от методики Милграма [Милграм, 2000]. Интересно, что неизбежный акцент не на собственно картографическом произведении, а на его использовании для собственных исследовательских целей

ческое содержание связано с *отображением представлений*. В качестве таковых может выступать, например, знакомство респондентов с теми или иными географическими объектами [Коваленко, 2000] или представленность тех или иных объектов в СМИ — как в собственной серии М.В. Грибок, сделанной способами картограмм, картодиаграмм и качественного фона и с использованием анаморфоз [Грибок, 2009, с. 90–124].

В силу указанных особенностей проявления в конкретных примерах разделение ментальных карт, предложенное Б.Б. Серапиным, представляется нам нецелесообразным. В отношении ментальных карт со строгой математической геоосновой — при всей их информативности и несомненных преимуществах — неизбежно возникает вопрос о целесообразности выделения фактически *одного из видов традиционных географических карт* по тематическому содержанию в специальный раздел «ментальных карт». Предложение ряда исследователей считать этот подвид ментальных карт *социальными картами* [Веселкова, 2010, с. 9] только подтверждает эти сомнения.

Тем не менее поиски *компромиссов и путей соприкосновения двух полярных подходов* к ментальному картографированию представляются нам необходимыми и перспективными.

В самом деле, даже в самых ранних работах (см. [Лавренова, 1998, с. 23]), связанных с обеими трактовками ментальных карт [Robinson, Hefner, 1968; Image..., 1973], делаются попытки интерпретации рисованных карт городов, созданных информантами, и визуализации переданных словами пространственных ориентационных схем.

Особенно показательна в этой связи классическая методика К. Линча. Он обнаружил, что «независимое полевое исследование довольно точно предсказало групповой образ, выявленный в ходе интервью» [Линч, 1982, с. 26]. На ментальные карты Кевин Линч наносил самостоятельно *обобщенный образ* исследуемых частей трех городов, составленный на основе рисованных карт жителей, данных интервью и собственного полевого исследования. Именно эта *интерпретация* исходных данных и позволила К. Линчу перейти к ставшим классическими выводам о ключевых элементах городской среды [Там же, с. 50–86].

Несмотря на значительное количество критических замечаний к методологическим основаниям «Образа города» (см., например, [Zmudzinska-Novak, 2003]), с методической точки зрения К. Линч «примирил» два полярных подхода к ментальным картам: он продемонстрировал методический «шаг» *от рисованных/визуализированных карт к пониманию образов «в голове»*.

Своеобразным «шагом» *навстречу* стали попытки в рамках российской гуманитарной географии «привязать» к *условной географической основе выявленные компоненты образа города*, положенные на образно-географическую карту (см. выше). Речь идет о таких их модификациях, как *образно-средовые (образно-топографические) и мифогеографические карты* [Митин, 2005; 2007, с. 116–117, 138–139].

Они призваны уделить особое внимание «*связям между реальностью наблюдаемых объектов и реальностями представлений*» [Митин, 2005, с. 268], выражаемых предложенными Д.Н. Замятинным образно-географическими картами (см. выше). Образно-средовые (образно-топографические) карты объединяют системы признаков, характеризующих комплексно образ города, с их «привязкой» к местности. Мифогеографические карты сочетают в себе основные пространственные мифы города и его *знаковые места* — «конкретные визуально наблюдаемые элементы городского ландшафта, способные служить самостоятельными признаками места,

Рис. 6. Рисунок В. Чепиги «Ангарчанин»

Источник: [Тимофеева, 2002а, с. 120].

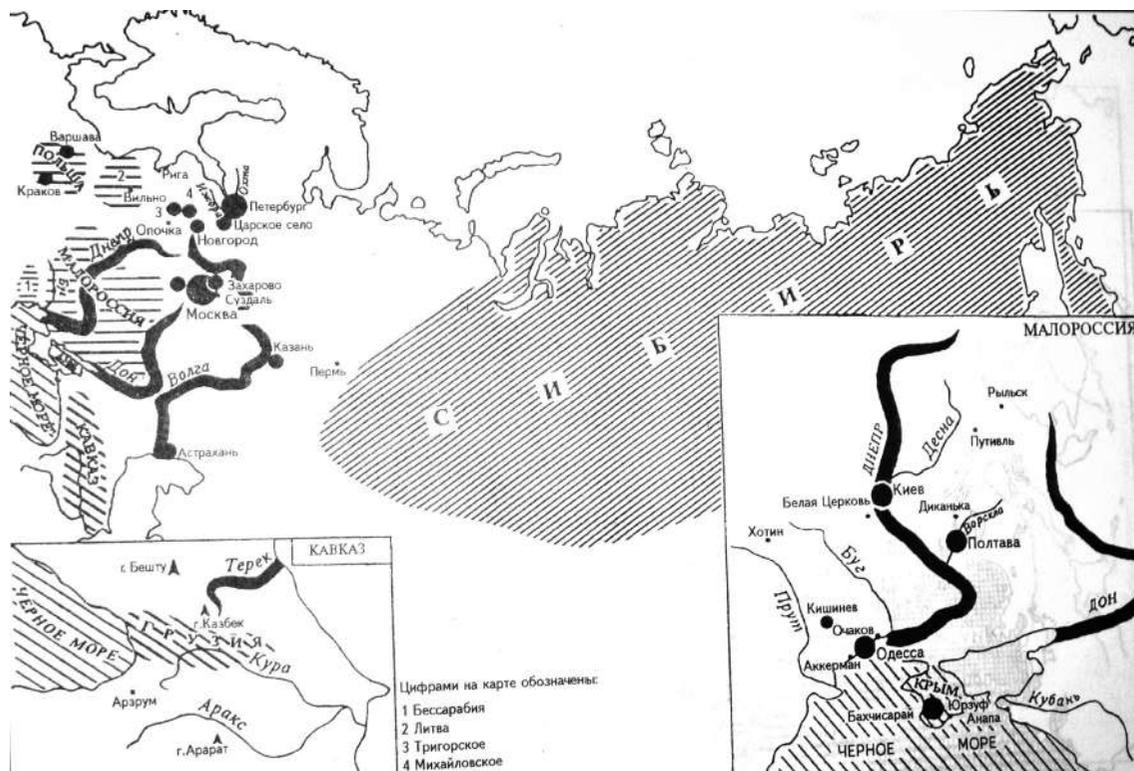

Рис. 7. Пример ментальной карты представлений о характеристиках территории – «Географическое пространство в поэзии А.С. Пушкина»

Источник: [Лавренова, 1998, с. 110].

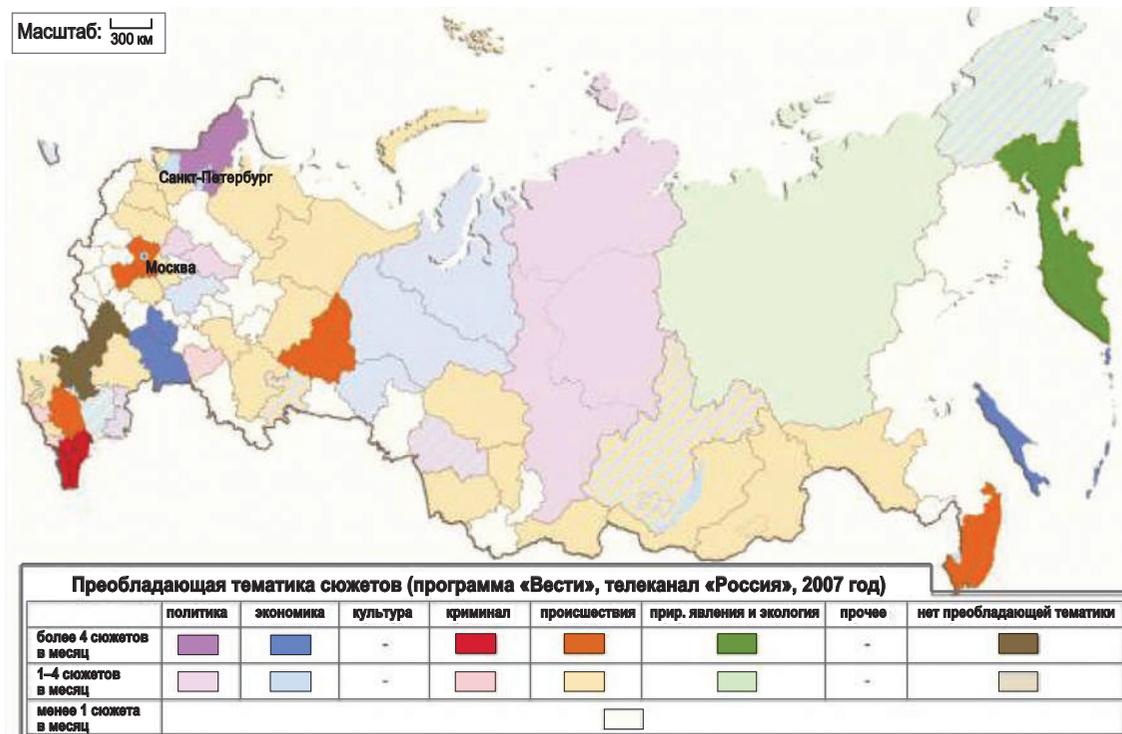

Рис. 8. Пример ментальной карты представлений о характеристиках территорий со строгой математической геосновой

Источник: [Грибок, 2009, с. 96].

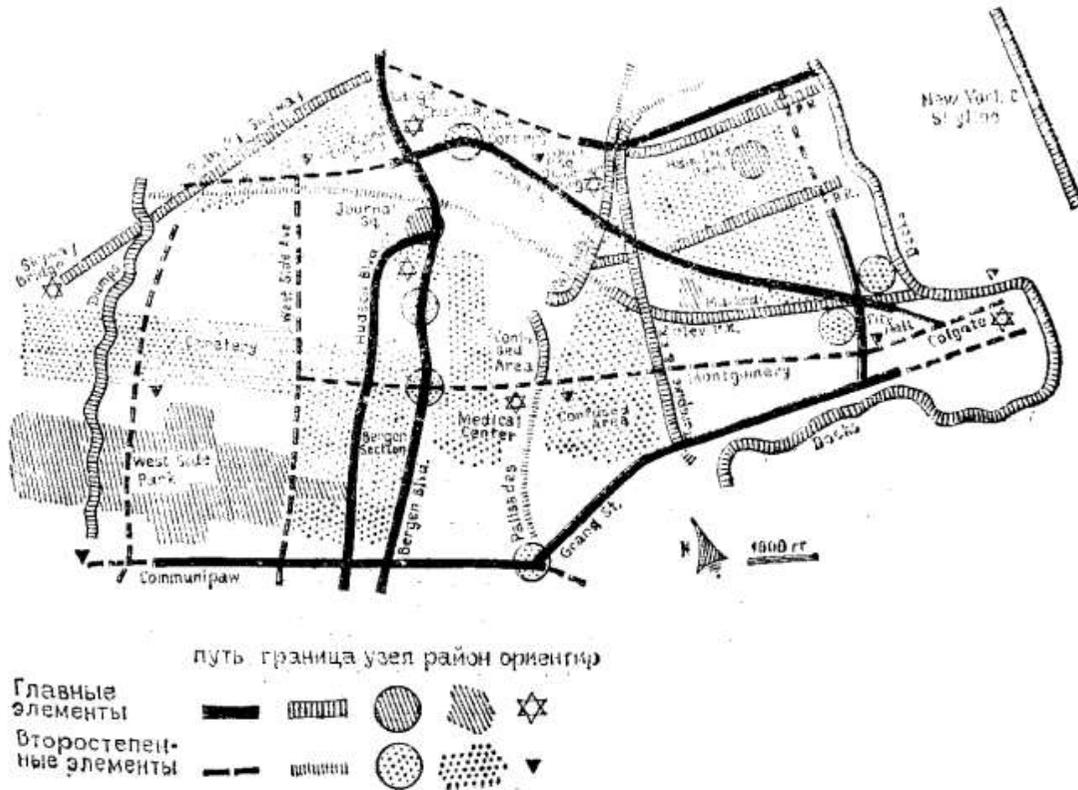

Рис. 9. Обобщенная ментальная карта Джерси-Сити, полученная в ходе исследований К. Линча

Источник: [Линч, 1982].

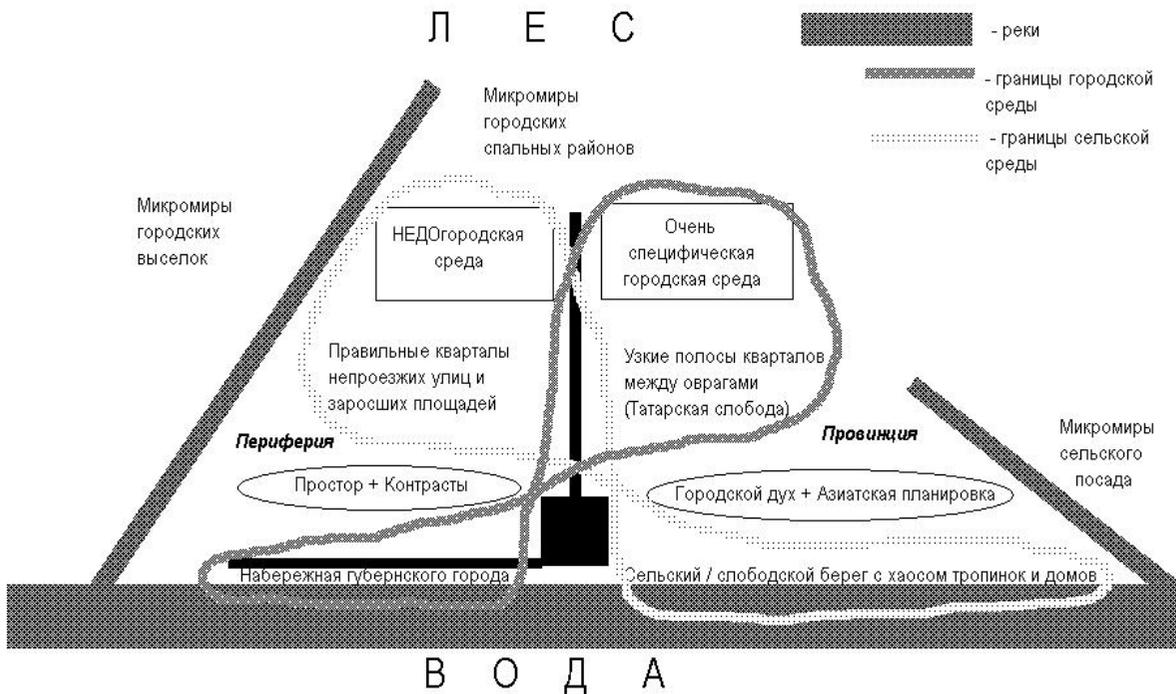

Рис. 10. Пример образно-топографической карты Касимова

Источник: [Митин, 2005, с. 271].

включаемыми в его характеристику» [Митин, 2007, с. 109], «выделенные исследователем локусы городского пространства, обладающие с его точки зрения особыми значениями и смыслами, формирующими “тело” города» [Замятин, 2005, с. 298]. Таким образом, именно на мифогеографической карте города — в отличие от образно-географической карты, построенной как веерная диаграмма и тяготеющей к универсальным психологическим моделям, — происходит «локализация этих (пространственных. — И.М.) мифов и их “привязка” к знаковым местам и другим объектам» [Митин, 2005, с. 271]. Мифогеографические карты *соединяют* нагруженную в содержательном отношении и создаваемую на основе научных методик комплексного географического исследования образно-географическую карту с (условной) географической основой и выступают «мостиком» между (научными) представлениями «в голове» и визуальными геоизображениями.

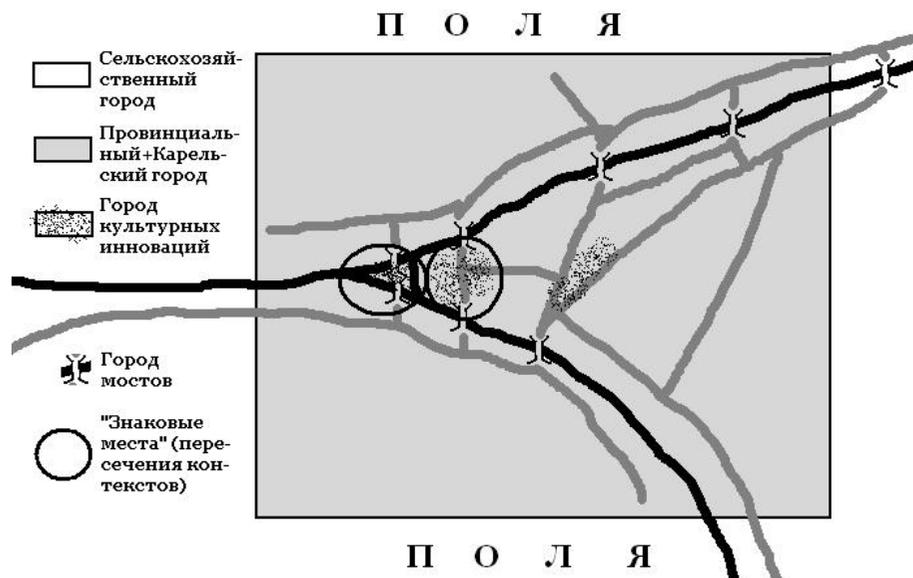

Рис. 11. Пример мифогеографической карты Олонца

Источник: [Митин, 2007, с. 139].

Заключение

Таким образом, мы определили, что у понятия «ментальная карта» с самого момента их серьезной разработки на рубеже 1960—1970-х годов закрепились *два полярных значения*.

Первое — это существующая *в сознании* людей информация, связанная с восприятием окружающего пространства и отражающая индивидуальный или групповой образ города. Она может существовать только в сознании и выражаться вербально, а может реконструироваться в виде веерных диаграмм, в том числе и для непространственной информации. Распространенный в гуманитарной географии метод, соответствующий подобной трактовке, — это образно-географические карты. Иногда этот большой класс ментальных карт города называют *мысленными* картами.

Второе — это имеющие строгую математическую или же весьма условную *географическую основу* геоизображения определенного города или региона, отражающие в том или ином виде представления людей о территории. Часто это нарисованные обывателями на бумаге «самодельные» карты городов, обычно сделанные по заданию исследователя. Работа психологов, географов и социологов с подобными картами включает в себя значительный объем интерпретации полученных результатов, призванной выявить причины и факторы возникновения тех или иных представлений, их распространенность, а также свойства самой городской среды, обусловившие те или иные особенности восприятия ее элементов.

Особой разновидностью этого класса ментальных карт выступают построенные с использованием строгой математической основы и традиционных способов картографического изображения тематические карты, отражающие те или иные представления о местности. Однако

использование термина «ментальные карты» представляется в этом случае дискуссионным — как и для не содержащих пространственной информации интеллект-карт в первом классе.

Перспективным для *культурной и гуманитарной географии и урбанистики* нам представляется использование ментальных карт города для краткого и емкого отображения ведущих — индивидуальных и групповых — представлений о нем: доминантных образов и ключевых особенностей города, отличающих его от других. Для этой цели необходимо *соединить интерпретацию рисованных карт и «привязку» к географической основе и реальной местности бытующих в сознании образов*, стереотипов и других представлений. Так построена классическая работа К. Линча, обобщившего в своих картах ключевых элементов городской среды рисованные карты и представления целого ряда своих информантов. Именно так строятся и образно-географические и мифогеографические карты городов, призванные локализовать их ключевые образы (составляющие образно-географическую карту и/или структуру комплексной географической характеристики) в конкретных точках (знаковых местах) городской территории.

Источники

- Андрюхина Л.М. (2016) Ментальные карты (интеллект-карты) как контрольно-оценивающее средство по дисциплине «История и методология педагогической науки» // Формирование кадрового потенциала СПО — Инновационные процессы на производстве и в профессиональном образовании. Екатеринбург: РГППУ. С. 78–86.
- Беляева И.Г. (2016) Работа с ментальными картами в процессе обучения немецкому языку в неязыковом вузе // Перспективы развития современных гуманитарных наук. Вып. III. Воронеж: ИЦРОН. С. 44–46.
- Бьюзен Т., Бьюзен Б. (2003) Супермышление. Мн.: Попурри.
- Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. (2013) Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVI. № 3 (68). С. 101–111.
- Веселкова Н.В. (2010) Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование. № 31. С. 5–29.
- Глазков К. (2015) Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // *Laboratorium*. Т. 7. № 3. С. 106–117.
- Глазков К. (2013) Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. № 3. С. 39–56.
- Голд Дж. (1990) Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс.
- Грибок М.В. (2009) Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС: дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Географический фак-т МГУ.
- Замятин Д.Н. (2007) Образно-географическая карта (карта географических образов) [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4 / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия. С. 322–325.
- Замятин Д.Н. (2006) Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак.
- Замятин Д.Н. (2005) Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия. С. 276–323.
- Замятина Н.Ю. (2008) Ментальная карта (1) [Материалы к словарю гуманитарной географии] // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 5 / отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия. С. 250–253.
- Коваленко И.М. (2000) Ментальные карты административного устройства Украины и Крыма (по пространственным знаниям жителей г. Симферополя) // Записки Общества геоэкологов. Вып. 3. Режим доступа: <https://goo.gl/SyECiM> (дата обращения: 20.09.2017).
- Лавренова О.А. (1998) Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX вв. (геокультурный аспект) / науч. ред. Ю.А. Веденин. М.: Институт Наследия.
- Линч К. (1982) Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат.
- Мамичева И.С. (2016) Ментальная карта как инструмент визуализации и планирования учебной деятельности в новых условиях // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. № 12. С. 162–168.
- Милграм С. (2000) Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Питер.
- Митин И.И. (2012) Гуманитарная география: Проблемы терминологии и (само)идентификации в российском и международном контекстах // Культурная и гуманитарная география. Т. 1. № 1. С. 1–10.
- Митин И.И. (2011) На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. Философско-культурологический журнал. № 1. С. 62–73.

- Митин И.И. (2007) Методика комплексной культурно-географической характеристики территории: дисс. ... канд. геогр. наук. М.: Географический фак-т МГУ.
- Митин И.И. (2005) Методика полевых гуманитарно-географических исследований в контексте мифогеографии // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия. С. 235–275.
- Озерова Е.В. (2015) Ментальная карта как инструмент построения системы внутреннего контроля организации // Регионоведение. № 4. С. 62–69.
- Сапегин В.А., Фомичева У.В., Шатковская О.В. (2017) Ментальная карта как навигатор в обучении детей игре в шахматы // Герценовские чтения. Художественное образование ребенка. Т. 3. СПб.: ВВМ. С. 327–331.
- Серапинас Б.Б. (2007) Мысленные геообразы и ментальные геоизображения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 1. С. 8–12.
- Тимофеева Т.Н. (2013) Когнитивные карты города Кяхта // Культурная и гуманитарная география. Т. 2. № 1. С. 53–64.
- Тимофеева Т. (2002а) Если бы Ангарск был человеком // Байкальская Сибирь: Фрагменты социокультурной карты: Альманах-исследование / отв. ред. М.Я. Рожанский. Иркутск: б.и. С. 117–122.
- Тимофеева Т. (2002б) Психологическая карта Ангарска // Байкальская Сибирь: Фрагменты социокультурной карты: Альманах-исследование / отв. ред. М.Я. Рожанский. Иркутск: б.и. С. 127–131.
- Толмен Э. (1980) Когнитивные карты у крыс и у человека // Хрестоматия по истории психологии / под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 63–69.
- Шемакин Ф.Н. (1959) Ориентация в пространстве // Психологическая наука в СССР. Т. 1. М.: Изд-во АПН РСФСР. С. 140–192.
- Шенк Ф.Б. (2001) Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. № 4. С. 4–17.
- Appleyard D. (1970) Styles and methods of structuring a city // *Environment and Behavior*. Vol. 2. No. 1. P. 100–117.
- Downs R.M. (1981) Maps and metaphors // *The Professional Geographer*. Vol. 33. No. 3. P. 287–293.
- Downs R.M., Stea D. (1977) *Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping*. N.Y.: Harper and Row.
- Golledge R.G., Jacobson R.D., Kitchin R., Blades M. (2000) Cognitive maps, spatial abilities and human wayfinding // *Geographical Review of Japan*. Vol. 73 (Ser. B). No. 2. P. 93–104.
- Gould P., White R. (1974) *Mental Maps*. Harmondsworth: Pelican Books.
- Graham E. (1982) Maps, metaphors and muddles // *The Professional Geographer*. Vol. 34. No. 3. P. 251–260.
- Image and Environment. *Cognitive Mapping and Spatial Behavior (1973)* / R.M. Downs, D. Stea (eds). New Brunswick – L.: Aldine Transaction.
- Jacobson D. (2006) Mental maps // *Encyclopedia of Human Geography* / B. Warf (ed.). Thousand Oaks, CA – London – New Delhi: SAGE Publications. P. 299–301.
- Kitchin R. (1994) Cognitive maps: What are they and why study them? // *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 14. Iss. 1. P. 1–19.
- Klippel A. (2010) Mental maps // *Encyclopedia of Geography* / B. Warf (ed.). SAGE Publications. Available at: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml> (accessed 20.09.2017).
- Lees L. (2002) Rematerializing Geography: The 'New' Urban Geography // *Progress in Human Geography*. Vol. 26. No. 1. P. 101–112.
- Murray D., Spencer C. (1979) Individual differences in the drawing of cognitive maps: the effects of geographical mobility, strength of mental imagery and basic graphic ability // *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series. Vol. 4. No. 3. P. 385–391.
- Pocock D.C.D. (1976) Some characteristics of mental maps: an empirical study // *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series. Vol. 1. No. 4. P. 493–512.
- Robinson J.P., Hefner R. (1968) Perceptual maps of the World // *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 32. No. 2. P. 273–280.
- Saarinen T.F. (1973) The use of projective techniques in geographical research // *Environment and Cognition* / W.H. Ittelson (ed.). N.Y.: Academic Press.
- Soja E.W. (1996) *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford: Basil Blackwell.
- Tolman E.C. (1948) Cognitive maps in rats and men // *The Psychological Review*. Vol. 55. No. 4. P. 189–208.
- Trowbridge C.C. (1913) On fundamental methods of orientation and "imaginary maps" // *Science*. New Series. Vol. XXXVIII. No. 990. P. 888–897.
- Tuan Y-F. (1975) Images and mental maps // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 65. No. 2. P. 205–213.
- Zmudzinska-Novak M. (2003) Searching for legible city form: Kevin Lynch's theory in contemporary perspective // *Journal of Urban Technology*. Vol. 10. No. 3. P. 19–39.

IVAN MITIN

URBAN MENTAL MAPS:

HISTORY OF THE TERM AND THE DIVERSITY OF APPROACHES

Ivan Mitin, PhD in Geography, assistant professor, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow, Russian Federation.

E-mail: gumgeo@gmail.com

Abstract

This article describes establishment and development of the history of urban mental maps. Two opposing meanings of mental maps are stated as a result of comparative historic study, namely, 1) mental spatial information, representing the image of the city and the orientations schemes, and 2) cartographical geovisualization, which reflects individual or group perception of space. Intellect-maps being not close to spatial data and “image-geographical” maps, elaborated within Russian geohumanities are additionally described in the first case. The divide between sketch maps drawn by people according to the researcher’s task and the maps of space perceptions, which are close to the traditional thematic geographical maps, is stated in the second case. The mental maps, combining the traits of both big classes are argued to be the most prospective. Kevin Lynch’s generalized urban maps based on the results of individual cities’ perceptions gained by various research methods, and “image-topographic” and “mythogeographical” maps from the Russian geohumanities are named among those prospective ones.

Key words: mental maps; space perception; space representation; cultural geography; geohumanities; image of the city; history of urban studies

References

- Andryukhina L.M. (2016) Mental'nye karty (intellekt-karty) kak kontrol'no-ocenivajushhee sredstvo po discipline “Istorija i metodologija pedagogicheskoy nauki” [Mental maps as the control and evaluating tools in teaching a discipline “The history and methodology of pedagogy”]. *Formirovanie kadrovogo potenciala SPO – Innovacionnyy processy na proizvodstve i v professional'nom obrazovanii* [The formation of personnel potential of educational organizations – Innovation processes in industry and professional education]. Ekaterinburg: RGPPU, pp. 78–86. (In Russian.)
- Appleyard D. (1970) Styles and methods of structuring a city. *Environment and Behavior*, vol. 2, no 1, pp. 100–117.
- Belyayeva I.G. (2016) Rabota s mental'nymi kartami v processe obuchenija nemeckomu jazyku v nejazykovom vuze [The usage of mind maps in the process of teaching German in non-linguistic university]. *Perspektivy razvitiya sovremennyh gumanitarnykh nauk* [The prospects of modern humanities’ development], iss. III. Voronezh: ICRON, pp. 44–46. (In Russian.)
- Buzan T., Buzan B. (2003) *Supermyshlenie* [The Mind Map Book]. Minsk: Popurri.
- Downs R.M. (1981) Maps and metaphors. *The Professional Geographer*, vol. 33, no 3, pp. 287–293.
- Downs R.M., Stea D. (1977) *Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping*. N.Y.: Harper and Row.
- Glazkov K. (2015) Mental'nye karty: ogranichenija metoda i obraz “chuzhogo” v malom gorode [Mental maps: The method’s limitations and a “Strange” image in a small town]. *Laboratorium*, vol. 7, no 3, pp. 106–117.
- Glazkov K. (2013) Mental'nye karty: sposoby analiza, pogreshnost' i prostranstvennaja metrika [Mental maps; means of analysis, error estimates and spatial metrics]. *Sociologija vlasti* [Sociology of Power], no 3, pp. 39–56.
- Gold J. (1990) *Psihologija i geografija: Osnovy povedencheskoj geografii* [Psychology and Geography. An Introduction to Behavioural Geography]. Moscow: Progress.

- Golledge R.G., Jacobson R.D., Kitchin R., Blades M. (2000) Cognitive maps, spatial abilities and human wayfinding. *Geographical Review of Japan*, vol. 73 (Ser. B), no 2, pp. 93–104.
- Gould P., White R. (1974) *Mental Maps*. Harmondsworth: Pelican Books.
- Graham E. (1982) Maps, metaphors and muddles. *The Professional Geographer*, vol. 34, no 3, pp. 251–260.
- Gribok M.V. (2009) *Analiz formirovanija obrazov regionov Rossii v federal'nyh informacionnyh programmah televidenija s pomoshh'ju GIS* [The analysis of the creation of images of Russian regions in federal TV news by means of GIS]: Dissertation in Geography. Moscow: Moscow State Un-ty. (In Russian.)
- Image and Environment. Cognitive Mapping and Spatial Behavior* (1973) / R.M. Downs, D. Stea (eds). New Brunswick – L.: Aldine Transaction.
- Jacobson D. (2006) Mental maps. *Encyclopedia of Human Geography* / B. Warf (ed.). Thousand Oaks, CA – London – New Delhi: SAGE Publications, pp. 299–301.
- Kitchin R. (1994) Cognitive maps: What are they and why study them? *Journal of Environmental Psychology*, vol. 14, iss. 1, pp. 1–19.
- Klippel A. (2010) Mental maps // *Encyclopedia of Geography* / B. Warf (ed.). SAGE Publications. Available at: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml> (accessed 20.09.2017).
- Kovalenko I.M. (2000) Mental'nye karty administrativnogo ustrojstva Ukrainy i Kryma (po prostranstvennym znanijam zhitelej g. Simferopolja) [Mental maps of administrative divisions of the Crimea and Ukraine (according to the spatial awareness of Simferopol' dwellers)]. *Zapiski Obshhestva geojekologov*, iss. 3. Available at: <https://goo.gl/SyECiM> (accessed 20.09.2017). (In Russian.)
- Lavrenova O.A. (1998) *Geograficheskoe prostranstvo v russkoj poezii XVIII – nachala XX vv. (geokul'turnyj aspekt)* [Geographical space in the Russian poetry of 18th – the beginning of XXth century (geocultural approach)] / Yu.A. Vedenin (ed.). Moscow: Heritage Institute. (In Russian.)
- Lees L. (2002) Rematerializing Geography: The “New” Urban Geography. *Progress in Human Geography*, vol. 26, no 1, pp. 101–112.
- Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow: Strojizdat. (In Russian.)
- Mamicheva I.S. (2016) Mental'naja karta kak instrument vizualizacii i planirovanija uchebnoj dejatel'nosti v novyh uslovijah [Mental map (mind map) as an instrument of visualization and planning of educational activity in new conditions]. *Social'no-psihologicheskie problemy mental'nosti / mentaliteta* [Social and Psychological Problems of Mentality / Mindset], no 12, pp. 162–168. (In Russian.)
- Milgram S. (2000) *Eksperiment v social'noj psihologii* [The Individual in a Social World]. St. Petersburg: Piter. (In Russian.)
- Mitin I.I. (2012) Gumanitarnaja geografija: Problemy terminologii i (samo)identifikacii v rossijskom i mezhdunarodnom kontekstah [GeoHumanities: terminology and (self-)identity problems in Russian and international contexts]. *Cultural Geography and GeoHumanities*, vol. 1, no 1, pp. 1–10. (In Russian.)
- Mitin I.I. (2011) Na puti k voobrazhaemoj geografii: dva povorota, tri prostranstva [On the way towards imaginary geography: 2 turns, 3 spaces]. *Topos*, no 1, pp. 62–73. (In Russian.)
- Mitin I.I. (2007) *Metodika kompleksnoj kul'turno-geograficheskoj kharakteristiki territorii* [Methods of Complex Cultural Geographical Description of Territory]: Dissertation in Geography. Moscow: Moscow State Un-ty. (In Russian.)
- Mitin I.I. (2005) Metodika polevyh gumanitarno-geograficheskikh issledovanij v kontekste mifogeografii [Methods of field geohumanities studies within the context of mythogeography]. *Gumanitarnaja geografija* [Geohumanities], iss. 2 / D.N. Zamyatin (ed.). Moscow: Heritage Institute, pp. 235–275. (In Russian.)
- Murray D., Spencer C. (1979) Individual differences in the drawing of cognitive maps: the effects of geographical mobility, strength of mental imagery and basic graphic ability. *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series, vol. 4, no 3, pp. 385–391.
- Ozerova Ye.V. (2015) Mental'naja karta kak instrument postroenija sistemy vnutrennego kontrolja organizacii [Mind map as a tool for building the internal control system of an organization]. *Regionology*, no 4, pp. 62–69. (In Russian.)
- Pocock D.C.D. (1976) Some characteristics of mental maps: an empirical study. *Transactions of the Institute of British Geographers*. New Series, vol. 1, no 4, pp. 493–512.
- Pryamikova Ye.V., Vandyshev M.N., Veselkova N.V. (2013) Mesta pamjati i simvolicheskij kapital territorij v mental'nyh kartah gorozhan [Les lieux de mémoire and symbolic capital of territories in mental maps of town-dwellers]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. XVI, no 3 (68), pp. 101–111. (In Russian.)
- Robinson J.P., Hefner R. (1968) Perceptual maps of the World. *The Public Opinion Quarterly*, vol. 32, no 2, pp. 273–280.
- Saarinen T.F. (1973) The use of projective techniques in geographical research. *Environment and Cognition* / W.H. Ittelson (ed.). N.Y.: Academic Press.

- Sapegin V.A., Fomicheva U.V., Shatkovskaja O.V. (2017) Mental'naja karta kak navigator v obuchenii detej igre v shahmaty [Mind map as a navigator in children's chess learning]. *Gercenovskie chtenija. Hudozhestvennoe obrazovanie rebjonka* [The Herzen Readings. Children's Art Education], vol. 3. St. Petersburg: VVM, pp. 327–331. (In Russian.)
- Schenk F.B. (2001) Mental'nye karty: konstruirovanie geograficheskogo prostranstva v Evrope [Mental maps: The construction of geographical space in Europe]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], no 4, pp. 4–17.
- Serapinas B.B. (2007) Myslennye geoobrazy i mental'nye geoizobrazhenija [Mental geopictures and mental geomaps]. *Vestnik of Moscow Un-ty. Series 5. Geography*, no 1, pp. 8–12. (In Russian.)
- Shemyakin F.N. (1959) Orientacija v prostranstve [Orientation in space]. *Psichologicheskaja nauka v SSSR* [Psychological sciences in the USSR], vol. 1. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of Russian SFSR, pp. 140–192. (In Russian.)
- Soja E.W. (1996) *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford: Basil Blackwell.
- Timofeyeva T.N. (2013) Kognitivnye karty goroda Kyakhta [Cognitive maps of Kyakhta (Buryatia, Russia)]. *Cultural Geography and GeoHumanities*, vol. 2, no 1, pp. 53–64. (In Russian.)
- Timofeyeva T. (2002a) Esli by Angarsk byl chelovekom [If Angarsk was a Man]. *Bajkal'skaja Sibir': Fragmenty sociokul'turnoj karty* [The Baikal Siberia: Fragments of Socio-Cultural Map] / M.Ya. Rozhansky (ed.). Irkutsk, pp. 117–122. (In Russian.)
- Timofeyeva T. (2002b) Psikhologicheskaja karta Angarska [Psychological Map of Angarsk]. *Bajkal'skaja Sibir': Fragmenty sociokul'turnoj karty* [The Baikal Siberia: Fragments of Socio-Cultural Map] / M.Ya. Rozhansky (ed.). Irkutsk, pp. 127–131. (In Russian.)
- Tolman E. (1980) Kognitivnye karty u krys i u cheloveka [Cognitive maps in rats and men]. *Khrestomatija po istorii psihologii* [Readings in the History of Psychology] / P.Ya. Gal'perin, A.N. Zhdan (eds). Moscow: Moscow Un-ty Press, pp. 63–69.
- Tolman E.C. (1948) Cognitive maps in rats and men. *The Psychological Review*, vol. 55, no 4, pp. 189–208. (In Russian.)
- Trowbridge C.C. (1913) On fundamental methods of orientation and "imaginary maps". *Science. New Series*, vol. XXXVIII, no 990, pp. 888–897.
- Tuan Y-F. (1975) Images and mental maps. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 65, no 2, pp. 205–213.
- Veselkova N.V. (2010) Mental'nye karty goroda: voprosy metodologii i praktika ispol'zovanija [City mental maps: Issues of methodology and empirical experience]. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*, no 31, pp. 5–29. (In Russian.)
- Zamyatin D.N. (2007) Obrazno-geograficheskaja karta (karta geograficheskikh obrazov) (Materialy k slovarju gumanitarnej geografii) [Image Geographical Map (Map of geographical images) (Materials for the Geohumanities Vocabulary)]. *Gumanitarnaja geografija* [Geohumanities], iss. 4 / D.N. Zamyatin (ed.). Moscow: Heritage Institute, pp. 322–325. (In Russian.)
- Zamyatin D.N. (2006) *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling Geographical Images]. Moscow: Znak. (In Russian.)
- Zamyatin D.N. (2005) Lokal'nye istorii i metodika modelirovanija gumanitarno-geograficheskogo obraza goroda [Local histories and the methods of urban image modeling in geohumanities]. *Gumanitarnaja geografija* [Geohumanities], iss. 2 / D.N. Zamyatin (ed.). Moscow: Heritage Institute, pp. 276–323. (In Russian.)
- Zamyatina N.Yu. (2008) Mental'naja karta (1) (Materialy k slovarju gumanitarnej geografii) [Mental map (1) (Materials for the Geohumanities Vocabulary)]. *Gumanitarnaja geografija* [Geohumanities], iss. 5 / I.I. Mitin (ed.). Moscow: Heritage Institute, pp. 250–253. (In Russian.)
- Zmudzinska-Novak M. (2003) Searching for legible city form: Kevin Lynch's theory in contemporary perspective. *Journal of Urban Technology*, vol. 10, no 3, pp. 19–39.

А.В. ГОРОДНИЧЕВ
РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
“TRANSPORT SYSTEM OF RUSSIAN CITIES: ONGOING TRANSFORMATIONS”

Urban Studies and Practices Vol.2 #3, 2017, 80-82
<https://doi.org/10.17323/usp23201780-82>

Городничев Антон Валерьевич, магистр градостроительства, эксперт Высшей школы урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4.
E-mail: agorodnichev@hse.ru

Изданная международным издательством Springer монография “Transport system of Russian Cities: Ongoing Transformations” — коллективный труд сотрудников Института экономики транспорта и транспортной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Книга вышла в серии “Transportation Research, Economics and Policy” и представляет собой научное исследование транспортных систем городов России, их эволюции за последнюю четверть века и их связь с практикой городского планирования в постсоветскую эпоху. Подобные работы ранее не издавались ни на русском, ни на английском языке — монография является первым примером комплексного подхода к изучению отечественного опыта транспортного планирования.

Рассматриваемая монография опирается на ряд проблем, с которыми сталкивается транспортное планирование в России. Во-первых, противоречие частных и публичных интересов, которое можно проиллюстрировать примером демонтажа трамвайных путей для увеличения пропускной способности дорог, то есть в пользу личного автотранспорта. Во-вторых, поиск оптимальных планировочных решений ограничен недостаточным финансированием отрасли пассажирских перевозок, а также наличием серого рынка перевозок. В-третьих, внедрение новых технологий и практик управления транспортными системами затруднено применением устаревших подходов к развитию российских городов.

Книга состоит из десяти глав. Каждая глава посвящена определенному направлению транспортных исследований. При анализе российской транспортной политики авторы монографии опираются на достижения и методологию современной науки. В книге рассматриваются вопросы транспортного планирования и транспортного моделирования, особое внимание уделено влиянию пространственной структуры города на транспортное поведение горожан и городское планирование в постсоциалистических городах. Авторы исследуют роль культуры, повседневных практик горожан, политических и социальных институтов в развитии и управлении транспортными системами российских городов, что, несомненно, можно отнести к преимуществам данной книги.

В аннотации к **первой главе** (“Transport Planning and Transport Modeling”) отмечено, что «транспортное планирование как социально-экономическая практика было подвержено радикальному влиянию идеологии», которая определяла развитие России и ее городов в течение большей части XX в. Однако даже находясь под идеологическим давлением, советское транспортное планирование развивалось и достигло успехов в моделировании транспортных потоков, методологии проведения исследований мобильности и разработке специального математического аппарата. Во **второй главе** (“Urban Spatial Structure as a Factor of Travel Behavior”) авторы кратко описывают историю советского градостроительства, эволюцию транспортного планирования в СССР и современной России, указывают на преемственность подходов пространственного развития. Социалистический город является примером реализации концепции города, в которой доминирует система общественного транспорта (*transit-*

oriented development) и которая предполагает низкий уровень автомобилизации населения¹. Следствием выбора упомянутой стратегии развития города становятся такие проблемы, как низкая плотность улично-дорожной сети, слабая связанность территорий, нехватка парковочных мест, рыхлая микрорайонная застройка, отсутствие смешанного землепользования на периферии городов. Морфология городской застройки выступает данностью, с которой, с одной стороны, приходится мириться, но с другой — сегодняшнее состояние транспортной науки позволяет преодолевать унаследованные от прошлого ограничения.

В четвертой главе (“Integration of a Commuter Rail in the Transport System of the City”) показаны перспективы адаптации советской железнодорожной инфраструктуры к условиям жизни постиндустриального мегаполиса. Самым известным примером подобной модернизации является запущенное в 2016 г. Московское центральное кольцо. Другим примером выступает проект «Центральных диаметров», о котором было объявлено в конце 2017 г., а перспективность реализации рассмотрена в данной главе. Развитие городских электричек, интегрированных с другими системами общественного транспорта, — это один из возможных вариантов тонкой настройки городского пространства. Имплементация политик управления транспортным спросом, которым посвящена **пятая глава** (“Travel Demand Management in the Largest Cities”), также представляет собой пример тонкой настройки, направленной на снижение использования личного автотранспорта горожанами. Эти политики включают в себя: введение платной парковки, ограничение скоростного режима, создание пешеходных зон и велодорожек, развитие каршеринга, модернизацию системы общественного транспорта через обновление подвижного состава, создание выделенных линий, внедрение электронных билетов.

Реализация тех или иных политик, а также успешность инфраструктурных проектов, например Московского центрального кольца, зависит от качества институциональной среды (значение институтов для планирования раскрывается в **шестой главе** — “Formal and Informal Institutions for Urban Transport Management”). Под институтами обычно понимаются правила, структуры и нормы, которые создают и обеспечивают кооперацию и взаимодействие между индивидами и группами. Крах советской институциональной системы, политическая нестабильность и экономический кризис 1990-х годов привели к ухудшению качества пассажирских перевозок и дезинтеграции транспортного планирования (**третья глава** “Urban Public Transport Development: Trends and Reforms”). Авторы на богатом эмпирическом материале показывают, к каким последствиям привело дерегулирование пассажирских перевозок, символом которого стали маршрутки: банкротство муниципальных транспортных предприятий, снижение количества перевезенных пассажиров, появление частного рынка перевозок.

Транспортное планирование рассматривается не как решение логистической задачи или математическое моделирование транспортных потоков. Любое планирование, в том числе транспортное, должно учитывать факторы ограниченности ресурсов, наличия необходимых технологий, давления групп интересов и мотивов лиц, принимающих решения. В таком случае планирование будет заключаться в выборе между альтернативами. Выбор одной из них не устроит каждую заинтересованную группу, а компромиссный вариант, скорее всего, будет неоптимальным с точки зрения использования ресурсов и полученных результатов. Для транспортного планирования актуальным и во многом определяющим, помимо всего вышеперечисленного, являются унаследованная от советского периода пространственная структура города и воспроизводимые советские практики территориального развития.

Противоречивость процесса развития транспортных систем городов России, проблемы и вызовы, стоящие перед планировщиками, пока слабо изучены. С одной стороны, данная монография подводит итог 25-летнего опыта постсоциалистического транзита, с другой — ее можно рассматривать как основу для дальнейших исследований развития транспортных систем российских городов.

Источники

Transport Systems of Russian Cities: Ongoing Transformations / M. Blinkin, E. Koncheva (eds). N.Y.: Springer, 2016.

¹ В 1990 г. на 1000 жителей Советского Союза приходилось 50 единиц личного автотранспорта.

ANTON GORODNICHEV

BOOK REVIEW

TRANSPORT SYSTEMS OF RUSSIAN CITIES: ONGOING TRANSFORMATIONS

Anton Gorodnichev, Master in Urban Planning, expert,
Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University
Higher School of Economics;
13 bldg. 4 Myasnitskaya Street, Moscow, Russian Federation.
E-mail: agorodnichev@hse.ru

Referenses

Transport Systems of Russian Cities: Ongoing Transformations / M. Blinkin, E. Koncheva (eds). N.Y.: Springer, 2016.

**МЫ ПРИГЛАШАЕМ АВТОРОВ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ
«ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКИ»!**

«Городские исследования и практики» (печатная версия ISSN 2500-1604, электронная версия ISSN 2542-0003) – это международный научный рецензируемый журнал, выпускаемый Высшей школой урбанистики имени А.А. Высоковского НИУ ВШЭ.

Журнал является новой площадкой, на которой начинающие и уже опытные городские исследователи и практикующие специалисты в области градостроительства могут обмениваться опытом и знаниями с помощью эмпирических и теоретических исследовательских статей, рецензий, обзоров статей, монографий российских и зарубежных авторов.

Мы будем рады сотрудничеству с авторами, область научных интересов которых затрагивает городские исследования, городское планирование, транспорт, экономику городов, социологию и антропологию города, географию, экистику, искусство в городе, архитектуру, дизайн и новые городские технологии и т.п.

Дизайн журнала позволяет задействовать в тексте разнообразные средства презентации: формулы, графики, карты, фотографии и пр.

К публикации принимаются оригинальные, ранее не опубликованные рукописи на русском и английском языках, сопровождающиеся любыми необходимыми визуальными материалами. Объем статей – до 60 тыс. знаков, объем рецензий, обзоров – до 10 тыс. знаков.

Если вы планируете написать для нас рецензию, пришлите заявку на электронный адрес редакции журнала, указав в ней название рецензируемой монографии и краткую информацию о себе.

Материалы с пометкой «Статья» («Рецензия») в теме письма присылайте на нашу электронную почту usp_editorial@hse.ru

Более подробную информацию о журнале можно получить по ссылке <https://usp.hse.ru/>

Call for Papers

THE URBAN STUDIES AND PRACTICES JOURNAL INVITES AUTHORS TO CONTRIBUTE PAPERS FOR PUBLICATION.

The Journal of Urban Studies and Practices (Print ISSN 2500-1604, Online ISSN 2542-0003) is a high-quality, open access, peer-reviewed research journal that is published by the Vysokovsky Graduate School of Urbanism at the National Research University Higher School of Economics.

The journal provides a platform for both and experienced researchers and urban planning practitioners to share their knowledge and expertise in the form of high-quality empirical and theoretical research papers as well as reviews of books and academic literature. It publishes research papers, in the fields of urban studies, urban planning, urban transportation, urban economics and sociology, anthropology, urban geography, ekistics, new city technologies, urban art, architecture and urban design.

The journal is published on a quarterly basis and is available both in print and online. A typical article should be limited to 60,000 characters including an abstract, references, notes, appendices, tables and figures. A book review should not exceed 10,000 characters. The articles/reviews are accepted in English or Russian. The design of the journal is tailored to accommodate plain text, formulas, graphs, maps, photos, etc.

We invite you to submit papers for the next issues of the *Journal of Urban Studies and Practices*.

Please send your manuscript for review to usp_editorial@hse.ru (email subject "Article" or "Review").

For more information about the journal, please visit <https://usp.hse.ru/en/about>

Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. л. 9,5.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6